

**БОРИС
АНДРОНИКАШВИЛИ**

**СТРАНИЦЫ
ПРОШЛОГО
ЧИТАЯ...**

**БОРИС
АНДРОНИКАШВИЛИ**

**СТРАНИЦЫ
ПРОШЛОГО
ЧИТАЯ...**

ТБИЛИСИ «МЕРАНИ» 1987

Книга Б. Андроникашвили «Страницы прошлого читая...», построенная на богатом историческом и литературном материале, посвящена жизни и общественной деятельности грузин в России в XVIII и XIX вв., раскрывает новые страницы русско-грузинских литературных и общественных связей.

Редактор Ш. А. ХАНТАДЗЕ

4702010000 — 140

А ————— 136 — 87

М 604 (08) — 87

ПАМЯТНИКИ ПРОШЛОГО

I

В Москве, в разных ее местах, в том числе тесно связанных с русской историей, расположены многие памятники русско-грузинских культурных и политических связей.

О памятниках этих, к сожалению, мало кто знает. В силу тех или иных обстоятельств они не привлекали к себе развернутого внимания историков. Мы, современные люди, часто проходим мимо них, не подозревая даже о том, какая любопытная страница прошлого связана с ними.

Улица 25 Октября, в прошлом Никольская, была одной из самых оживленных и бойких улиц старой Москвы. Здесь в XVI веке Иван Грозный построил первую на Руси типографию — «Печатный двор», в котором была набрана первая русская книга «Апостол». На этой улице находилось также первое высшее учебное заведение Москвы — Славяно-греко-латинская академия, в которой учились Ломоносов, Кантемир и другие видные деятели. Рядом, в Заиконоспасском монастыре Симеон Полоцкий обучал латыни и грамоте молодых подъячих. По сторонам Никольской стояли дворы бояр Шереметевых, Салтыковых, князей Хованских, Воротынских, Черкасских и других.

Здесь же был Монетный двор, в котором чеканились деньги, и Иконный ряд.

Рядом с этими зданиями, в том конце улицы, который выходит на Красную площадь, напротив нынешнего ГУМа, стоял Никольский православный греческий монастырь, известный с 1390 года, по имени которого и была названа улица. От него же получила свое наименование и Никольская башня Кремля. На старом плане виден «Св. Николы монастырь, где совершались крестные ходования в знак клятвы в сомнительных делах» (вероятно, главным образом в торговых). Нарушить клятву, данную в Никольском монастыре, считалось невозможным. Сейчас в непосредственной близости от Кремля, сохранились только его остатки — жилые помещения, надворные постройки, ко-

торые можно увидеть лишь пройдя дворы и подворотни. Монастырь существовал еще до недавнего времени. Лишь в 1943 году нижняя церковь — Никольская — была занята под гараж, в верхней — Успения — разместились жильцы.

Этому монастырю суждено было стать первым памятником русско-грузинских отношений.

XV век. На престол вступил великий князь Московский Иван III. В Москву приехали грузинские послы, первые послы единоверной Грузии. Это было в 1491 году. Они доставили великому князю грамоту от кахетинского царя Александра I.

После падения Византии христианская Грузия оказалась в одиночестве перед чуждым ей мусульманским Востоком. Единственной близкой по духу была Москва.

«Пресветлый государь, — писал в грамоте царь Кахетии, — из дальние земли ближнего мыслью меньшей брат твой Александр челом бью»¹.

«Мы еще здесь, в Иверской земле, в здравии живем»². «Еще» прямо указывало на настоящие и в особенности грядущие бедствия от исконных врагов Грузии — турок и персов.

Александр I просил у Ивана III помощи и союза.

Кахетинский царь Александр I — фигура во многом недооцененная. Несмотря на короткий исторический срок — неполных сорок лет, прошедших со дня падения Византии (1453 г.), — он сумел правильно предопределить исторические судьбы Грузии на много веков вперед. Это был прозорливый государственный муж с широким историческим мышлением.

Но русский народ сам тогда боролся против своего главного врага — Золотой Орды. И все же уже тогда вокруг Москвы стали сплачиваться народы, видевшие в ней свою возможную союзницу.

Этот год — 1491 — можно считать началом отныне непрекращающихся дружеских, политических и государственных связей Грузии и России.

Русские и грузинские цари шлют друг к другу посольства. История сохранила нам имена послов и подробности их переговоров с Иваном Грозным, Борисом Годуновым, Феодором Иоанновичем, Михаилом Феодоровичем. Грузия настойчиво ищет союза с Россией. И Москва в эпоху своего возвышения бережет и укрепляет связи с Грузией, оказывает ей всевозможную помощь.

¹ Н. Карамзин. История государства Российского, т. XV, прим. 370.

² Там же.

В ознаменование крепнувших союзных и договорных отношений в единоверную Россию из Афонского Иверского монастыря, являвшегося важнейшим центром грузинской культуры за пределами Грузии и известного во всем православном мире, доставляется икона Иверской божьей матери. Эта религиозная святыня почиталась русскими паломниками еще задолго до описываемого периода.

Вот тогда-то царь Алексей Михайлович пожаловал Никольский монастырь, с которого мы начали наш рассказ, в вечное владение грузинам. Возле него впоследствии возникла Иверская часовня, которая перекрыла один из проездов с Манежной на Красную площадь.

Монастырь сразу стал культурным и религиозным центром грузинской колонии, давал приют грузинским сановникам и иереям при посещении ими стольного града.

И расположение монастыря — близко к Кремлю — и само существование в Москве грузинского подворья свидетельствуют о прочности и разнообразии отношений между русскими и грузинскими дворами и церковью.

Никольскому монастырю суждено было стать и первым пантеоном грузинских государственных деятелей в Москве. В его усыпальнице похоронены были представители старшего поколения грузинской колонии во главе с митрополитом Елифаньем и царицей Екатериной Георгиевной, супругой царя Кайхосро Лезановича.

Надгробия из этой усыпальницы затем были перенесены в пантеон Донского монастыря.

Старшее поколение грузинской колонии... Когда оно образовалось и почему?

Старый путь из Грузии в Россию был долгим и трудным. Послы преодолевали его в один-два года. Он шел через Дарьяльское ущелье на город Терки, затем на Астрахань и вверх по Волге, на Казань и Нижний Новгород, оттуда через Владимир и Суздаль — на престольный град... В 1653 году этой дорогой проследовал со своей матерью царицей Еленой Леонтьевной царевич Ираклий, внук Теймураза I, правнук великомученицы Кетеван. По всему пути в России ему оказывались почести. В Нижний Новгород для встречи царевича были посланы князь Прозоровский со свитой, у Тверских ворот в Москве царский поезд был встречен другими приближенными царя, а при въезде в город многочисленными толпами во главе со стольниками, стряпчими и московскими дворянами.

В Кремле, в Грановитой палате, царь Алексей Михайлович дал большой прием в честь грузинского царевича. На торжест-

венном обеде царевич сидел по левую руку государя, патриарх всея Руси Никон — по правую.

Это все происходило 1 января 1654 года.

Царица Мария Ильинична приняла мать царевича в Золотой палате Кремля с той же пышностью. И матери, и сыну были оказаны самые высокие царские почести.

Затем царевич сопровождает царя в подмосковный Звенигород, в монастырь к Савве Чудотворцу (ныне Саввино-Сторожевский монастырь). Это было излюбленное место богомоля царя Алексея Михайловича. Как раз в том году монастырь был заново отстроен. Он и сейчас поражает посетителей величиной и законченностью архитектурных форм. Царь Алексей и вместе с ним Ираклий осмотрели новые каменные стены и храмы, сторожевые башни, живописную трапезную и дворец, а также колокольню и царицыны палаты.

Современники отмечают, что государь везде появляется в сопровождении царевича. Во время осмотра на Девичьем поле в честь послов гетмана Богдана Хмельницкого царевич стоит рядом с царем.

Он часто также бывает на обедах у патриарха Никона в его резиденции на Патриарших прудах. Никон оставался фактическим правителем, когда Алексей Михайлович ходил в походы.

В том же 1654 году Алексей Михайлович выступает на войну против польского короля Яна Казимира. Ираклий сопровождает его. Впереди войска несут высокочтимую икону Иверскую. Ее выносят затем к войскам перед каждым боем.

Икона Иверская, которую несли перед войском Алексея Михайловича в походе на поляков, была из Царьграда, указывает И. Забелин. До этого она находилась в Успенском соборе Кремля и называлась полностью «Пречистая путеводительница и помощница в напастях, чудотворная икона богородичная Иверская». Из Успенского собора до Донского монастыря, откуда выступали в поход, ее провожали сам государь и патриарх Никон со всем священным собором и крестным ходом.

И. Забелин пишет: «Известно, как счастлив был этот государев поход, а потому с того времени столько же прославилась божиею благодатью и Иверская икона».

Доктор богословия архимандрит Сергий в изданном им в 1879 году исследовании «Иверская святая и чудотворная икона богоматери на Афоне и списки ее в России» доказал на основании исторических данных, что первый список-копия Афонской Иверской иконы, присланный иверским архимандритом Пахомием, находится в Новодевичьем монастыре.

Эта икона была привезена в Москву из Царьграда в 1654 году 15 мая. Она сопровождала царю Алексею в Вязьму, когда он шел войной против поляков.

Первый стан в этом походе был разбит на Воробьевых горах. Здесь в походном шатре государь принял посла имеретинского царя князя Кайхосро, который прибыл в Москву вместе с царевичем и все время находился в его свите.

Царевич часто бывал на Никольской у грузинского епископа Епифания, с которым занимался богословием и литературой.

На четвертый год пребывания царевича в Москве сюда был его дед Теймураз I. Это был первый грузинский царь, который посетил Москву. Царь Алексей издал указ: «В улицах, по которым идти грузинскому царю, прибрать начисто. Лавки, которые без затворов, вычистить, и мостовой лес прибрать, чтоб везде все было стройно...» (Дворцовые разряды, т. III). Была даже снесена «каменная харчевня с горном» у Воскресенских ворот, показавшаяся неприличной, и заменена караульной.

Алексей Михайлович принял Теймураза тоже в Грановитой палате. С грузинским царем были архимандрит и игумены, а также большая свита. Теймураз просил помощи для борьбы с турками и персами. Но Россия вела в это время войну с поляками и шведами, была занята и другими важными делами — Украиной, Крымом, подавлением восстаний.

В следующем году восставший грузинский народ сам изгнал захватчиков из Кахетии. Кахетинцы приглашали Ираклия на царство.

Ему был дан прощальный прием в Грановитой палате.

Перед самым отъездом он наносит визит государю в селе Покровском, которое было расположено в районе Бакунинской улицы и за Елоховской площадью. Карету его сопровождали 350 конных стрельцов. На площади стояло еще 300 стрельцов с развернутыми знаменами и барабанами.

На реке Яузе ждали готовые к отплытию струги.

Сейчас Яуза закована в гранитные набережные, сравнительно невелика. Но тогда это была судоходная река. В устье ее, напротив Андроникова монастыря, в котором расположен ныне музей великого русского живописца Рублева, музея, в основании которого принимал участие грузинский ученый Давид Арсенишвили, был причал. Отсюда царевич отплыл в Грузию.

Но в этот раз ему не удалось занять грузинский престол, и он вынужден был вернуться в Москву. Вместе с ним приехали

многие грузинские вельможи и дворяне. Они влились в образовавшуюся уже в Москве грузинскую колонию, образовали первое («старшее») поколение ее.

Алексей Михайлович вступил во второй брак.

На свадьбе государя старший свадебный чин исполнял Ираклий. Он был посаженным отцом жениха, распорядился свадебным поездом и всеми свадебными обрядами. Бракосочетание, обеды и пиры, за ним следовавшие, отличались обычными торжественностью и великолепием.

В 1672 году родился Петр, будущий российский император.

«В пять часов заблаговестили в большой Успенский собор, где все уже было готово к торжественному богослужению. В сопровождении грузинского, касимовского и сибирского царевичей, бояр, окольных, стряпчих, дворян, полковников царь Алексей Михайлович пришел в собор, и совершено было благодарственное молебствие»¹.

На церемонии поздравления царевич выступил с приветственной речью.

Ираклий прожил в Москве в общей сложности двадцать один год. Время его пребывания в России — одно из значительнейших в русской истории. Это была далеко не тихая пора, хотя Алексея Михайловича и называли «тишайшим». Боярская дума доживала последние дни. В России утверждалось лютое самодержавие. Границы государства расширялись. Ожесточенную войну вели церковники. В суде над патриархом Никоном участвовал и грузинский архимандрит Пахомий.

Позже, когда Ираклий стал царем Картли, в Москве остались многие из его людей и мать, царица Елена. Они жили в доме князя Львова (женатого на грузинке) у Ильинских ворот.

II

В 1684 году в Москву прибыли царевичи Александр и Мамука Арчиловичи и с ними 70 сопровождающих.

Встреча им была устроена в Басманной слободе. Изрядная толпа народа кланялась незедомым им царевичам и громко их приветствовала. Жили они в Москве на Покровке, на Давыдовском подворье.

Царевич Александр стал принимать участие в военных играх Петра. Петр выбрал его в товарищи, конечно, не за царское происхождение — известно, что он не глядел на родословные, — а лишь за удаль и военное мастерство.

¹ М. Погодин. Рождение и детство Петра Великого. «Русский архив», 1872, стр. 1254.

Москва наполнилась слухами о настоящих сражениях, которые разыгрывались между двумя «потешными» полками Петра. Они проходили на территории нынешней Преображенской заставы и прилегающих берегах Яузы.

Петр вообще предпочитал всему привольное житье в Преображенском. Здесь была «большая пыльная мельница, чем избревен доски трут», хамовный двор, где производилась парусина, канатный завод. На Яузе, где-то возле мельниц, — галерная верфь. Все это давало возможность построить небольшой флот. Манеры максимально приближались к боевым действиям. На Яузе был даже построен госпиталь для раненых в «потешных» боях. Царевич Александр, будущий первый русский генерал-фельдцейхмейстер, принимал в них горячее участие. Он не расстался с Петром, который его очень любил.

Отец Александра царь Арчил находился в это время в Астрахани. Это был человек кипучей энергии. Он так же, как и Теймураз I, считал, что нельзя терпеть вмешательство Ирана и Турции во внутренние дела Грузии. Будучи кахетинским царем, он вместе со своим братом картлийским царем Георгием XI был сторонником объединения Картли и Кахети и обуздания не желающих ни с чем сообразовываться князей. Кроме того, он был крупным поэтом. Занимая попеременно троны Кахетии, Картли и Имеретии, он думает о судьбах Грузии и с мечом в руках борется за ее независимость.

Но без созвестных действий с Москвой освобождение было невозможно.

Арчил едет в Москву.

Бесконечные русские реки, на высоких берегах которых стоят златоглавые церкви. Просторы и дали, непривычные глазу в Грузии. Нижний Новгород с его могучим Кремлем над Волгой. Во Владимире, в Дмитровском соборе, расписанном и грузинскими мастерами, Арчил молится о судьбах Грузии. И вот, наконец, Мытищи, где устроен волок — суда переволакивают из Клязьмы в Яузу. (Мыт — пошлина, плата за волок. Отсюда — Мытищи).

В Москве начались переговоры, а покуда день Арчила заполнен делами и заботами. Он ездит на Никольскую в Печатный двор, выясняя стоимость литер и станков (он задумал организовать в Москве книгопечатание на грузинском языке), часто бывает в доме канцлера Голицына в Охотном ряду, ныне не существующем. На его месте стоит здание Совета Министров СССР. Приблизительное представление о нем дает соседний дом Троекурова, в котором помещался музей музыкальной культуры. Дом Голицына был известен в дальнейшем как дво-

рец царя Арчила. В этом доме царя Арчила не раз бывал Петр I.

В доме Голицына висели большие географические карты, часы со всевозможными секретными. В нем были собраны многие редкости, висели чучела зверей, различные чудесные вещи и приборы. Не исключено, что о нем помнил Петр, создавая свою кунсткамеру.

Не менее тесными были связи между русской и грузинской церквями. Патриарх Иоаким и католикос Николоз обменивались посланиями. Архимандрит Лаврентий вел от имени Арчила переговоры с патриархом. Этот грузинский иеромонах, доверенное лицо брата Арчила Георгия XI, был еще раньше прислан им в Москву за содействием в борьбе с персами. Ко времени приезда Арчила он стал уже настоятелем московского Знаменского монастыря.

В 1686 году Ян Собеский (Польский) объявил войну туркам. К нему присоединились Москва и Венецианская республика. Царь Арчил решил, что его место сейчас в Грузии, что, наконец, у него появится возможность вернуть себе трон и направить в иное русло политику Картли. Он стал собираться в дорогу. В устье Яузы конопатились суда, на пристань свозились припасы и снаряжение.

Уезжая из Москвы, Арчил женил Александра на дочери всеильного тогда Ивана Милославского. Свадьбу справляли при дворе московских государей. Правительница Софья принимала в ней участие как ближайшая родственница невесты.

Арчил, взяв с собой сыновей, выехал в Грузию. Однако обстановка сложилась так, что ему не удалось добиться своей цели. Царевичи Александр и Мамука вернулись в Москву.

К этому времени в русской столице уже существовала довольно разветвленная грузинская колония: часть многочисленной свиты Ираклия и его матери царицы Елены Леонтьевны. Некоторые из них породнились с русскими знатными родами и остались в Москве навсегда.

С Арчилом тоже приехало около 80 человек.

Петр взял власть в свои руки. Правительница Софья была пострижена в монахини, ее фаворит канцлер Голицын сослан.

Вскоре в Москве умер (1693) второй сын Арчила — Мамука. Самый младший, Давид, скончался еще раньше (1688). Обоих похоронили в Новодевичьем монастыре.

2 октября 1695 года ночью в Москве вспыхнул большой пожар. Огонь перекинулся на Георгиевский монастырь (в Георгиевском переулке между улицами Горького и Пушкина) и расположенный рядом дом царевича Александра. Но самого царе-

вича в это время в Москве не было. Вместе с Петром в составе Великого посольства он находился в Европе.

С дороги Петр писал Ромодановскому: «Александр Арчилов поехать в Гаагу бомбардирству учиться»¹.

Обучение «бомбардирству» в Гааге было окончено. Петр остался доволен успехами царевича, которые тот проявил во время учений в Майдерберге.

Во время пребывания в Европе царевич занимался также литературой, в частности перевел на грузинский язык Симеона Полоцкого. В истории русско-грузинских взаимоотношений он известен таким образом и как первый переводчик литературных произведений с русского на грузинский язык.

В Голландии он познакомился с этнографом и путешественником Витзенем, который ранее дважды бывал в России, а к тому времени занимал должность бургомистра Амстердама. Во время первого пребывания в Москве он познакомился с царевичем Ираклием, во время второго — с царем Арчилом.

Александр помог Витзену составить грузино-голландский словарь. Витзен опубликовал большую работу, в которой целая глава называлась «География, или Иберия». В сборе материалов ему помогали Александр и Арчил.

Вот как описывает голландский мемуарист отношения Петра и Александра: «Царю было отведено помещение на верфи. Он поселился здесь с небольшой свитой, в числе которой находились царевич Александр и граф Апраксин. Первый из них пользовался особым расположением царя»².

Александр ходил и в грузинском костюме, который носил «с восточным великолепием».

Царевич обучался также в Утрехте и Амстердаме, «совершенствуясь в артиллерийских науках», за что его наставник получил от Петра 50 золотых и пару соболей.

Из Амстердама Петр выехал в Лондон, взяв с собой трех ближайших сподвижников — Меншикова, царевича Имеретинского и Шапского.

Во встрече короля Англии Вильгельма Оранского и Петра принимал участие и царевич.

Петр и с ним Александр посетили Дептфорд, город кораблестроителей, и Вулич — центр военной промышленности Англии. Из аристократической части Лондона они переехали жить на верфи — поближе к докам. Александр сопровождал царя к королю Вильгельму и принцу Датскому Георгу, участвовал в

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. I, стр. 186, 187.

² «Русская старина», 1916, февраль, стр. 202.

вечерах, которые устраивал для Петра приставленный к его особе адмирал Кармартен. Ездили они в Портсмут на маневры английского флота и посетили монетный двор, которым ведал тогда знаменитый математик и физик Исаак Ньютон. «Русский архив» приводит несколько рассказов про Петра, которые хорошо передают атмосферу этой поездки и настроения Петра.

«Во время пребывания своего в Англии Петр Великий был инкогнито в парламенте. Прослушав несколько речей, содержание которых ему переводили, он обратился к бывшим с ним русским и сказал: «Весело слушать то, когда сыны отечества королю говорят явно правду. Сему-то у англичан учиться должно!».

Как-то он видел в Лондоне кулачных бойцов и, вернувшись к своим, спросил, найдется ли охотник померяться силами с английским силачом. Такой нашелся среди гвардейцев-гренадеров. «Но только гляди, не подведи». «Не извольте беспокоиться. Я за Сухаревой башней один на стенку ходил». Петр поспорил с английскими лордами на 500 гиней, что русский гренадер одолеет английского бойца, кем бы он ни был.

Поединок был назначен в саду Кармартена. Англичане выставили настоящего богатыря. Когда он пошел на русского, то все думали, что гренадеру не устоять. Тот неподвижно дожидаясь, а в последний момент отступил в сторону и ударил англичанина в стантовую жилу так метко и сильно, что тот сразу упал. Выигранный zakład Петр отдал лекару и пострадавшему. Русские гвардейцы после этого бились с англичанами на zakład часто.

Петр внезапно вернулся из-за границы, встревоженный сообщением о стрелецких мятежах.

Вскоре по приезде он подписал указ: «Которые дела в Пушкарском приказе, ведать генералу артиллерии Александру Арчиловичу»¹.

Петр придумал для Александра новое, дотопе не существовавшее в России звание генерал-фельдцейхмейстера. (В Лондоне их сопровождал фельдцейхмейстер Англии граф Ромни). Сразу после назначения Александр принялся за реорганизацию артиллерии.

На нынешней Сретенке, там, где она вливается в Колхозную площадь, стояла еще после революции знаменитая Сухарева башня. Сооружением ее Петр I увековечил службу полковника Лаврентия Сухарева, оставшегося ему верным во время стрелецкого бунта. Башня была столь красивой, что ее на-

¹ «Артиллерийский журнал», 1866, январь, стр. 31.

звали «незестую» Ивана Великого, имея в виду знаменитую кремлевскую колокольню. В башне Петр открыл «навигацкую школу» и обсерваторию, из которой наблюдалось в 1709 году солнечное затмение. Здесь преподавались и артиллерийские науки. Царь Петр и его ближайшие сподвижники — Брюс, Лефор и другие — не раз бывали здесь. Частым посетителем башни в качестве командующего русской артиллерией был также царевич Александр.

Однако Карл XII не позволил не только реорганизовать артиллерию, но даже начать это дело. Вспыхнула злополучная первая война со Швецией. Царевич лично снаряжал артиллерийский парк, а затем повел его к армии, присоединив к нему по дороге Псковскую и Новгородскую артиллерии.

Но силы тогда еще не были равны. За счет превосходства в артиллерии, лучшей в то время в Европе, шведы нанесли русским жестокое поражение. При этом Карл обманым путем пленил русских генералов. Он предложил им, сохраняя личное оружие, пройти через расположение шведских войск, но нарушил данное слово. Среди захваченных военачальников был генерал-фельдцейхмейстер Александр Имеретинский.

Вновь потерпев поражение в попытке освободить Грузию, царь Арчил возвратился в Москву. Здесь его ждало известие о пленении единственного сына, наследника престола. Не знал он также и того, что ему самому не суждено уже более увидеть Грузию, что он покинул ее навсегда. Всего же за период с 1664 по 1699 год Арчила возводили на царский престол и свергали шесть раз. Он царствовал в Кахети (1664—1675), Картли и, наконец, в Имерети.

Петр ласково и с почестями встретил Арчила в Москве. Записав Всесвятское вместе с селом Пахра и московским двором Милослазских на Александра, выделил ему три волости на Волге.

Переговоры со шведами об обмене пленными Петр начал сейчас же. Арчилу выкуп Александра поначалу казался делом двух-трех месяцев. Но прошел год, второй, третий, и стало ясно — вырвать Александра из плена труднее, чем кого-либо другого. Его держали в плену строго остальные, обращались, как с арестантом, морили голодом.

Что было тому причиной? Высокое воинское звание Александра или возможное его воцарение на грузинском престоле?

В триумфальном шествии, которое устроил Карл, чтобы унижить своих противников, Александр шел рядом с польским посланником генерал-майором Лангом во главе отряда. (Узнав об этой церемонии, Петр вывел шведских пленных во главе

с посланником Книппером и провел их по улицам Москвы). В то же время другой пленник, князь Трубецкой, жил в Стокгольме при дворе, имел любовницей придворную даму, которая родила ему сына, будущего екатерининского вельможу, князя Бецкого.

Петр соглашался на все условия, лишь бы выволить царевича. Но шведы выдвигали все новые требования. В конце концов они потребовали за него одного десятка бочек — тонн! — золота. Петр не давал окончательного ответа. От такого выкупа, который мог только разорить русскую казну, отказался сам Александр. «Не токмо словом, но и в помысле своем, — писал он Петру, — не думали мы причинить ущерб отечеству. На то мы званы: терпеть и умереть за интерес государя и отчизны»¹.

Поведение Александра в плену высоко ценили в Москве.

Как мог, утешал Петр стареющего Арчила, часто посещал его дом, был в дружеских отношениях с царицей Кетеван и царевной Дарьей.

Извещая о своих «викториях» над шведами, он приписывал: «...к государыням царевнам, к царю Арчилу, к Прозоровскому, к Голицыну...»²

Несмотря ни на что, Арчил не менял распорядок дня. С раннего утра он садился за работу. Помимо своих поэтических произведений, которые дважды погибали при пожарах, он трудился вместе с Багратам Сологашвили над подготовкой к печати грузинских церковных книг и переводами на грузинский язык рассказов из греческого «Хронографа» — всемирной истории от «сотворения мира» и до падения Константинополя. Кроме того, он перевел «Пролог-синаксарий» — поминальный сборник деятелей христианства, включающий поучения и агиографические новеллы, и средневековый приключенческий роман — историю Александра Македонского «Александрия», а также трактат проповедника Петра Могилы «Исповедания православной веры».

Забегая вперед, скажем, что в Москве же он завершил окончательную редакцию своих оригинальных произведений, создал несколько новых, Арчил восхищался личностью Петра, написал ему панегирик.

Арчил пытался наладить в Москве печатание грузинских книг. Но не хватало то литер, то мастеров. В изготовлении

¹ Н. Устрялов. История, т. IV, часть I, стр. 62—68.

² Письма и бумаги императора Петра Великого, т. X, стр. 307.

шрифта отцу помогал даже томящийся в шведском плену сын Александр. Он заказал шрифт в Стокгольме. В 1703 году по повелению Петра первая грузинская типография начала действовать.

По просьбе канцлера Головина Арчил написал записку о Грузии, где, между прочим, говорил, что ее, «как древо упавшее, всяк расхищает». Он составил карту Грузии, над которой долго и упорно трудился. Переводил на русский наиболее интересные материалы по Грузии, а также письма, вел обширную литературную работу.

Когда началось печатание грузинских книг, Арчил писал Петру, что «не малою росой утешения печального моего сердца пламень утолен».

Наконец шведский король согласился обменять Александра на шестьдесят пленных шведских офицеров. Однако, когда дело дошло до обмена, шведы опять отказались выдать царицу.

В 1591 году крымский хан Казы-Гирей внезапно напал на Москву. Его несметные полчища подступили к столице между Калужской и Серпуховской дорогами. Царь Федор Иоаннович и воевода Борис Годунов смогли противопоставить ему лишь немногочисленное войско, «сброд», как написано в летописи, то есть собранное из различных оказавшихся под рукой ополчений. Однако перед боем Годунов вынес к войску икону Донской богородицы — хоругвь, которая еще Дмитрием Донским бралась в походы против татар и как знамя участвовала в Куликовской битве. Икона с тех пор почиталась как заступница-оборонительница от татар.

Москвичи одержали победу, хан бежал. На месте сражения царь в честь иконы Донской богородицы построил храм и учредил монастырь.

Другой царь, Федор Алексеевич, в XVII веке расширил его.

Монастырь постепенно возвышается. К середине XVII века он уже почитается третьим после Чудова и Симонова.

Как же крепки должны были быть русско-грузинские связи, чтобы Донской монастырь с его славным прошлым и значительным настоящим был передан Петром царю Арчилу, в пользу и для укрепления грузинской колонии в Москве.

В 1705 году настоятелем монастыря назначается архимандрит Лаврентий Имеретинский, разделявший с Арчилом все его невзгоды. До этого Лаврентий был игуменом московского Златоустовского монастыря. О вступлении его в должность мо-

настырский летописец пишет: «18 марта по указу великого государя и по благословении преосвященного Стефана митрополита Рязанского и Муромского, в Донской монастырь прислан архимандрит Лаврентий Милитинский. А провожали его, отца архимандрита, в монастырь Златоустова монастыря игумен да преосвященного Рязанского дворецкой Федор Иланович Иерский Дадьян. А встречали его в Донском монастыре наместник иеромонах Тарасий с братиею у монастырских ворот со крестом и со святой водою, и был благовест и звон во все колокола».

При Лаврентии был достроен Большой собор, заложенный по обету сестры Петра Великого царевны Екатерины Алексеевны.

В Москве не хватало строителей. Мастеров скликали со всех сторон. Знакомых с каменными работами брали на особый учет. Каменные здания разрешалось строить лишь по личному распоряжению Петра. Царь дал разрешение на возведение вокруг монастыря каменных стен, так как он имел военное значение. Лаврентий в течение шести лет закончил основные строительные работы. Массивные кирпичные стены с бойницами и громадными круглыми башнями по углам замкнули ограду монастыря. Он принял грозный вид первоклассной крепости.

Строительству много способствовал царь Арчил. Он и вся его семья, в особенности дочь, царевна Дареджан, были участниками всех монастырских дел.

В короткий срок Лаврентий построил: к Тихвинской церкви каменную лестницу, окна с железными решетками; кельи наместничьи, погреб, кухню, квасоварню, ледник (деревянные); каменные монастырские службы — хлебню и братскую поварню, к ним жилые две палаты; каменные кельи для ризничих и пономарей; перемычки каменные под Соборной церковью (всего 19); каменные кельи три — для казначея и для отправления монастырем письменных дел. Соборная церковь вымощена железными плитами в количестве 353 штуки на пожертвования царевны Дареджан.

И. Забелин сообщает: «На здание колокольни пожертвовано в 1730 году имеретинской царевной Дарьей Арчиловной 1000 рублей; из дома генерала Дмитриева-Мамонова И. И. дано 100 рублей; граф Головкин М. Г. пожертвовал 20 рублей».

Донской монастырь стал религиозным и политическим центром грузин, обретших в Москве свою вторую родину. Грузинская колония, зародившаяся при Ираклии — Николае Давидовиче, как его называли в Москве, — значительно увеличилась. В Москве обосновалось уже около двадцати княжеских родов, а также около 150 других фамилий людей зависимых, служи-

вых и низшего духовенства. Имена и фамилии их, часто до неузнаваемости искаженные, мы встречаем в различных русских документах — государственных, церковных, судебных: Южикидзе, Брегваздины, Грузинцевы, Картвелины, Сичкаревы, Амбразанцевы, Кацауровы, Лашкаревы, Барношвейлевы, Рубаковы, Сандуновы, Шаликовы, Туркистановы, Салоговы, Канчияловы.

Александр все еще был в плену. Победа под Полтавой вселила надежду на его близкое освобождение. В Большом соборе Лаврентий отслужил торжественный молебен. На нем присутствовали царь Арчил, царица Кетеван, Дареджан, князья и ближние люди грузинского царя.

В честь победы Петра над шведами Арчил написал стихотворение.

Но прошло еще два томительных года, а пленники все находились в неволе. Петр I в июле 1710 года в ответ на письма Александра писал: «Безмерно печально вы суть обдержимы и что в таких руках обретаетесь, с которыми никакими добрыми и обычаями воюющих христиан средства и благосердия сыскати возможно»¹. В этом письме, написанном собственноручно, он уведомлял: «О сем бога в свидетели поставляем, что непрестанно о вас все возможное чиним»². Петр поздравляет Александра со взятием Риги и заверяет, что «как до сих времен, так и ныне о свободе вашей старатца не оставим»³.

Наконец, не дождавшись обмена, пленные в 1711 году, захватив шведский корабль со всем экипажем, бежали из Ботнических шхёр и прибыли в Ревель.

Среди сорока четырех русских, вернувшихся на родину, был и имеретинский священник, духовник царевича Александра. Посреди радостей и восторга, охвативших вырвавшихся на свободу людей, он один сошел на берег с опущенной головой. Не выдержав долгого заточения, изнуренный и больной, царевич Александр скончался на его руках на острове Питео, в том же 1711 году.

Царевич Александр был человеком образованным, решительным и стойким. К нему в полной мере относятся слова Пушкина «птенцы гнезда Петрова». Брауншвейгский резидент Вебер в своих «Записках о Петре Великом и его царствовании» отмечает: «Четыре князя отдались под покровительство царя... Третий был князь Милитецкий, лишенный своих земель в Грузии царем Персидским и умерший в Москве. Четвертый несчастливец сын его. Будучи генерал-фельдцейхмейстером царя,

¹ Письма и бумаги императора Петра Великого, т. X, стр. 258.

² Там же.

³ Там же.

захвачен был в плен при Нарве и умер в Стокгольме. Царь обещал отцу, по окончании шведской войны, послать его с несколькими тысячами войска в его наследные земли и отнять их обратно силой оружия. Это намерение прогнать тамошнего узурпатора и теперь еще имеется в виду».

О том, что Петр впоследствии, по окончании войны со Швецией, собирался заняться Персией, мы знаем из многих источников. Но что он при этом думал использовать молодого и энергичного Александра, мы узнаем из записок резидента Вебера.

«Увы нам, бедным, — писал Арчил Петру, — смерть, аки зверь лют, похитила нашего сына. Хоть бы кости его перевести к Москве»¹.

Петр сделал все, чтобы получить останки царевича.

Под алтарем Большого собора Донского монастыря Арчил выстроил Сретенскую церковь, где приготовил могилу для царевича. Рядом с ним похоронили его первую жену Феodosию Милославскую, а также братьев Давида и Мамуку, прах которых был перенесен из Новодевичьего монастыря. В дальнейшем и он сам, и его дочь Дареджан нашли здесь свое последнее упокоение. Тем самым под алтарем Донского собора было положено начало самой крупной усыпальницы грузинских военных и политических деятелей XVIII столетия. Ни в самой Грузии и нигде вообще мы не найдем уже такого количества похороненных вместе грузинских прославленных исторических лиц. Объясняется это прежде всего тем, что Грузия настойчиво, начиная с XV века, искала союза с Россией для разрешения своей главной исторической задачи — освобождения от турецко-персидских захватчиков и поработителей.

Один только перечень погребенных в Донском монастыре лиц дает представление о разнообразии русско-грузинских связей и о заметной роли, которую играли грузинские деятели в русской истории.

Анна Георгиевна, жена царевича Бакара Вахтанговича... Анна Матвеевна, имеретинская царица... Афанасий Леванович, царевич, генерал-поручик, обер-комендант Москвы, боевой генерал русской армии... Александра Багратион, дочь царевича Вахушти Вахтанговича... Багратионы Александра Ивановича и Дарья Кирилловна... Багратион Кирилл Александрович... Василий Егорович, меньшой сын царевича Георгия Грузинского... Царевич Георгий Вахтангович... Голицына, дочь царевича Георгия Грузинского... Светлейшая княгиня Александра Яковлевна, урожденная княжна Сибирская, роду сибирских царей, в замужестве за грузинским принцем Леваном Бакаровичем... Кон-

¹ Н. Устрялов. История, т. IV, часть 1.

стантин Давидович, имеретинский царевич, генерал-майор... Леван Бакарович, принц...

И так далее, и так далее. Грузинские князья, генералы и священнослужители.

Погребен здесь также царевич Бакар, сын Вахтанга VI, после кончины Арчила II продолживший его дело — печатание грузинских книг в Москве, и мать его, царица Русудан.

В Пантеоне имеется вделанная в стену решетка художественного чугунного литья. Предполагалось, что она установлена на месте погребения царевича Вахушти, историка и географа. В решетке имеется герб Багратионов. Однако раскопки, проведенные в Сретенской церкви Донского монастыря летом и осенью 1983 года с участием ученых Г. Гамбашидзе, О. Лорткипанидзе, М. Абдушелишвили и других, показали, что упомянутая решетка находится над могилами Бакара, его жены Анны Георгиевны и матери, царицы Русудан.

В ризнице Сретенской церкви, называемой еще иначе Арчиловской, похоронен также царевич Давид, сын царя Кайхосро Левановича. Мать его царица Екатерина Георгиевна покоится в Никольском монастыре.

Еще при жизни Арчила Донской монастырь становится самым высоким по иерархии среди московских монастырей. Богослужение в нем приближается во всем к патриаршему.

Донской монастырь был в глазах грузин как бы частью Грузии. Здесь подолгу живут ученые иереи, приезжающие из Грузии. И Вахтанг VI, и Бакар, и Вахушти, и католикос Антоний I приходят сюда почтить могилу Арчила. Царица Русудан громко оплакивает здесь почившего Арчила, не ведая, что и сама ляжет здесь в нескольких метрах от него. Плач Русудан включает в свою поэму ее современник поэт Павленишвили.

С большими почестями хоронили здесь жену Арчила, царицу Кетеван. Ее отпевали архиереи московских монастырей с представителями зарубежного духовенства. Присутствовали «преосвященный Игнатий, митрополит Сарский и Подольский, да палестинский архиерей Арсений, митрополит Фивадский Григорий, митрополит Меленикийский (Имеретинский. — Б. А.) главы монастырей: архимандриты Чудовский, Новоспасский, Андрониевский, Богоявленский, Петровский, Златоустовский да сербский архимандрит Иоанникий». Необычайная пышность обряда была сделана по личному указанию Петра—земле предавался прах верной подруги Арчила, матери генерал-фельдцейхмейстера Александра.

После смерти родителей во главе всех грузинских дел в Москве встала Дареджан.

Когда столица была перенесена в Петербург, монастырь постепенно утратил свое значение центра грузинской колонии. Здесь стали хоронить представителей родовитых дворянских домов, писателей и общественных деятелей. На живописном кладбище монастыря, осененном старыми деревьями, покоится прах некоторых декабристов, П. Чаадаева, приятельницы А. Пушкина и М. Лермонтова — А. Смирновой-Россет, М. Хераскова, И. Дмитриева, И. Козлова, А. Сумарокова, А. Одоевского, В. Пушкина (дяди поэта), графа и графини Толстых, в доме которых жил и умер Н. Гоголь, В. Ключевского, С. Танеева, художника В. Серова, «дедушки авиации» Жуковского, героев Бородинского сражения и многих других славных русских людей. Здесь покоятся Меншиковы, Голицыны, Остерманы и др., с которыми грузинские деятели состояли в родстве. О некоторых из них мы еще расскажем на страницах этой книги. Донской монастырь несомненно является выдающимся памятником русско-грузинских отношений.

Сейчас в нем расположен музей архитектуры. Но ни в экспозиции музея, ни на одном из зданий — в виде ли мемориальной доски или какого-либо другого указателя — нет и намёка на недавнее прошлое, с которым связано это место. Немногочисленные посетители, мамы с грудными детьми и начинающие художники, привлеченные поэтическими видами величественной старины, гуляют по старому кладбищу и липовым аллеям. Даже служители музея смутно представляют себе, почему тут оказались грузинские могилы. В одно из посещений они просили перевести надписи на нишах.

Известная Салтычиха, забившая насмерть сто с лишним своих крепостных, удостоилась здесь своего указателя (она похоронена в Донском монастыре из-за принадлежности к знатному роду Салтыковых), а деятели, столь много и успешно содействовавшие русско-грузинскому сближению, окружены молчанием. Даже 200-летний юбилей присоединения Грузии к России, который отмечался в 1983 году, не преодолел этого.

В 1981 году, после опубликования в журнале «Литературная Грузия» этого очерка, я получил от главного хранителя Государственного научно-исследовательского музея архитектуры им. Щусева, заслуженного работника культуры РСФСР Аркадия Николаевича Луппола письмо, в котором он, признавая, что «в настоящее время музеем ничем не отмечены значение Донского монастыря в русско-грузинских связях и захоронения грузин на его территории», обращал внимание мое и редакции журнала «Литературная Грузия» и на другое обстоятельство: «На протяжении многих лет в Донской монастырь приезжают

из Грузии и интересуются захоронениями деятелей их национальной истории в монастыре». Это и «неофициальные лица, и представители государственных учреждений». Они «часто сетуют на утрату некоторых из упомянутых могил, на плохое состояние сохранившихся, и одновременно предлагают свою помощь в их розыске, восстановлении и научном исследовании».

«На мсей памяти, — продолжает А. Н. Луппол, — не раз в Донском монастыре бывали представители Академии наук Грузии и ее институтов, которые обещали помочь музею вплоть до археологических раскопок, в чем музей им не отказывал. Обещалась квалифицированная помощь в создании указателей к некрополю деятелей грузинской истории, но ничего реально сделано не было».

Далее А. Н. Луппол приводит совсем свежий пример: «В мае этого года музей посетил видный грузинский архитектор, бывший в Москве на съезде архитекторов. Он предложил спроектировать и выполнить в Грузии мемориальную доску и установить ее под Большим собором монастыря; с ним все было оговорено, вплоть до размеров, материала и шрифта надписей на доске. Но, увы, о дальнейшей судьбе мемориальной доски нам ничего не известно». Приводя еще другие примеры подобных договоренностей, подтвержденных вполне официальными письмами с обеих сторон, главный хранитель высказывает наконец свою главную мысль: «Нас поражает тот невидимый барьер, который мешает грузинской стороне осуществлять даваемые нам обещания в квалифицированной помощи при создании надлежащего мемориала русско-грузинских связей в Донском монастыре, в чем, нам кажется, должны быть заинтересованы не только музей, но и наши друзья из Грузии прежде всего».

Это было несколько неожиданно. До сих пор я был уверен, что виновниками равнодушия были москвичи. Но факты неопровержимо свидетельствовали о том, что начиная с 1972 года на все предложения «грузинской стороны» музей отвечал неизменным согласием.

Эту же позицию занял он и тогда, в 1981 году, в преддверии 200-летия Георгиевского трактата, предлагая в плане подготовки к празднованию: а) уже сейчас изготовить временный стенд с изображением Арчила II, Александра Арчиловича, Вахтанга VI и Вахушти Багратиони и надписями на двух языках; б) установить мемориальную доску с указанием, что Донской монастырь является памятником русско-грузинских отношений XVIII века; в) уточнить расположение могил с помощью биофизического метода и г) развернуть широкою экспозицию в

бывших покоях митрополита, где для этой цели выделялось шесть просторных залов.

Этот план ожидала судьба всех предыдущих. Правда, с большим опозданием уже в год Георгиевского трактата прибыла археологическая экспедиция Академии наук Грузинской ССР, которая в поисках могилы Вахушти занялась проверкой всех захоронений, разрыв весь некрополь Сретенской церкви, где покоятся останки Арчила II, его семьи и семьи Вахтанга VI. Археологические работы сопровождались ненужной шумихой и громкими заявлениями. Несмотря на это, могилы все-таки не нашли. За всем этим забыли и о стенде, и о мемориальной доске, и о расширенной экспозиции. 200-летие Георгиевского трактата таким образом ничего не изменило в том положении, которое было до него. По-прежнему «ничего реального сделано не было».

III

Поступки Петра были часто неожиданны, иногда загадочны и порой повергали историков в недоумение. Один из исследователей XVIII века жалуется: «Историки Петра не разъяснили до сих пор причину, по которой празднование мира со Швецией начато было именно с села Всесвятского».

«Всесвятское село от столичного города Москвы по Петербургской дороге отстоит в семи верстах. В нем есть дворец, каменная церковь и регулярный сад».

Село упоминается в истории с 1599 года. В том году ясельничий М. Татищев по повелению Бориса Годунова встретил здесь шведского изгнанника принца Густава. Он предназначался в женихи дочери Годунова Ксении. Она была белолицая, румяная, «телом изобильна», умная — «чудного домышления». Однако Густав повел себя в Москве «разгульно» и в результате был выслан в Углич.

С Всесвятским сливалось место на реке Ходынка (район нынешнего аэровокзала на Ленинградском шоссе), где князь Скопин-Шуйский, стоявший против Лжедмитрия II, «тушинского вора», основал свою главную квартиру, «Княжий двор», из которого поляки прогнали его. Именно здесь затем была резиденция тушинского вора. Убегая, Лжедмитрий зарыл в Княжем дворе награбленное им имущество, которое до сих пор не найдено.

Со второй половины XVII века село стало владением Милославских. Иван Милославский был ярым приверженцем царевны Ссфын, организатором стрелецкого бунта. Дочь его, как мы отмечали, была замужем за царевичем Александром Арчиловичем.

После смерти Милославского и его дочери село Всесвятское по указу Петра было пожаловано царевичу Александру (1695). Здесь круглый год жило его семейство, сам же он по делам службы часто бывал в отлучках.

После кончины Александра в шведском плену имение за его бездетностью перешло к его родной сестре Дарье (Дареджан) Арчиловне, которая, не нося официально этого звания, была как бы полномочным министром при российском правительстве, представителем царя Картли Вахтанга VI, своего двоюродного брата.

При ней был многочисленный штат, постоянно проживали родственники, для которых во Всесвятском строили отдельные домики.

Одержав победу над шведами и заключив с ними триумфальный Ништадтский мир, Петр I направился к Москве для торжественного празднования. Москва была иллюминирована, народ на улицах ожидал царя. Петр двигался на императорском корабле во главе целой флотилии судов, поставленных на сани. Это были точные макеты настоящих кораблей, прославившихся в морских сражениях со шведами. С ним были его супруга Екатерина, две дочери, одна из них будущая императрица Елизавета Петровна, племянницы, князь-кесарь Ромодановский, князь Меншиков, Апраксин, Брюс, придворный штат, иностранные министры, офицеры гвардии, иноземные негодянты. «Костюмы разнообразные и оригинальные», — сообщает описатель события. Некоторые гости ехали в санях, запряженных шестернею свиней или собак.

Есть гравюры, изображающие этот царский поезд.

Подъехав ко двору Дареджан, Петр дал залп из всех орудий. В тот же вечер во Всесвятском состоялся обед и бал-маскарад. Царевной Дареджан был поднят кубок в честь победы над шведами.

На маскараде Петр не присутствовал. Он совещался с Дареджан, а также с Георгием Даднани, сыном владельца Мингрелии Левана IV, стольником царя Арчила князем Петром Амбрасадзе (основатель русской княжеской фамилии Амбразанцевых), князем Туркистанишвили, доверенным лицом Вахтанга VI.

Началом празднования мира со шведами в Москве во Всесвятском Петр хотел показать, что, разрешив первую историческую задачу России (выход к Балтийскому морю), он приступает ко второй — завоеванию южных морей. Овладение Каспийским побережьем и взятие Азова реально ставили в повест-

ку дня и грузинский вопрос. Россия и Грузия объединяли свои силы против исконных врагов Грузии.

Можно представить себе атмосферу их бесед и всего праздника в селе Всесвятском. Близилось разрешение той исторической задачи, служению которой посвятили свои жизни Александр I, Теймураз I, царь Арчил и другие государственные деятели Грузии, которые лишь в России видели избавительницу от терзающих ее врагов.

Незримые тени их витали над участниками совещания.

Утром Петр повел флотилию по новому Петербургскому тракту в Москву. Всесвятская церковь у станции метро «Сокол» напоминает об этом событии. На этом месте, в самом центре села Всесвятское, тогда стояла ветхая деревянная церковь князей Милославских. Позже, в 1732 году, царевна Дареджан на свои средства возвела новую, ту самую, которой и сейчас каждый может любоваться. Расписывали церковь грузинские мастера. Росписи эти сохранились в алтаре и в других местах. Внутри церкви имеются также грузинские надписи.

Как строительница храма, Дареджан могла посвятить ее по своему усмотрению. Но она решила оставить прежнее посвящение. Она как бы подчеркнула этим, что в наименовании церкви Всех Святых она объединяет и грузинских святых и святых своей второй родины, гостеприимно ее принявшей.

При этой церкви образовался третий пантеон грузинских деятелей в Москве. Здесь могила царевича Грузинского (с гербом Багратилов) — отца генерала П. И. Багратиона, царевны Багратион и (по некоторым данным) Саба-Сулхана Орбелиани.

Мы говорим «по некоторым данным», так как свидетельства противоречивы. У одного из очевидцев мы читаем: «Саба скончался в 1725 году, января 26, вечером в великой Москве, во Всесвятском, во дворце Арчила, и был погребен там же, в церкви, повелением, иждивением и в присутствии царевны Дареджан». Сделана эта запись на «Словаре» (толковом) Орбелиани и частью исследователей считается поздней.

Саба был погребен в склепе старой церкви. Таким образом место последнего упокоения Орбелиани оказалось под новой церковью, и следов его нет. Не могла Дареджан совсем застроить его могилу. Это не похоже на правду.

Сомнение вызывает и то обстоятельство, что Саба был католиком и не мог быть погребен при православной церкви, и тем более в склепе под ней. Отсюда возникло предположение, вероятно, позднее, что, возможно, его могилу следует искать в другом месте, в частности в Донском монастыре. Но в Донском к моменту смерти Саба была похоронена лишь семья Арчила и

Лаврентий. К тому же положение о погребении католиков на своем кладбище действовало и здесь.

Это же положение, если его придерживались, должно было касаться и Вахушти, который тоже имел отношение к католицизму. Во всяком случае известно, что он учился в Тифлисской миссионерской католической школе, где преподавались латинский и итальянский языки. В Донском монастыре, где он предположительно похоронен, покоятся в Сретенской церкви две его дочери — Александра и Анна. Но сын его (1728—1737), девятилетний Доментий, погребен почему-то в Богоявленском монастыре на ул. 25 Октября, где совсем недавно директором музея архитектуры кандидатом наук С. В. Гераскиным обнаружено его роскошное надгробие, хотя там грузин к тому времени уже не хоронили.

Может быть, есть какая-то связь между отсутствием этих двух дорогих для грузинского сердца могил.

Были во Всесвятском и другие могилы, но теперь они утрачены.

У Дареджан не было прямых наследников. После нее Всесвятское было пожаловано ее ближайшим родственникам, царевичам Бакару и Георгию Вахтанговичам. После смерти Бакара половина села досталась его вдове Анне Георгиевне с детьми Леваном и Александром. Вторая половина осталась за Георгием. К ним же перешло нижегородское Лысково, пожалованное Арчилу Петром.

Несколько дней, в 1730 году, жила во дворце во Всесвятском императрица Анна Иоанновна, ведя переговоры с верховниками, пытавшимися ограничить ее самодержавную власть. В 1754 году здесь останавливалась Елизавета Петровна. В 1775 — Екатерина II. Она писала тогда своему постоянному корреспонденту Гримму: «Сегодня вечером или в ночь прибуду я в дом грузинского князя за семь верст от сей древней и обветшавшей столицы».

Позже, к концу XVIII века, Георгий Александрович, сын царевича Александра Бакаровича, подновил зимний дворец, уже основательно поизносившийся, выстроил новый — летний, разбил роскошный сад, насажденный редкими деревьями и цветами; за садом тянулся английский парк, а за ним расчищенная роща. Громадные оранжереи служили для поддержания сада и для украшения комнат. Нынешний Серебряный бор — это бывший парк царевича, в котором им устраивались гулянья с развозом экипажей. Во Всесвятской церкви до 1801 года богослужение отправлялось на грузинском языке.

После смерти Арчила печатание грузинских книг в Москве

продолжил Бакар Вахтангович. Типография находилась в селе Всесвятском, в ней долго работал Христофор Гурамишвили, брат Давида Гурамишвили, христианский просветитель Осетии.

В 1812 году Всесвятское постиг разор. По изгнании французов Георгий Александрович с еще большей роскошью восстановил имение. В саду были поставлены статуи русских воинов в форме различных славных полков. По праздникам здесь пели цыгане, а гости в роскошных гондолах катались по пруду.

Имени князя Георгия Александровича унаследовала его дочь, Анна Георгиевна, в замужестве за графом А. П. Толстым, обер-прокурором Синода. У нее был дом на Садово-Кудринской с церковью, флигелем и садом, который она отказала в пользу приюта для престарелых. Дом оценивали в 100.000 рублей, и еще столько же она завещала на содержание и отопление его и на первоначальное обзаведение. В находящейся при приюте домово́й церкви она оставила все свои драгоценные иконы, утварь и ризницу, за исключением лишь ковчега с мощами грузинских святых, который должен был быть передан в один из грузинских монастырей.

Возвращаясь к вопросу о могиле Саба, хочу заметить, что отец Анны, Георгий Александрович, хорошо знал грузинский язык и не забыл его к старости. В его имении на Волге, Лыскове, сохранились доставшиеся ему от Ваханга VI и Бакара многие грузинские исторические реликвии, которые теперь находятся в Тбилиси, в том числе крест Нины, увитый ее волосами. Гордилась своим происхождением и Анна. Трудно допустить, чтобы они не сберегли могилу Сулхана, если бы она к тому времени еще существовала. Между тем нигде в исторических материалах нет даже упоминания о ней.

Сейчас от далекого прошлого не осталось почти никаких следов. На месте Всесвятского раскинулся современный район Москвы — Сокол. Но уже в 1870-х годах, когда занимавшийся историей Грузии академик Мари Броссе просил князя Давида Багратиони разыскать, где находилась в старину типография, там уже ничего не было из прежних грузинских поселений. Остался лишь храм Всех Святых, построенный Дареджан. Он стоит прямо около входа в метро «Сокол».

IV

Если встать на самую верхнюю точку высотного здания на площади Восстания, перед нами откроется перспектива улицы Красная Пресня, упирающаяся в Грузинский вал. Чуть правее мы увидим зеленую территорию зоопарка с большими прудами, разделенными Большой Грузинской улицей, еще правее — ку-

пол Планетария, и еще дальше — гостиницу «Пекин». Весь этот район назывался раньше Грузинской слободой или просто «Грузинами». Да и сейчас старые москвичи называют его так.

До того, как возникла Грузинская слобода, на этом месте стояло село Воскресенское — летняя резиденция царя Федора Алексеевича. Здесь часто бывал его младший брат — будущий Петр I.

В 1729 году село было пожаловано Петром II грузинскому царю Вахтангу VI, приехавшему в Москву с сыновьями Бакаром и Георгием и большой свитой. Подробнее о нем и его окружении мы расскажем дальше, сейчас же остановимся только на том, как образовалась Грузинская слобода.

На постройку домов Петр II дал, помимо стройматериалов, фуража и съестных припасов, большую по тем временам сумму — 10.000 рублей, — и скоро по обеим берегам реки Пресни появились дома слободы.

Сейчас же за современным зоопарком, на бывшей Георгиевской площади, находился дворец грузинского царя, возле которого царевич Георгий построил церковь святого Георгия. Здесь же стояла еще одна церковь — цициановская.

Однако, по другим сведениям, слобода Грузины около бывшего дворца Федора Алексеевича возникла в начале XVIII века. Впервые она упоминается в 1714 году. Во всяком случае, «район Пресни и Грузин» назывался так уже в середине XVIII века, когда он вошел в черту города.

На Большой Грузинской улице в сохранившемся доме одного из служителей или приближенных царевича Бакара ныне находится мемориал — филиал Музея Дружбы. Здесь же, в сквере, воздвигнут памятник Шота Руставели. Он стоит как раз возле Георгиевской церкви, история которой не лишена многих любопытных подробностей.

Место для нее выбирал сам царь Алексей Михайлович, «тщанием» которого была поставлена здесь деревянная дворцовая церковь во имя Иоанна Богослова, позже сгоревшая. «14 октября 1749 года Георгий Вахтангович просил о дозволении ему, царевичу, при пресненском доме, пожалованном его родителю, царю Вахтангу, построить деревянную церковь во имя святого Георгия на том основании, что оставшиеся после Вахтанга, грузинского царя, грузинские князья, здесь живущие, дворяне и служители имеют дома, а приходской церкви при том месте нет и удобное к строению церкви место имеется». Действительно, домовые церкви были у царевича Вахушти, у княгини Анны Георгиевны (вдовы Бакара) и в доме «принца Леопа Бакаровича». Грузины-священники совершают тут служ-

бы, но покойники кладутся при соседних церквях — Покровской в Кудрине, Иоанно-Предтеченской на Пресне и Ермолаевской, поскольку своей приходской нет. 3 ноября дозволение было дано, и в апреле 1750 года новая церковь была уже освящена. Георгий оплатил все расходы.

Однако в 1779 году, в день Богоявления, церковь, называвшаяся тогда Георге-Грузинская, сгорела от топившейся печки, наблюдение за которой понсмарь поручил двум своим малолетним сыновьям.

Георгий тут же стал возводить на прежнем месте каменную, которая и дошла до нас. В постройке принимала участие и его сестра, царевна Анна. При этом, так как большая часть прихожан была грузины, просили «о дозволении иметь грузинского священника по незнанию многими русского языка».

В приходе мы видим имена царевичей Бакара, Георгия, Вахушти, Афанасия, Левана, князей Грузинских, Багратионов, Цициановых, Амилахвари, Челокаевых и других.

Здесь же находилась и армянская церковь с кладбищем. Грузины же хоронили своих покойников за Пресненской заставой, в Ваганькове (находящееся здесь армянское кладбище прежде было грузино-армянским), а также на Пятницком и Иноверческом кладбищах и на Введенских горах. Были грузинские могилы и в Спасо-Андрониковом, Алексеевском женском, Богоявленском, Новодевичьем, Знаменском монастырях и в Троице-Сергиевой лавре.

В 1812 году Грузины уцелели. Слободе было суждено сыграть большую роль в декабрьском Московском вооруженном восстании 1905 года. Большая Грузинская улица с прилегающими переулками находилась в руках рабочих. В доме № 20 была московская окружная организация большевиков.

V

Еще один, изумительный по красоте памятник русско-грузинских отношений находится в Ипатьевском переулке. Это церковь Троицы в Никитниках, или бывшая Грузинская церковь XVII века.

В Москве свирепствовала чума, город был окружен заставами, из него никого не выпускали. Царь Алексей Михайлович велел доставить из Красногорского монастыря чудотворную икону грузинской богоматери, привезенную туда задолго до того из Персии, куда она была вывезена из Грузии персидскими захватчиками. В Красногорском монастыре, где в честь нее была устроена церковь, она прославилась чудотворениями, и вот Алексей Михайлович, отчаявшись остановить эпидемию,

решил с ее помощью хотя бы успокоить москвичей. Когда икону привезли, перед ней был отслужен молебен и — о, чудо! — мор, как по мановению, прекратился. Икона была поставлена в церковь святой троицы, которая с той поры стала именоваться церковью Грузинской богородицы. В 1658 году по указу царя Алексея и патриарха Никона было установлено ежегодное празднование иконы Грузинской богородицы «ради чудес ея». Этот день — 22 августа праздновался в течение 250 лет.

Церковь Троицы в Никитниках расписана Симоном Ушаковым. Сейчас в ней филиал Государственного исторического музея СССР.

Другая икона Грузинской богородицы, которую брал с собой в походы царь Алексей Михайлович, стояла в Успенском соборе Кремля. Сейчас она хранится в музее Новодевичьего монастыря, в палатах Софьи. Еще другая икона и по сей день стоит в храме Воскресения в Сокольниках. Эта икона из Иверской часовни на Красной площади.

Последняя является точной копией Портаитиссы (Вратарницы) Иверского монастыря на Афоне. Она после сношения Иверской часовни при реконструкции Красной площади была перенесена в храм в Сокольниках. Наряду с Владимирской и Донской она особо почиталась москвичами. В нашествие Наполеона она была вывезена во Владимир, где в Рождественском монастыре для нее был построен специальный придел Иверской богородицы. Ростопчин использовал Иверскую для подъема патриотического духа москвичей: «Завтра, после обеда я поднимаю Иверскую в Екатерининскую гошпиталь, к раненым. Там воду освятим». «Мгновенно по Москве разнеслась весть о победе (под Бородином); спешили к Иверской служить молебен». Еще одна грузинская церковь находилась на Воронцовом поле, между Соляной и Покровским бульваром. Она и сейчас стоит там в церкви Петра и Павла в Петропавловском переулке. Эта икона пользовалась особым почитанием между жителями Москвы, а также среди царственных особ: царицы Параскевы Федоровны и императрицы Анны Иоановны. Последняя сделала на икону дорогой оклад.

Состоявшие при Архангельском соборе Кремля архиереи были большей частью из грузин до Елизаветы Петровны, при которой это положение изменилось.

Грузинские церкви находились также и в других местах, всего в разное время их было около шести—восьми. Богослужение в некоторых из них до присоединения Грузии к России со-

вершалось на грузинском языке. Близ Малого театра, в доме Хлудова (ныне Центральные бани), находилась домовая церковь грузинских царевичей.

VI

Вахтанг VI продолжил дело Арчила. Это дело — поворот в сторону России, получения от нее помощи для возвращения утраченных грузинских земель и установления антиперсидского и антитурецкого союзов — разрешилось позже, в другие времена и при других царях, но без этой преемственности в грузинской политике, без Арчила II и Вахтанга VI, к сожалению, не увенчавших своих усилий успехом, оно бы тоже состояться не могло. Уже то, что они никогда больше не увидели родину и кончили свои дни на чужбине, заставляет склонить перед ними головы.

Вахтанг, так же, как и Арчил, не дождался осуществления своих планов. Он отрекся от престола и отошел от дел.

Отречение и смерть Вахтанга сильно осложнили положение грузинских эмигрантов. До этого они пользовались некоторыми привилегиями: их дворы были освобождены от солдатского постоя, их не могли привлекать на государственную службу без разрешения из царского дома и т. д. Теперь же, ценя их воинскую доблесть, им предложили вступить в русскую армию.

Грузин в русскую армию зачисляла сама Анна Иоанновна.

Грузинский гусарский полк существовал еще в 1769 году, когда он вошел в Московский легион, сформированный для войны с Турцией.

По-разному складывались судьбы отлученных от родины горячих ее патриотов. Одни образовали поселения — на Украине, в Астрахани, Кизляре, Моздоке. Другие служили. Третьи занимались научной деятельностью, иные стали дипломатами или государственными деятелями. Следы их кипучей и беспокойной жизни мы находим, иногда случайно, в самых разных местах.

Царевич Адарнасе (Афанасий), брат Вахтанга VI, генерал-поручик, участник многих походов, был назначен обер-комендантом Москвы. Он уже шесть лет отправлял свою должность, когда вдруг 15 сентября 1771 года в 8 часов вечера Москва была всполошена набатом. Тысячи людей дреколем, дубьем и камнями сбежались к Ильинским и Варварским воротам, а затем бросились к Кремлю искать архиепископа Москвы Амвросия. Но Амвросий успел бежать в Донской монастырь. Его нашли там, выволокли за стены и убили..

На следующий день восставшие опять подступили к Кремлю, требуя на сей раз сенатора и генерал-поручика Еропкина. (Между прочим, генерал-губернатор Москвы Салтыков, победитель Фридриха II, здесь растерялся и не знал, что предпринять. Находившийся в Москве «без дела» сенатор и генерал-поручик Еропкин взял власть в свои руки и организовал подавление бунта. Дом Еропкина — это нынешний институт иностранных языков в Москве. Фельдмаршал же Салтыков как бы в наказание за бездеятельность вскоре же по отъезде из Москвы умер, заразившись чумой.) Еропкин отказался выполнить требование. Кремль был закрыт, в воротах стояли пушки. И губернатор, укрывшийся там же, тоже не захотел рисковать жизнью. К бунтовщикам вышел царевич Афанасий, обер-комендант. Он был один. Его встретили градом камней и «чуть... до смерти камнями не убили»¹. Он спасся благодаря тому, что его сочли мертвым.

Поводом для взрыва послужило опечатание кружечного сбора у иконы Боголюбской богородицы у Варварских ворот (нынешняя площадь Ногина). В Москве была моровая язва — чума. Люди собирались у иконы, молились о спасении. Во избежание скопления народа и дальнейшего распространения заразы, архиепископ Амвросий и приказал перенести икону в ближайшую церковь Параскевы, а деньги передать в Воспитательный дом.

Шло время, эпохи менялись...

Петр часто и подолгу отсутствовал в столице. Цари и раньше нередко уезжали, но их выезды проходили в торжественной обстановке, в сопровождении семьи и двора. Петр же уезжал запросто, по-деловому, а приехав на место, шел на верфь, вооружался топором, работал с мастерами. Ему на смену пришли люди, жизнь которых была посвящена в основном удовольствиям и развлечениям. Смысл ее заключался не в преобразовательской деятельности, как это было во времена Петра, а в прожигании несметных богатств, приобретенных фаворитами и временщиками.

Анна Иоанновна была первой из трех русских императриц, установивших тот особый стиль сплошных празднеств и необузданных развлечений, который имел наивысший взлет при Елизавете и получил законченные классические черты при Екатерине II.

Временщики и фавориты, взлеты и падения, непоследи-

¹ История Москвы, т. II, стр. 371.

тельность внешней политики, бироновщина и вообще продолжение засилия немцев характеризовали послепетровскую эпоху.

Столица окончательно была перенесена в Петербург. Москва стала центром ворчливой дворянской оппозиции, изнеженной барыней, вновь обретшей прежнюю силу в дни нашествия Наполеона.

За Тверской заставой (нынешняя Пушкинская площадь) расстилалось поле, где по воскресеньям травили зайцев, которые выпускались из специальных «садков». Зрелище это привлекало толпы народа, как и «голубиные гоны» графа Алексея Орлова-Чесменского (похитителя княжны Таракановой) под Донским монастырем. В воздух взвивались сотни редких голубей, а на широком лугу ставили серебряную чашу с водой, чтобы тучный граф мог следить за ними по их отражению, не запрокидывая голову.

Средний по достатку помещик имел большую дворню из крепостных, в числе и двух линейных лакеев, «трясущихся как в лихорадке на безрессорных запятках экипажа».

Пушкин вспоминает о роговой музыке и великолепных праздниках в рощах Останкино и Свиблово.

Грузинская эмиграция отражала время. Она рождала строителей, ученых и политиков во времена Петра, ловких придворных при императрицах, но против Наполеона выделила из своей среды целую когорту героев. Достаточно сказать, что в Бородинском сражении участвовало 12 грузинских генералов. Это были братья Багратионы, Яшвили, Панчулидзе, Джавахишвили, а также Гангелбидзе, Шаликашвили и Бибилури.

Каждый из них стоит отдельного рассказа, я лишь хочу отметить, что П. И. Багратион был любимцем Москвы и сейчас в Историческом музее хранятся принадлежавшие ему личные вещи. В Москве есть станция метро «Багратионовская», названная так в знак признания исторических заслуг перед Россией одного из самых ярких представителей грузин на русской службе.

К сожалению, нет возможности рассказать обо всех тех местах, которые имеют отношение к жизни и деятельности грузин в Москве. Революционеры, деятели культуры и связанные с ними памятники ждут отдельной работы. Мне же хочется подчеркнуть, что на протяжении веков грузины в Москве были не эмигрантами в обычном смысле этого слова, то есть людьми, живущими своим укладом в ожидании благоприятного для них поворота событий. Наоборот, они принимали горячее участие в делах своей второй родины, о чем мы еще расскажем. Кроме

того, они продолжали культурную работу в интересах своего народа. Они переводили русскую научную и учебную литературу и печатали в грузинской типографии книги на грузинском языке.

Грузинская колония в Москве сыграла крупную роль в расширении как экономических, так и политических связей России и Грузии, содействовала их культурному сближению и, несомненно, в очень большой степени способствовала соединению двух братских народов. Особенно это касается времени приезда в Россию Вахтанга VI и с ним большой группы грузинских культурных и государственных деятелей.

Возвращаясь к характеристике Арчила II, можем сказать следующее: некоторые считают, что к достижениям Арчила нужно отнести лишь его культурную деятельность, но что в политическом отношении он добился немногого, был чуть ли не политическим банкротом. Все это не соответствует истине. Арчил был первым государственным деятелем Грузии, окончательно и бесповоротно принявшим ориентацию на Россию. Он не принимал трон из рук шаха после пребывания в России, как Ираклий I, и не отрекался от престола, то есть от своего дела, как Вахтанг VI. Он неуклонно вел свою линию, конечно, в полной мере сознавая, что результаты обязательно будут. Его политическое значение как раз в том и состоит, что он первый безоговорочно связал свою судьбу с Россией и опирался и надеялся только на нее. В русской земле в Москве он схоронил своих сыновей и сам отдался той земле, в которой искал спасения для Грузии.

ВРЕМЯ ВАХТАНГА

I

Через 11 лет после смерти Арчила II в Россию выехал Вахтанг VI. Он уезжал при драматических обстоятельствах, после занятия турками Тбилиси. Стояло лето 1724 года. Вместе с Вахтангом родину покидала большая группа писателей, ученых, военных и дипломатов, цвет интеллигенции и государственных мужей, а также просто вельмож, дворян и служилого люда. Они оставляли родных, друзей, дома и переселялись в Россию. Открывалась новая страница в бурной жизни Вахтанга и истории Грузии и Грузии в России.

Правда, все они надеялись в скором времени вернуться. Но для многих эта надежда не осуществилась.

Вахтанг VI был законодателем и просветителем. Он создал свод законов, которого придерживались не только Картли, но и вся Грузия, основал типографию, в которой впервые напечатал поэму Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», существовавшую доселе лишь в списках. Выход этой поэмы с его введением и комментариями был большим событием в культурной жизни страны. Вахтанг VI и сам был, подобно Теймуразу I и Арчилу II, крупным поэтом. Во времена его правления группа историков во главе с Эгнаташвили завершила историю Грузии XIV—XVII веков. Он собирал древние рукописи и летописи, дабы сохранить их для народа, строил дома и оросительные каналы, выкупал из плена крестьян, расширял виноградники, хлопковые поля и торговлю, заключил союз с царями Кахетии и Имерети с целью освобождения от турок и персов, пытался создать регулярное войско, и вообще был человеком гордым и независимым.

Вся духовная жизнь Грузии первой четверти XVIII века была связана с ним.

Не меньшее значение имели и Уложения Вахтанга, обязательные для одной лишь Картли, но принятые к руководству на всей территории Грузии. Эти законы, во многом потом устаревшие, не соответствовавшие новым условиям, тем не менее дей-

создавали вплоть до присоединения Грузии к России; они создавали хоть какую-то правовую основу слабеющему в феодальной неразберихе, распадающемуся государственному организму, хоть как-то способствовали объединению страны.

Эта, столь обширная и, главное, полезная деятельность не могла продолжаться долго. И действительно, прошло всего лишь девять лет — с 1703 по 1712, — и Вахтанг был вызван раздраженным шахом в Иран, где тот предложил ему принять мусульманство.

Ничего необычного в этом не было: грузинские цари уже восемьдесят лет — со времен Ростомы — утверждались на престоле в Иране с обязательным принятием мусульманства.

Грузия еще в IV веке вслед за Византией приняла христианство именно потому — кроме общей ее культурной ориентации на Запад, на греков и Рим, — что Иран был маздеанским, то есть чтобы и идеологически противостоять ему. Уже к тому времени было ясно, что Иран является заклятым врагом Грузии. Последующие четырнадцать веков только еще более подтвердили это. Бесчисленные попытки оккупации Грузии, расчленения ее, насаждения чуждой ей сначала маздеанской (религия огнепоклонников, Заратустры), затем мусульманской культуры — все это было постоянной политикой Ирана из века в век, из поколения в поколение. Наконец, в XVII столетии иранскими шахами была предпринята попытка физического уничтожения грузинского народа, но в битвах при Марткопи и Марабде она была сорвана. Тогда шах скрепя сердце возвел на престол Ростомы, и с тех пор на престоле Картли сидели цари-мусульмане.

Желали они этого или нет, но они утверждались на царство в Иране с обязательным принятием мусульманства. Они могли быть не очень строгими верующими и даже вовсе не верующими, но мусульманами быть были обязаны.

Но Вахтанг от этого отказался. Шах повторил свое предложение, однако Вахтанг был тверд. Тогда шах сослал его в Керман, персидскую провинцию. Он назначил его там правителем, но на самом деле это была, конечно, ссылка.

В Грузии в это время правил его сын Бакар, но затем на трон взошел брат Вахтанга, Иесе, с готовностью принявший мусульманство, лишь бы заполучить власть. Этот брат-иуда писал шаху, прося держать Вахтанга в Кермане, чтобы он был подальше от Грузии и не мешал ему править.

Подписывался он так: «Волею и помощью божьей, богом возвышенный и утвержденный, богом и небом венчанный, пото-

мок Иесея, Давида и Соломона, из царей царь и государь и владетель Иесе».

Его дворец находился напротив Александровского сада, ныне сад Коммунаров, в Тбилиси. К нему примыкал сад, названный позже Инженерным, где и похоронен сам Иесе.

В Кермане Вахтанг провел семь лет, занимаясь в основном переводами и вообще литературой и не склоняясь на уговоры шаха. Он увлекался также химией и физикой, составил сведения об очках и биноклях, астрономический словарь. Очевидно, во дворе у него была небольшая лаборатория.

В свою бытность в Кермане Вахтанг состоял в тайной переписке с посланником Петра в Персии Артемием Волинским. Он, как и Арчил II, склонялся к мысли, что спасти Грузию может только помощь России.

Интересное, сложное было время.

Открытие новых путей в Индию, как ни странно, лишь усилило значение Ближнего Востока — ведь на морях владычествовали Англия и Голландия, собиравшие в свои суммы щедрую дань с международной торговли. Ближний же Восток — и не только он, но и Египет, и Балканы — были намертво захвачены Турцией. Поэтому европейские государства, в том числе Франция, еще бережней относились к сухопутным торговым дорогам, в особенности ведущим в Персию, крепили связи с Ираном. Хотя Монтескье и писал в «Персидских письмах»: «Персиянин? Как странно быть персиянином!», но это была лишь литературная шалость. В международной политике, диктуемой экономическими интересами, Персия оставалась фигурой первостепенной важности. Через нее и Кавказ шел путь в Индию — знаменитый, соблазнительный, вожделенный шелковый путь.

Находясь в Кермане, Вахтанг переписывался также с папой Климентом XI и французским королем Людовиком XIV — «королем-солнце». Еще со времен царя Ростомы — первого царя-мусульманина — в Тбилиси и Гори находились католические миссионеры. Как и повсюду на Востоке, эти представители римской курии преследовали свои цели. Их деятельность отражала заинтересованность Европы в торговых путях в Персию. Миссионеры служили также каналом, по которому шла переписка с европейскими дворами. Некоторые политические деятели Грузии, в том числе дядя Вахтанга VI, Георгий XI, пытались через них с помощью папы заручиться для борьбы с персами и турками поддержкой европейских государств. С этой же целью — в ту пору, когда Вахтанг был в Кермане, но с его ведома, — в Париж и Рим отправился крупный грузинский писатель и дипломат Саба-Сулхан Орбелиани.

Об отправке посольства в Европу царь и дипломат договорились загодя, еще когда С.-С. Орбелиани находился в свите царя в Иране в 1712 году. Они условились, что Саба будет ждать специального письма Вахтанга и лишь тогда двинется в путь. Письмо пришло через миссионера Жана Ришара, и вместе с ним 17 августа 1713 года Саба выехал в Европу. Поездка его проходила тайно. Он побывал в Париже и Риме, был принят папой и королем, но с политической точки зрения посольство особых результатов не принесло. Франция не могла ради Грузии поступиться относительно налаженными коммерческими и дипломатическими связями с Персией. К тому же Европа была далеко.

Другое дело Россия.

Еще в Персии, в плену, Вахтанг узнал, что по ходатайству Кетеван и Дареджан — жены и дочери Арчила II, — а также Гликерии, жены Александра Арчиловича, русского генерал-фельдцейхмейстера, Петр обратился к грузинским делам и дал указание А. Вольтскому, русскому посланнику в Персии, установить связь с Вахтангом.

Не опровергая и не принижая самого факта обращения этих замечательных грузинских женщин в России к Петру, надо заметить, что Петр заинтересовался грузинскими делами еще раньше, в самом начале своей деятельности — можно даже сказать, всегда ими интересовался, — так как его главной целью было восстановление древнего торгового пути Балтика—Волга—Каспий и перенаправление по нему европейской торговли с Азией, для чего он и «пробивал окно в Европу», строил каналы в Вышнем Волочке (древний волок), между Волгой и Доном; к последним годам его царствования относится и план канала Москва-Волга. Его последующий персидский поход был не самостоятельным предприятием, а частью этого большого плана.

Собственно говоря, этот путь существовал уже раньше, в X—XII веках, и Петр лишь возрождал его. В те времена им пользовались арабские и другие восточные купцы, в том числе индийские, которые через верховья Волги и Северо-Восточную Русь выходили в Прибалтику и дальше спускались к северо-европейским городам. Этот путь короче ближневосточного, идет по могучей водной артерии, по единой стране, в то время, как на Аравийском перешейке нескончаемые войны и калейдоскопически меняющийся конгломерат мелких государств, где купцу то и дело приходится подвергаться опасностям и платить непомерные торговые пошлины.

Направить восточную торговлю по волжско-каспийскому пути, сделать Россию посредницей в торговле между Востоком и

Западом — вот какую историческую задачу решал Петр. После трудной победы над Швецией он пишет: «Наш первый интерес, дабы основатца на Каспийском море, без чего ничего делать нельзя».

Вот почему интерес к грузинским делам у него никогда не ослабевал. Направляясь в Европу поучиться и показать себя, он взял с собой грузинского царевича Александра, чтобы дать понять европейским государям, что его замыслы простираются далеко.

Интерес к Грузии был силен, как мы знаем, и при отце Петра — Алексее Михайловиче, когда в Москве жил будущий царь Ираклий I и затем царь Арчил. Это и понятно — Грузия находилась на пути в Персию и Индию, и набиравшая силы Россия все более внимательно следила за происходящим там.

А. Волынский установил связь с Вахтангом. Посредниками между ними стал грузин Парсадан-бег.

Не только увлечение гигантской фигурой Петра, в ключья разнесшего несокрушимое, казалось, могущество Швеции в Северной Европе и на Балтике, проучившего кичливого и суетного Карла XII, предтечу Фридриха II и других всемогущих авантюристов, пытавшихся повергнуть Россию; не только трезвый расчет политика, опирающегося на реальную силу, но и, наверное, глубинное чувство поэта, сильнее других ощущающего необоримую силу времени, своей эпохи, силу, которую так полно олицетворял Петр, определило главное решение Вахтанга — ориентироваться на Россию. Он понимал также, что Кавказ и центральная область в ней — Грузия — нужны России, поскольку она стремится торговать с Персией.

Торговые пути из Индии шли через Персию и Турцию. Русское правительство уговаривало персидских купцов торговать не через Анатолию, а через Астрахань. Перенести торговый путь в Россию, а для этого сначала установить свое влияние в Персии, оказывать давление на Турцию — вот для чего нужен был Кавказ. В течение первого десятилетия XVIII века Россия овладела Восточной Прибалтикой, то есть одним концом будущего волжско-балтийского торгового пути. Теперь надо было завладеть другим.

Вахтангу VI и его сторонникам становилось ясно, что для освобождения Грузии ему надо быть на троне. В 1719 году церковный собор, собравшийся в Тбилиси, принял удивительное решение — благословил Вахтанга на мусульманство. Вахтанг вернулся на престол, и уже в 1720 году Петр и он заключили между собой военно-политический союз для совместных действий.

вий на юге. Подписав со шведами Ништадтский мир, Петр обратился к Кавказу.

Персидский поход занимал первостепенное место в восточной и общей политике Петра. В первую очередь по важности поставленных целей — установление торговых связей с Индией, Китаем, Средней Азией и Персией. И по тому огромному влиянию, которое он оказал на дальнейшие отношения России с Кавказом, Персией, Турцией.

Посланник А. Вольтский в попытках наладить торговый путь в Персию и через нее в Индию просил первого министра Ирана найти место для постройки порта, «где б удобнее судам приставать от погод, и там торг уставить и зделать гостинный двор».

Европейские резиденты при русском дворе доносили: «Петр намерен овладеть Дербентом, Шемахой и другими городами и тем обеспечить России свободную торговлю шелком» (голландский посланник). Царь «хочет иметь крепость по ту сторону Каспийского моря, чтобы шелки шли на Астрахань и Петербург» (французский)¹.

Но персы решительно отказались предоставить гавань и вообще отвергли весь план.

Турция тоже рвалась к Прикаспию — главным образом потому, чтобы не допустить к торговым путям Россию. В этом была причина последующих русско-турецких войн на Кавказе.

Стратегическое значение Грузии и Армении для России заключалось в том, что через них проходил кратчайший путь от турецких границ к Каспийскому морю.

Утвреждение России в Грузии и Армении закрывало туркам доступ в Прикаспий, отрезало от них Дагестан.

В этом была одна из причин русско-турецких войн на Кавказе.

Шемаха была узловым пунктом русско-турецких противоречий в Прикаспии.

По согласованному с Петром плану Вахтанг с войсками должен был подойти к Гяндже и там соединиться с ним.

«Прибыл посланник русского государя (Баадур Туркистаншвили, участник совещания с Петром во Всесвятском), чтобы отправился царь к нему (Петру), когда тот прибудет в Персию».

Петр писал Вахтангу: «Думаем, что вам весть эта будет приятна и вы для пользы христианства, по ревностному вашему обещанию, с вашими войсками к нам будете; только надобно, чтобы прочие вашего народа христиане, которые под турецкой

¹ В. Лысов. Персидский поход Петра I. 1722—1723 гг. М., 1951, стр. 78.

властью находятся, никакого движения не делали, чтоб тем не привлечена была Турция напрасно к затруднению сего от бога благословенного дела».

В Тбилиси был созван совет, мнения которого разделились: одни приветствовали заключение союза с Петром, другие, более осторожные, высказывали опасение, что Иран и Турция, узнав о нем, нападут на Грузию. Они советовали, не разглашая о союзе, встретиться с Петром не как с союзником, во главе многочисленного войска, а тайком, с небольшой свитой.

Но Вахтанг не принял их совета.

Гордый, неподкупный, он, по-видимому, не умел и не хотел лавировать, был лишен той дипломатической гибкости, которая иногда вернее обеспечивает успех или во всяком случае предохраняет от последствий. «Он родился скорее знаменосцем простершения и вообще культуры, а капризная судьба, вручив ему кормила власти, ввергла его в пучину войн и политических страстей» (Э. Маградзе. «Стенания, или жизнь Давида Гурамишвили»).

Вахтанг двинул войска к Гяндже, где к нему присоединился восьмитысячный армянский корпус. Три месяца ждали они здесь Петра, который дошел уже до Дербента. Но на этом персидский поход закончился.

Перед походом у советников Петра тоже были разногласия: начинать его в 1722 или 1723 году? На подготовку похода в этом, 1722 году, времени оставалось мало. Но обстановка требовала немедленных действий. Поход получился неудачным. На Каспии сказались незнание местных условий, нехватка провианта и падеж лошадей. К тому же эскадра адмирала Вильбоа, груженная артиллерией и мукой, попала в шторм. Одни суда погибли, другие выбросило на мель. Кроме того, конница шла «с курской земли» через степи, убыль лошадей приняла катастрофические размеры. «У Старых Буйнаков в одну ночь 1700 лошадей умерло». Среди солдат было много больных.

Поход пришлось прекратить. Решение об этом Петр принял в Сулаке, где русские уже начали строить крепость Св. Креста.

За Россией остались завоеванные провинции и Дербент. Но для Вахтанга неудача похода означала потерю трона. Правда, он не соединился с Петром и к Гяндже направился как бы по поручению шаха, чтобы прогнать оттуда осадивших город дагестанских феодалов, но, по-видимому, переговоры с Петром не остались для шаха тайной, да и сам Вахтанг перед походом в 1722 году в Тбилиси публично снова принял христианство

«в сугубое доказательство преданности своей к российскому престолу».

Шах Тахмасп отнял у Вахтанга трон Картли и отдал его кахетинскому царю Константину. Цель его была ясна: столкнуть между собой кахетинцев и карталинцев. И он ее достиг. Константин подступил к Тбилиси. Правда, он сделал попытку примирения: искал с Вахтангом встречи. Но интриган Иесе убедил его, что Вахтанг собирается его убить. Константин принял штурм. В самый разгар сражения князя Эристави и Орбелиани изменили Вахтангу, и Тбилиси был взят. Воспользовавшись очередными распрями в Грузии, турки захватили Картли и затем Кахети. Они требовали, чтобы Петр увел свои войска с Каспийского побережья.

Лишенный трона и поддержки Вахтанг вынужден был уехать в Россию. Обманул ли Петр I надежды Вахтанга VI?

Петр стремился присоединить к России Прикаспье, не нарушая мира с Персией. В поход он собрался под предлогом наказания в Шемахе бунтовщиков, избивших русских купцов и разграбивших их товары. Он словно бы хотел лишь навести там порядок в интересах русско-персидской торговли. При этом в международном плане он боролся за независимость Персидского государства, на которую покушались и Турция, и Англия. Петр хотел завладеть Шемахой, чтобы не пускать туда турок, что тоже вполне совпадало с интересами персов. Короче, он не только не собирался осложнять свои отношения с Ираном, но, наоборот, ставил целью всячески укреплять их в интересах взаимной торговли.

Как же при этих условиях можно было отвоевывать Грузию? На что рассчитывал Вахтанг?

Перенести торговый путь в Россию, а для этого сначала установить свое влияние в Персии, оказывать давление на Турцию — вот для чего нужен был Кавказ, а не только «для спасения христианства» и тем паче «грузин от мусульманства». Не только «христианского великодушия ради», по выражению Екатерины, а для овладения торговыми путями шли русские солдаты на Кавказ.

Последствия Персидского похода для Грузии были очень тяжелыми: Вахтанг потерял трон, Константин, опираясь на персидское войско и на отряды лезгин, разорил Тбилиси. Помимо того, что турки, вмешавшись в события, взяли Картли и Кахети, они, преследуя Вахтанга и Бакара, подвергли страшному опустошению Рачинское и Арагвское эриставства, Цхинвальское ущелье и окрестности Гори.

Военные действия турок носили характер карательных экс-

педиций и грабительских набегов, от которых страдало все мирное население: завоеватели сжигали селения, уводили скот, расхищали имущество, разрушали и оскверняли храмы, жителей забирали в плен. Надежда на помощь России не осуществилась, и Тбилиси стал резиденцией эрзерумского пашы, который по своему усмотрению сменял царей на картлийском престоле. Население было обложено «тяжкой данью», пленные грузины продавались на стамбульском рынке, откуда их отправляли в Египет и Алжир.

«И заняли всю Картли, — пишет Вахушти, — и хотя Иесе не называли правителем, но с ним советовались и дела Картли вершили по нему. Но он собирал неправдой и забирал земли оспом и разбогател сильно».

Вахушти продолжает: «Взаимной завистью грузины усугубляли бедствия... Из-за мтаваров османы поработили население так, что если гонец их сразу же не получал коня, то садились на них самих, как поступили с Манучаром Капланишвили и Гиорги Кавтаришвили, надели узды, воссели на них и шпорили.

И так как умножилось распутство, прелюбодеяние, содомия, пленнопродавство, зависть, взаимное истребление и иное много зло, поэтому и бог напустил зло. Появились полчища воробьев, которые затмили небо своим числом и всецело съели посевы, чего не помнили веками. Затем погибли многие из-за чумы. От османов было большое разорение, и в бою тоже большою частью одолевали они».

В исходе Вахтанга приняло участие около трех тысяч грузин. Часть из них осела по дороге в Астрахани. В Москву приехали 1200 человек. Из Грузии уезжали навсегда Саба-Сулхан Орбелиани и его братья, сын Вахтанга, географ и историк Вахушти, историк Сехниа Чхендзе, поэты Мамука Бараташвили, Эрасти и Шнош Джавахишвили, Иесе Тлашадзе и многие, многие другие. С Вахтангом и по его следам в Россию переселилось сорок три князя и дворянина. Это были свояк Вахтанга Дм. Орбелиани, Нодар Бараташвили, Мелхиседек Бараташвили, Дмитрий Шаликашвили, Сологашвили, Херхеулидзе, Амилахвари, Мачавариани, Чхендзе, Тухарели. Они и их потомки оставили определенный след в истории или культуре России, и о них речь тоже будет впереди.

Перевалив через Кавказский хребет, Вахтанг стал ждать разрешения на проезд в Россию. Он находился в крепости Св. Креста, построенной русскими в устье реки Сулак, при впадении ее в Каспийское море.

Первоначально, получив известие о желании Вахтанга

найти убежище в России, Петр хотел, «чтобы Вахтанг основал себе жилище в крепости Св. Креста или где на границе».

Желая закрепить за собой вновь завоеванные прикаспийские провинции, правительство интересовалось, «каким образом лутчее и способнее перезвать как грузинцов, так и армян и теми народы сильно укрепитца по берегам Каспийского моря». Вахтангу предлагали вывести за собой из Грузии в российские пределы войско в несколько тысяч человек, которые были бы «содержаны на государственный счет». «Подать ему надежду, что он будет над всеми тамошними месты главным владетелем».

Однако Вахтанг отклонил идею массового переселения в Прикаспье и Притеречье, считая полезным это лишь в ограниченном числе.

Вступление русских войск в Прикаспье было крупным событием международной жизни. Оно сразу вызвало изменение ситуации в регионе, ломку границ размежевания интересов крупных держав на Кавказе. Крепость Св. Креста стала опорным пунктом новых провинций.

Генерал-майор Кропотов, начальник кавалерии в Персидском походе Петра, а ныне «начальствующий в Прикаспии», доносил в Коллегию иностранных дел: «Грузинцы выходят к крепости Св. Креста беспрестанно человека по 7 и по 10», и спрашивал, как с ними быть.

«Оным грузинцам для поселения отводить места около крепости Св. Креста в пристойных и безопасных местах... и которые впредь выходить будут, селить в тех же местах».

Этим было положено начало поселениям грузин не только в Прикаспии, но и в российских пределах вообще.

Вахтанг прибыл в Астрахань 8 ноября 1724 года. С ним были, помимо свиты, архиепископ Самтаврский Христофор, митрополит тифлисский Павел и четыре епископа.

Лаврентий, астраханский преосвященный, определил им для службы ближнюю церковь и, кроме того, не запрещал им служить, где хотят — в Соборной ли церкви или какой другой.

Однако гости повели себя «притязательно»: потребовали себе шесть церквей для каждого архиерея отдельно. Они считали Петра виноватым в потере Вахтангом трона и своем бегстве в эмиграцию и вели себя в Астрахани, «как дома».

Лаврентий послал запрос в синод, откуда ответили: разрешить им отправлять богослужение, «где они востребуют».

Пока этот указ шел, Вахтанг и с ним епископы Христофор, Павел и Николай отправились в Москву, где им были назначены для жития монастыри Богоявленский, Знаменский и Зла-

тоустовский. Там им «в таком же облачении, как в грузинской земле, священнодействовать позволено».

Еще прежде Вахтанга в Москву прибыл С.-С. Орбелиани с братом Зосиме, известным каллиграфом, и еще несколькими спутниками. Поездка его в Россию была дипломатической. Он вез два письма Вахтанга — к царевне Дареджан и к Петру. Письмо царю должна была передать Дареджан, которая играла роль посредницы.

Вахтанг связывал все свои надежды с Петром. Он рассчитывал с помощью русской армии скоро вернуться на родину. На это надеялись и его спутники. Но в Царицыне он получил ошеломляющее известие о смерти Петра. Эту горестную весть принес ему Артемий Волынский, тот самый давнишний сподвижник Петра, а ныне астраханский губернатор, занимающийся, кроме всего остального, также делами Кавказа и Каспия. Эта весть была тем более тяжела, что могла означать и перемену русской внешней политики.

Легко представить себе отчаяние Вахтанга. Безотносительно к нему и к Грузии Петр был великий государственный деятель, свободно, как все крупномасштабные люди, разбирающийся даже в чуждых ему проблемах, прозорливый и целеустремленный. Кто придет ему на смену?

10 марта Вахтанг VI с сыновьями Бакаром, Георгием, Вахушти, с братьями Симоном и Адарнасе (Афанасий) в сопровождении свиты в 84 человек въехал в Москву. Он остановился во Всесвятском у царевны Дареджан, своей двоюродной сестры, а 6 мая уже отправился в Петербург.

Сохранилось описание встречи Вахтанга в Петербурге в 1725 году:

«Яхта и две галеры были посланы для встречи царя Вахтанга в Александро-Невской лавре. Командир над тремя кораблями от лица Екатерины приветствовал царя до вступления последнего на борт яхты. При вхождении на яхту его приветствовали ружейными залпами. Стреляли также при его приближении к арсеналу. Когда царь вступил в город около главного почтамта, его ожидала роскошная карета, запряженная шестью лошадьми, в сопровождении 6 пеших и 12 конных людей. Для свиты предоставили 10 карет и 20 лошадей в богатой упряжке. Во дворце стояла почетная стража. К Вахтангу был приставлен стольник».

Эта встреча и состоявшиеся переговоры показали, что Россия по-прежнему считает Вахтанга карталинским царем. Более того, Екатерина I дала указание астраханскому губернатору А. Волинскому отказать прибывшим в Астрахань послам ново-

го царя Константина в разрешении на проезд. Но в дальнейшем внешняя политика стала непоследовательной и привела к нарушению основных линий или идей Петра. Русское правительство уже не проявляло интереса к прикаспийским провинциям, хотя опасение, чтобы турки не обосновались там, должно было бы его активизировать.

Вахтанг просил у Екатерины I возвратить ему реликвию царской семьи «гвоздь господень», который вывез в Россию Арчил II. Он просил также наследниками Арчила ввиду смерти его сыновей и бездетности Дареджан признать его детей, а младшего сына Георгия воспитать при дворе русского государя.

Согласие было дано на все просьбы. Лишь о гвозде была сделана оговорка: его постановили возвратить картлийскому царю, но из России не вывозить.

Вахтанг вернулся в Москву.

После смерти Екатерины на престол в мае 1727 года вступил 12-летний Петр II. Между членами Тайного совета разгорелась борьба за власть.

Надо было ждать.

В 1730 году на престол вступила Анна Иоанновна. При воцарении Верховный совет пытался ограничить ее самодержавные права. Она подписала ограничительные пункты в селе Всесвятском, во дворце Арчила и Дареджан, где несколько дней вела переговоры. Тем временем ее сторонники, или, лучше сказать, противники верховников, собирались на совещания в доме князя Черкасского на Никольской улице. Прибыв в Москву, Анна порвала соглашение. Историк М. Щербатов пишет: «Герцогиня Анна, поехав из Митавы и не доехав до Москвы 7 верст, остановилась в селе Всесвятском, принадлежавшем царевичу Грузинскому, в его доме, в ожидании приуготовления торжественного ее вшествия в Москву».

Декабрист Штейнгель приводит в своих записках следующий исторический случай: «Рассказывают, что после коронации Анна Иоанновна пришла из Успенского собора в Грановитую палату, села на трон, но тут же вдруг спустилась, подошла к Долгорукому, что не было предусмотрено церемониалом, взяла его за нос и подвела к портрету Ивана Грозного.

— Чей портрет?

— Царя Ивана Васильевича, матушка.

— Ну, так знай, что я, хоть и баба, такая же буду. Вас семеро дураков собирались водить меня за нос, а я тебя прежде провела. Убирайся теперь в свою деревню и чтоб духом твоим не пахло!»

Вахтанг сопровождал Анну Иоанновну при ее торжественном въезде в Москву в 1730 году. Он ехал в карете, которая следовала за новой императрицей.

Принято говорить о непоследовательности русской политики в отношении Прикаспия в тот период. И действительно, она была такой. Но с другой стороны, развитие событий показывало, что прочных завоеваний в Прикаспии не могло быть до тех пор, пока не было сокрушено могущество Турции в Черном море, что было сделано позже, при Екатерине II; пока не была ослаблена и Персия и пока не были подорваны ее позиции на Кавказе вообще, что произошло еще позже, в XIX веке, после присоединения Грузии к России. Кавказ не мог быть взят без обеспечения флангов его — Каспийского и Черного морей, — ибо фронтальной атаке препятствовал несокрушимый Кавказский хребет, перейти который на протяжении всей истории не удавалось еще никому — ни римлянам, ни арабам, ни Тамерлану. Анализ исторической ситуации и документов показывает, что эта так называемая непоследовательность всегда диктовалась реальным соотношением сил. Стратегическое наступление на Кавказ могло быть только последовательным и постепенным. Пока нельзя было с Черного и Каспийского морей войти в Грузию, не мог быть взят и Кавказ в целом, и пока это не случилось, не могло быть и речи о серьезном ослаблении позиций Турции и Персии в этом регионе, об изгнании их оттуда.

Словом, надо было ждать, или — приходилось ждать.

II

В Москве Вахтангу и его свите отвели земли по реке Пресне.

До того, как возникла Грузинская слобода, на Пресне было село Воскресенское. Сохранился план Пресни 1776 года, на котором подробно расписано, кто где живет — царевичи, князья, служилые люди. Вместе с тем Н. В. Сытин в «Истории застройки и планировки Москвы» определенно указывает на существование Грузинской слободы уже в 1714 году. Очевидно, здесь уже раньше селились грузины. Это могли быть только люди, как-то связанные с Арчилом или с грузинскими иереями, которых много было в церквах и монастырях Москвы. Во всяком случае, появление грузинского этнического уголка в Москве надо отнести к эпохе до приезда Вахтанга.

Самому Вахтангу указом Сената сначала было отведено для жительства Рязанское подворье (ул. Кирова, д. 1), известное тем, что в нем находилась Тайная канцелярия Петра, где

производились пытки и дознания. Вахтангу положено было выдавать «из доходов с патриарших вотчин 24 тысячи рублей, по 4 тысячи овса и по 2 тысячи четвертей сена на 200 лошадей, на каждую лошадь в год по 180 пудов; дров на 500 саженей».

Затем по указу 19 декабря 1729 года пожалован «царю Вахтангу двор на Пресне с садом». Этот дом на Грузинской площади с 1711 года тоже принадлежал рязанскому епископу и вот теперь был отдан Вахтангу. Как видно, рязанское подворье или совсем было упразднено, или же переведено в другое место.

Дом стоял на Грузинской площади севернее нынешнего зоопарка. Сад при нем тянулся до реки Пресни, на месте русла которой теперь находится Ново-Пресненский переулок. Вокруг были построены деревянные дома для грузин, обслуживавших царя Вахтанга. Современная Грузинская улица шла тогда еще по полю и отделяла слободу грузин от Тверской-Ямской слободы, на которой, по нынешним Садово-Кудринской и Большой Садовой уже были построены загородные дворы с садами московской знати.

Вот еще строчки из старого документа, которые с одной стороны подчеркивают гостеприимство, с которым приняты были в Москве Вахтанг и его люди, с другой — опровергают ходячее мнение о хронической будто бы бесхозяйственности, свойственной московским приказным:

«Описание землям за Земляным валом, в градской выгонной земле:

...Пресненская дача царевичей Бакара и Георгия Вахтанговичей, на которой поселение имеют грузинские князья, дворяне и разного звания люди, под селением — 54 десятины 842 квадратные сажени, неудобной 8 десятин 823 сажени. Всего 62 десятины 1665 кв. саженей по обе стороны речки Пресни и на правой стороне речки Кабанихи (нынешний Зоологический переулок). В оной грузинской слободе армянская кирка каменная да одна большая улица Георгиевская (нынешняя Б. Грузинская)».

За грузинским Камер-Коллежским валом «амфитеатр звероиной».

В 1731 году Вахтанг переехал в новый дом на Воздвиженке (как раз того Долгорукова, которого Анна Иоанновна столь непочтительно взяла за нос. Он был отправлен в ссылку).

В Москве у Вахтанга и Русудан был придворный штат, дворецкие, шталмейстеры и секретари. Царица Русудан уже после смерти Вахтанга доложила кабинету: «Из грузинцев оставили мы при себе в услужении для самых своих крайних

нужд, без которых пробыть никак не возможно для нашего иностранства, всех числом при нас оставшихся князей 10, дворян 26 да простых из крестьянства всяких служителей при доме 43 человека, которые остались при нас желанной своей охотой, а не из-под неволи».

Также большой штат был у Бакара, наследника и тоже царя. На должности управителя его нижегородских имений был князь Мелхиседек Бараташвили, отец симбирского губернатора и дед знаменитого нумизмата.

Жизнь царской фамилии проходила в роскоши. В праздничные дни дворец во Всесвятском — главной резиденции царевичей — бывал ярко освещен. Некий М. Н. Данилов, специалист по фейерверкам, иллюминировал его в 1744 году в честь приезда во Всесвятское императрицы Елизаветы Петровны. «Весь дом у него был иллюминирован фонарями и картинами» — рисованными транспарантами.

На Пресне было построено одновременно до 60 домов. Образовался поселок Грузино, вошедший спустя некоторое время в черту города. До 1779 года число домов росло, затем стало уменьшаться.

От того времени здесь сохранился только один дом, который после изучения архивных материалов был признан собственностью Бакара Вахтанговича или его приближенных. Он представляет собой отдельную усадьбу, нижняя часть которой выложена из кирпича, верхняя — из бревен. Дому 250 лет. Он состоит из 19-ти комнат, устлан художественным паркетом, стены украшены позолоченными карнизами. Паркет и карнизы говорят о его богатых владельцах. Он имеет сходство с домами старого Тбилиси. Теперь в нем Мемориал дружбы русского и грузинского народов, богато экспонированный историческими материалами.

Церковь, возведенная младшим сыном Вахтанга, находится на площади, которая сначала называлась Георгиевской, а потом Грузинской.

Изучение генерального плана поселка Грузино показало, что памятник Руставели воздвигнут перед зданием, которое составляет часть дома Вахушти. Дом, ныне уже не существующий, назывался «дворцом грузинского царя».

Уже в конце XVIII века дворец обетшал и, как необитаемый, был продан на слом. «В его разбитые, впрочем, зеркальные стекла влетали голуби и другие птицы», вспоминает со слов матери литератор П. И. Кичеев, житель Грузинской слободы.

«На лугу к Пресненским прудам по гребню пригорка росли кусты сирени и оставались грядки, поросшие дерном. Это были остатки садов когда-то существовавшего на этом месте дворца царей грузинских». Л. Н. Толстой в «Войне и мире» позже тоже дважды упоминает о садах князей Грузинских.

Сын Вахтанга Георгий предположительно с 1729 года жил в доме 19/1 по Б. Грузинской. Неподалеку был двор супруги царевича Симона Анны Паатовны (Павловны и Потаповны по русским документам).

Здесь же жили княжна Мария Вахуштиевна Багратион и князь Д. Г. Багратион, князь Николай Кахаберидзе, дворянин Евсей Кванчехадзев. На Кудринской — княжна Анна Эристави и княгиня Катерина Бараташвили (Баратаева). В Грузинской же слободе имела свой дом и Дарья Александровна Меншикова, жена внука Вахтанга, Александра Бакаровича, сама внучка ближайшего сподвижника Петра. Упомянутые князья Кахаберидзе были родственниками поэта Давида Гурамишвили, и последний, несомненно, бывал у них или даже жил во время пребывания в Москве.

Здесь же стояла усадьба Дм. Амбрасадзе, который позже, в 1784 году состоял в должности советника в гражданском суде г. Симбирска.

В слободе жила супруга Левана Бакаровича — Александра Яковлевна, урожденная княжна Сибирская, «роду сибирских царей», и ее сыновья Леван и Яков. Петр Яковлевич был убит в Бородинском бою, Сергей Яковлевич жил здесь в собственном доме еще в 1872 году.

Здесь же обитали княгини Анна Васильевна Грузинская, урожденная Амилахвари, и ее муж генерал Афанасий (Адарнасе) Леванович, человек, «известный Москве и армии». «Будучи генералом, он начальствовал над Москвой». Это он сыграл известную роль в чумном бунте 1771 года, когда был осажден Кремль и убит архиепископ Амвросий, а сам он перед Спасской башней побит камнями. Он умер в 1784 году, его жена десятью годами позже. У них здесь было два дома, один из которых впоследствии принадлежал князю П. П. Одоевскому, женатому на дочери царевича Афанасия. О нем есть любопытные сведения в воспоминаниях К. К. Павловой, опубликованных в «Русском архиве». «Близ пресненских прудов жил П. П. Одоевский в загородном доме. Он лишился всех детей и жены, кроме одной дочери, которая была замужем за графом Кэнсоном. Затем он пережил и ее, и ее двух младенцев. Это было «в те дни, как Пресненское поле еще забор не ограждал». Одоевский продал своему зятю графу Кэнсону пятьсот душ по ко-

пейке за душу. Он улыбался, говоря об этой шутке. Душа, проданная за копейку, — это вовсе не казалось ему чем-то возмутительным, ведь принятое выражение было точным: продавались в самом деле души».

Брат Анны Васильевны Евг. Амилахвари был президентом вотчинной коллегии в Москве.

В указе 1765 года «О производстве пенсий и жалования» перечислены «вдовы грузинской нации», получающие пенсии: княгиня Мария Егоровна, вдова царевича Вахушти, царевны Анна и Мария.

На Пресне жил Петр Баратаев, губернатор и отец известного нумизмата М. П. Баратаева. Их род происходил из древней фамилии «владельцев Манглеза». Одним из самых богатых в Грузинах был дом князей Цицишвили, по имени которых была названа одна из двух грузинских церквей слободы — Цициановская. Она стояла ближе к Кабанихе, нынешнему Зоологическому переулку. Один из Цицишвили, Павел Дмитриевич, был управляющим на Кавказе в пору присоединения Грузии к России в 1801 году. Вторым, Михаил Дмитриевич, известен тем, что под его руководством в Москве в 1810 году была возведена Оружейная палата. Впоследствии они жили на Садово-Кудринской. Там же проживала Анна Георгиевна Грузинская-Толстая. К ней и ее мужу графу А. П. Толстому мы еще вернемся. В другом доме их, на Никитском бульваре, умер Н. В. Гоголь. Гоголь жил у Толстых последние годы своей жизни, у них сжег свои бумаги, был как бы членом их семьи.

В Грузинах жил и поэт Петр Иванович Шаликов. Его дед, Шаликашвили, выехал из Грузии вместе с Вахтангом. В письме к П. Вяземскому от 19 февраля 1825 года А. Пушкин пишет о нем: «Ты увидишь в «Разговоре поэта и книгопродавца» мадригал князю Шаликову. Он милый поэт, человек, достойный уважения, и надеюсь, что искренняя и полная похвала с моей стороны не будет ему неприятна». Шаликов издавал первый в России журнал «для дам». Журнал пользовался большим успехом.

В 1788 году, когда началось строительство каменного храма на Георгиевской площади в Грузинах, жители прихода просили о дозволении иметь грузинского священника «по незнанию многими русского языка».

Строитель церкви царевич Георгий был младшим сыном Вахтанга VI, генералом и «действительным камергером» при Елизавете. Живя потом в Москве — Екатерина не жаловала прежних фаворитов, — он подписался на книгу Н. И. Новикова и даже разрешил напечатать на обложке свое имя в целях

ее рекламы. В 1785 году, незадолго до смерти, он пожертвовал Московскому университету 10.000 рублей, что было большой для того времени суммой, если учесть, что такая же запрашивалась для основания университета в 1755 году.

В знак благодарности на стене актового зала университета вывесили доску, на которой золотыми буквами было написано имя дарителя. Он же возглавлял список жертвователей, который на праздновании 100-летнего юбилея университета в 1855 году огласил академик С. П. Шевырев.

Помимо Пресни, грузины жили неподалеку в Новинском и на Арбате, где позже купил себе дом царевич Георгий Вахтангович.

Вдова царевича Симона Анна Паатовна (Потапозна) после пожара 1737 года, когда выгорели не только деревянные, но и каменные строения Новинского монастыря, «вновь устроила монастырь» и восстановила в нем четыре церкви. Монастырь стал называться Грузинским Новинским девичьим. Игуменьей в нем была царевна Нина — дочь имеретинского царя Баграта.

Царевна Нина приехала в Москву с Вахтангом VI и прожила в ней тридцать пять лет. Она скончалась в 1760 году. При ней состояли три грузинских дворянина с семьями и дворянка Февронья. Перед смертью Нина обратилась к Сенату с просьбой дать им всем после ее смерти, учитывая их преклонный возраст, то же содержание, которое и она сама им давала. Сенат разрешил это. В том же 1760 году Новинский монастырь был упразднен и никогда больше не возобновлялся.

В 1805 году Большая Грузинская уже носила свое современное название. На нынешней Грузинской площади стояла церковь святого Георгия и огромный двор Ушакова, за которым к западу, до самой Пресни, тянулся сад. В северной части площади стоял двор князя Касаткина — лицом к Большой Грузинской, огородами к Зоологическому переулку, где разместился двор грузина Котомова.

Когда в 1812 году Москву заняли французы, на Пресне стояли итальянская пехота и французская конная гвардия. Во время пожара Москвы район Пресни пострадал меньше других.

«В Грузинах на лугу около церкви св. Георгия Победоносца всю ночь оставалась толпа народа. Через темь и дым мы напрягали зрение к Кремлю. От нас с луга был виден Иван Великий, но ничего нельзя было рассмотреть. Стало светать; но Кремль еще не показывался. Мы не шли в дом, боясь новых взрывов, и решились ожидать совершенного утра под открытым

небом. Наконец взошло солнышко, а вскоре после показалась и золотая глава Ивана Великого. Он стоял по-прежнему богатырем, к нашей радости и досаде французов или, лучше сказать, их предводителя, по воле которого все сделалось», — вспоминает очевидец.

С луга смотрели, как идет огонь. Вот дошел до Арбата, вот пошел дальше. Некоторые уже перебрались на берег пруда. Но огонь не перешел за Земляной вал (нынешнее Садовое кольцо).

Тот же литератор Кичеев, о котором мы уже упоминали, сообщает об одном любопытном эпизоде: «Помню, как за три дня до вступления французов в Москву, один сосед наш, грузин лет 80, по прозванию Пиран, подходил к дому деда (самому Кичееву было семь с половиной лет) и вызывал его на Поклонную. Пиран одет был по-дорожному, имел за плечами котомку, был при сабле, а вместо ружья держал обыкновенный посох. Он, по-видимому, собирался уйти из Москвы и присоединиться к окрестным партизанам, как это делали многие из оставлявших Москву».

С 1812 года грузинское население слободы уменьшилось, здесь стали селиться русские.

Двор Вахтанга в Москве был культурным центром, где собирались находившиеся в России грузины — ученые, писатели, политики и дипломаты. Достаточно назвать имена таких деятелей грузинской культуры, как Иосиф Самебели, Давид и Христофор Гурамишвили, братья Орбелиани, Бараташвили и Джавахишвили, Эрасте Туркестанишвили, чтобы понять, какое значение имел этот центр для грузинских эмигрантов и для всей грузинской культуры. В это основное ядро культурных деятелей входили также Дм. Саакадзе, Габриэл Геловани, Саридан Чолокашвили, Георгий Леонтидзе. К ним был близок историк и географ Вахушти и другой сын Вахтанга — Бакар, продолживший во Всесвятском дело Арчила II — печатание в Москве грузинских книг.

Грузинская колония жила интересами своей родины. Ученые и писатели переводили на грузинский язык лучшие произведения русской литературы, внося большой вклад в сближение русского и грузинского народов. О жизни и деятельности их в России мы еще расскажем на этих страницах.

Давид Гурамишвили прибыл в Москву прямо из лезгинского плена через Сулак, Астрахань и Царицын. Свое избавление он описал в звучных стихах. Двенадцать дней он скитался по лесу, прячась от всех. И вот, подойдя к краю леса, голодный и

обессиленный, увидел вдруг людей, работающих в поле. «У любого под рубахой крестик маленький светился». Он услышал слово «хлеб» и понял, что спасен.

«Лазарь, дай-ка парню хлеба, кто-то, сжалившись, сказал. Слово «хлеб» заслышав ухом, я, как лист, затрепетал. Закачался на ногах я, пошатнулся, застонал и, как рухнувшее здание, обессиленный упал. Слово «хлеб» я знал по-русски, слышал я его и ране. Услыхав его, я понял, что на русской я окраине. И душа, забыв о муке, погрузилась в ликование. И как споп, я там на землю повалился без сознания».

Старший брат Давида, Христофор, работал в грузинской типографии и переводил книгу Феофана Прокоповича «Первое учение отрокам».

Вахтанг ласково принял Давида, назначил его своим «джабадар-даши» — хранителем доспехов. «Был начальником я сделан у Вахтанга в арсенале». Джабадар тут же отправился в Тулу закупать оружие. Он привез оттуда пять тысяч комплектов воинского снаряжения, которое потом перешло к грузинскому гусарскому полку и было использовано в войне с Пруссией. Гурамишвили победил в поэтическом состязании, устроенном Вахтангом. Вахтанг, сам поэт, любил подобные поэтические турниры, в которых надо было импровизировать на заданную тему.

Со временем, в особенности после смерти Вахтанга, колония постепенно стал редеть. Одни вернулись на родину, другие получили земли на Украине, третьи переселились на Северный Кавказ.

В российские пределы из Крыма и других мест бежали пленные грузины. Они посылались к Вахтангу, который разбирал их дела и решал, оставлять их на русской службе или возвращать в Грузию.

В 1731 году он сам обратился с просьбой выкупить пленных грузин из Азова, на что русское правительство дало согласие.

Вахтанг старался заинтересовать русское правительство грузинским и вообще кавказским вопросом. Грузинскому, армянскому и другим народам Кавказа, убеждал он, нужна надежда, что Россия им поможет. Он поддерживал связи с армянскими политическими деятелями и кабардинскими князьями, выступая таким образом от лица этих народов, представляя их общие интересы. (Жена Вахтанга, царица Русудан, была кабардинской княжной Бакашвили. Ее семья владела Дарьялом и местами, которые простирались вверх по Тереку до турсовского селения Сивераут.) Но коллегия по иностранным делам

избегала какого-либо риска в отношениях с Турцией и по ряду вопросов занимала пассивную позицию.

В 1730 году между Россией и Персией был подписан Рештский договор, согласно которому прикаспийские провинции, занятые Петром, возвращались Ирану. Правительство согласилось вернуть эти провинции при условии, что владеть ими будет только Персия, то есть что они не будут уступлены туркам, которые должны быть изгнаны из Тифлиса.

В § 8 Рештского трактата между Россией и Персией сказано:

«Когда Грузия будет по-прежнему при Персии в протекции шахова величества», то «владение и правление в Грузии должно быть передано грузинскому царю Вахтангу, покровительствуемому Россией».

Это же подтвердил и Гянджинский трактат 1735 года.

Вот почему пришедший к власти в Иране Надир-шах, изгнавший в 1735 году из Тбилиси и Восточной Грузии турок, которые владели ими со времени отъезда Вахтанга, то есть с 1723 года, в целях умиротворения обстановки в Грузии и в знак scrupulousного исполнения договоров с Россией предложил Вахтангу вернуться на трон. Надир-шах опасался законного царя Грузии в России. Он был уверен, что Вахтанг согласится на его предложение. Вахтанг же мечтал о самостоятельной Грузии под покровительством России. Он не желал опекунов Персии или Турции, не хотел ни получать из их рук корону, ни быть зависимым от них. Он стремился к союзу с Россией, считая это единственным средством спасти Грузию от физического уничтожения и от деградации. Это была его принципиальная позиция.

Кроме того, прожив немало лет в Персии, он сам убедился, что она слабеет, идет к упадку. Если раньше, в пору расцвета, персидская поэзия и вообще культура могли оказывать благотворное влияние на другие страны, то сейчас Персия способствовала лишь падению нравов и нищете.

На протяжении предыдущих столетий, начиная с V века до н. э., Грузия подвергалась бесконечным нашествиям. Греки, римляне, арабы, монголы захватывали ее и грабили, но она неизменно освобождалась. В этой упорной многовековой борьбе Грузия, будучи восточным форпостом христианства, опиралась на поддержку своего извечного союзника-врага Византии. Но с падением Константинополя она осталась одна перед лицом врага, небольшим островком в мусульманском море. Единственным союзником, могучим другом могла быть только Рос-

сия, единоверное государство, которое к тому же само провозгласило себя наследником Византии, третьим Римом.

Таким образом, ориентация на единоверное государство для борьбы не на жизнь, а на смерть с Персией и Турцией — такова была главная и единственная линия в предыдущие века, начиная с IV. Эта линия оставалась кардинальной, и Вахтанг, как и другие грузинские цари-патриоты, следовал ей. Вступить на престол по предложению Персии значило снова отдаться ей. В данное же время имели значение и соображения престижа. Жертвуя личными интересами, интересами своей семьи и свиты, Вахтанг решительно отказался. Он мотивировал отказ своей болезнью и службой наследника Бакара в русской армии, где тот был генерал-лейтенантом. Он якобы не мог отлучиться без разрешения императрицы.

Россия уже начала приобретать главные черты Византии — сильная армия, пышный двор, православие, просвещение. Персия и Турция вообще для грузин стали уже шагом назад.

Ждать, надо было только ждать.

Каковы были причины упадка Грузии, ее поражений?

Этот вопрос задавали себе и современники.

Царь Арчил видел их в недостатках общественного строя, в феодальной раздробленности и взаимной вражде.

Гурамишвили указывает на двойственную природу государства: с одной стороны грузины покорно выполняют требования церкви, с другой — распоряжения правителей-магометан. Приходится хитрить и изворачиваться. Прощаются двуличие и лицемерие. Говорится одно, делается другое. Обвинившись руками, идут вместе ложь и лесть. «Появились спесь и зависть, не гнушались и обманом».

Вахушти: «По вине персов и омусульманившихся грузин распространились роскошь, прелюбодеяние, наслаждения тела, баня, шегольство непристойное, арфисты и певцы мусульманские. И кто не пристрастился к этим делам, их не почитали. И власти тоже совратились, и совершали непристойное».

Положение в Грузии было тяжелым. Ее, в прошлом могущественное государство, «словно гангрена, разъедали набег и лезгин и изживший себя феодальный строй» (Г. Кикодзе. «Ираклий II»). Крестьяне разбежались, чиновники не выполняли царских приказов, если приказы были направлены против их интересов. Торговля приходила в упадок. Население составляло всего 165—170 тысяч человек.

Персидско-турецкое владычество задерживало развитие

страны, развращало население. Поэтому передовые деятели видели выход в союзе с Россией.

В 1734 году Вахтанг VI и царевич Бакар вновь едут в Петербург.

Анна Иоанновна приняла Вахтанга с почестями. Призвав обещания Петра I Грузии, о которых напомнил Вахтанг, она приказала собрать войска и двинуть их к Прикаспию. Воодушевленные грузины стали готовиться к освободительной войне.

В путь выступили летом 1734 года. Плыли по Волге до Астрахани. Военные действия должны были начаться из крепости Сулак, где стояли русские войска. Грузины плыли на шести парусных лодках, напоминавших баржи. Лето было засушливое, Волга обмелела. «Наконец мы в путь пустились. То нас волоком влекли, то неслись мы быстроною, то сидели на мели. Уж три месяца по Волге плыли наши корабли» (Давид Гурамишвили). Затем путь продолжили на телегах и верхом.

Но Россия заключила мир с Персией, где возвысился Надир-шах, завоеватель Индии. Анна Иоанновна и ее правительство отменили поход.

Для Вахтанга этот удар оказался слишком сильным. Устав от надежд на изменчивое политическое счастье, он отрекся от престола и поселился в Астрахани. Он жил скромно, на положении частного гражданина. Вот описание его дома возле Кремля, где он жил вместе с царицей Русудан и сыном Георгием: «Светлица та обита холстом, а стены выбелены алебастром, и рамы выкрашены в той светлице. Окошек шесть мерою по три аршина, оконницы дубового дерева. Позади покоев садок, в нем деревьев плодовых — яблок, вишен, слив — 60 кустов, и тот садок окружен кругом тесом. Ворота створчатые с двумя полотенцами и калиткою. Подле ворот людская изба да поварня. Подле поварни под навесом чулан».

В 1737 году Вахтанг умер в Астрахани, где и похоронен в кафедральном соборе.

Донесение губернатора Измайлова о погребении Вахтанга: «...Всепокорнейше доношу, что было его погребение того ж месяца 30 числа (марта) в Соборной Успенской церкви с такою церемонией: как из дома до церкви тело несено, то наперед шли в строю солдаты со шпагами и офицеры, а позади из тех грузинцев несли четыре человека от гроба крышку, обитую черным бархатом. А за оною три человека несли написанный на холсту в раме герб его, а позади священники и два епископа: один астраханский, а другой грузинский. А за ними несли по три ж человека на шести атласных подушках саблю, державу,

скипетр, ордена св. Александра Невского, Андрея Первозванного, корону. А позади них 12 человек грузинцев несли с телом гроб его, обитый черным бархатом, и по сторонам гроба на углах написано четыре его герба, и покрыто пеленою с золотыми и шелковыми травами... А позади гроба шел в зеленой епанче сын его царевич Георгий, а потом сестра его царевна-монахиня с прочими домашними особами в черном платье. Царица ехала до церкви в коляске, которая была заложена парой лошадей, крытых черным сукном.

Во время погребения пушечная, потом ружейная пальба была».

Отречение и смерть Вахтанга осложнили положение грузинских политических эмигрантов. Им предложили вступить в русскую службу и, в частности, ценя их военную славу на востоке, в армию. В «Давитиани» Гурамишвили рассказывает о том, как эмигранты просили Вахтанга не отрекаться, не бросать их в чужой стороне, куда они последовали за ним. Даже Бакар был решительно против отречения отца, но Вахтанг никого не послушал.

В колонии царил разброд. Одни постановили вернуться на родину, другие группировались вокруг царевичей, третьи — многие — приняли решение служить. Указом от 25 марта 1738 года императрица Анна Ивановна зачислила грузин-эмигрантов в разряд русских подданных.

Давид Гурамишвили, свидетель всех этих событий, вскрывает их подоплеку. Сообщаемыми им фактами и его историческим анализом мы не можем пренебречь уже хотя бы потому, что это Давид Гурамишвили. Он, как и А. Пушкин в русской культуре, является тем оселком, на котором проверяются многие исторические оценки, во всяком случае касающиеся Вахтанга и его эмиграции.

Есть историки, которые склонны идеализировать образ Вахтанга. Они ревниво не признают за ним ни одного упущения, ни единой ошибки. Он действовал, по их мнению, всегда исключительно точно и правильно.

Не вдаваясь в полемику по существу, скажем только, что подобный взгляд на кого бы то ни было является неверным. Вахтанг ошибался, как и все другие пружинные деятели, в обстоятельствах, когда приходится рисковать, часто проигрывал в различных ситуациях, но именно этим он нам и более понятен. Небезгрешный герой — такими не были ни Наполеон, ни Петр I, ни Давид Стронтель, — а человек со всеми присущими ему чертами предстает перед нами, исходя из непредвзятых исторических изысканий. Ошибки делают его по-человечески ближе нам.

его облик трагичнее. Кроме того, ошибки эти влекли за собой последствия, порою печальные, и умалчивать о них — значит идти против истины.

Уже в 1738 году была сформирована Грузинская гусарская рота. В ней первоначально было 70 рядовых и 17 человек командного состава из князей и дворян, выехавших с Вахтангом из Грузии.

Сохранились имена первых «вступивших в службу и вечное подданство» России. Это были Мирвел Туманов, Иван Бедауров, Павел Гогибедов, Петр Челобаев, Николай Саакадзе, Иосиф Эрстов, Фома Бараташвили, князь Орбелиани и другие.

В русской армии тогда было четыре национальных объединения: сербские, молдавские, венгерские и грузинские гусары.

В войну против турок (1739) рота служила «с отличием» под командой генерал-фельдмаршала Миниха. Довольный ее службой, он послал грузинского дворянина Бориса Егорова в Астрахань и Кизляр для дополнительного набора. Егоров привел с собой 150 человек. Повелено было еще вербовать грузин и учредить хоть до десяти рот. Командиром был назначен Мамука Давыдов.

17 февраля Миних писал: «...той роты офицеры и рядовые противу неприятеля поступали так, как надлежит весьма храбрым и надежным людям, каковые при армии всегда потребны».

Уже в 1741 году рота была преобразована в полк. «Велено было Грузинский гусарский полк учредить в 10 ротах».

Встреча вновь образованного полка с армией произошла в Киеве. Влившись в ее ряды, он совершил совместный поход через Днепр к Днестру, где принял боевое крещение у села Сенковицы. «Грузины сражались храбро и заслужили благодарность командования», — сообщили «Санкт-Петербургские ведомости».

«Грузины свою службу исполняют отважно... Грузины ведут себя, как подобает отважным и надежным людям, так что большего от них требовать невозможно... Нам очень нужно как можно больше столь храбрых воинов», — таковы отзывы русских командующих.

Грузины отличились и на берегу реки Долгой, что отмечено в специальном приказе Миниха. Участвовали они и в решающем сражении у села Ставучаны. За героизм при взятии Хотина командующий артиллерией князь Дадзиани получил чин полковника и был назначен помощником обер-коменданта крепости.

С 1742 года — бои в Финляндии. Грузинский полк участвует в Тогмозерской компании. Сражался он и у Фридрихсгофена — на берегу Финского залива. При взятии у шведов крепости

Вильманстранг начальником гарнизона был назначен генерал-майор Георгий Багратион, сын Вахтанга VI.

По заключении мира полк стоял сначала на Украине, потом в Свияжске Казанской губернии и затем в Кизляре. В мирное время жалованья гусарам не платили, вместо него им отвели на Украине деревни и земли в потомственное владение. Князь получил по 30 дворов, дворяне по 10.

Их дома были освобождены от солдатского постоя. Им не воспрещалось возвращаться на родину. Лишь в кадетские корпуса они принимались с обязательством, что в дальнейшем не покинут Россию.

Грузинские воины носили сначала национальную одежду, а затем были переведены на единую гусарскую форму, отличающуюся от других гусарских мундиров лишь цветом.

Пятнадцать лет они вели на Украине оседлый образ жизни, занимались хозяйством, роднились с соседями — словом, жили обычным помещичьим укладом небогатых дворян. Но вот в 1757 году началась Семилетняя война. Грузинский гусарский полк вновь призван под знамена. Он участвует во всех основных кампаниях, в том числе в битвах, в которых фельдмаршал П. С. Салтыков громил хваленого Фридриха II. В реляции Елизавете Петровне после Кунерсдорфской битвы он указывает на «храбрость и неустрашимость Грузинского гусарского полка под командовавшим Амилахвари».

Гросс-Эберсдорфская битва. Взятие Кенигсберга, Кюстрина, Берлина. Полк участвовал во всех этих боях. Он входил в дивизии Лопухина, затем Румянцева, будущего фельдмаршала. При Кюстрине полком командовал Гурнели.

В 1768-74 годах полк участвовал в войне с турками.

В 1769 году он, до того самостоятельный, был присоединен к Московскому легиону.

III

После отъезда Вахтанга в Москву многие его спутники остались в Астрахани. Они постепенно стали расселяться по разным местам России. Расскажем немного о тех эмигрантах, которые олицетворяли собой наиболее яркие тенденции этого расселения, и о его направлениях.

Грузинский митрополит Иоанн Манглели в 1724 году обосновался в Дербенте, где над морем поставил церковь великомученицы Екатерины. Он отправился туда по собственному желанию «с архидиаконами и прочими служителями, всего 11 человек, ибо он желает в Дербени жить и христианские церк-

ви, а также дворы и огороды построить; и ежели будут выходить из полону грузинцы и греки и прочие христианского закона люди, чтоб ему таких позволено было принимать и селить невозбранно».

Получив разрешение, он энергично принялся за созидательную деятельность. «Через труд свой построил церковь божью каменную крестообразную, кельи и колодцы строил сады виноградные заводил и имеет при себе мужского и женского полу, которые собрались из полону и из гор, больше 400 человек».

В 1738 году он писал грузинскому архимандриту московского Знаменского монастыря Иосифу Самебели о своем житье-бытье: «Здесь весьма много жилищ находится, и грузинцев с 200 дворов поселено, кроме тех, которые в казацких местах живут; имеют пашню равно как в Грузии; тако ж сеют хлопчатую бумагу и шелковых заводов умножено».

Иоани Манглели родился в 1666 году и был сыном князя Саакадзе. Сан епископа принял по просьбе Бакара.

При оставлении русскими персидских провинций переселенцы ушли сначала в крепость Св. Креста, а потом в Кизляр, что привело к расширению кизлярской колонии.

Манглели переехал сначала в Астрахань, а потом уже в Кизляр. В Астрахани он жил в Троицком монастыре, затем построил церковь (1739), которая по ходатайству перед синодом в 1744 году была наименована монастырем. Настоятелем ее посвящен архимандрит Герман — грузин. Затем Манглели переехал в Кизляр, где тоже построил церковь, которую расширил и превратил в монастырь. В нем он и погребен. Позже прах его перевезли в тбилисский Сионский собор.

Неутомимый труженик основал в Кизляре грузинское училище для обучения горцев-грузин. Затем в 1744 году он и Иосиф Самебели решили основать миссию для распространения христианства среди горцев Кавказа. Это была учрежденная в 1746 году известная «Комиссия восстановления христианства в Осетии». В нее вошли исключительно грузины. Для этой комиссии Манглели построил в Кизляре дом, завел сады. После его смерти в 1751 году во главе ее встал грузин Пахомий, потом грузины же Порфирий и Гайоз. (Митрополит Гайоз — или Гай, как его называли в России, — известный ученый и государственный деятель Грузии.) Во второй половине XVIII века в Грузии была сеть школ начального типа при церквях и монастырях. Созрела почва для создания учебных заведений высшего типа, что и было достигнуто открытием Тбилисской (1755) и Телавской (1758) философских школ, а затем и Телавской (1782) духовной семинарии. Возглавил это благое дело католи-

кос Антоний I, который создал для этих учебных заведений первые учебники. Гайоз был его правой рукой. Он участвовал в подписании Георгиевского трактата, был также руководителем осетинской комиссии, составителем осетинской азбуки и издателем первой осетинской книги. В Петербурге в Александро-Невской лавре изучил русский язык, а архиепископ Платон обучил его греческому и латыни. Затем он окончил Московскую духовную семинарию. Служил в городах Моздоке, Пензе, Саратове, Кременчуге и Астрахани, в которой и похоронен в кафедральном соборе рядом с Вахтангом VI и Теймуразом II. На его могиле написано: «Здесь погребено тело преосвященного Гая, архиепископа Астраханского и Кавказского, скончавшегося в 1821 году на 82-м году жизни». При жизни Гайоза из его многочисленных работ были изданы «Букварь», «Мудрость Китая», «Молитва», «Грузинская грамматика». Он перевел на грузинский язык, кроме Роллена, «Краткую историю Магомеда» и «Историю падения Трои». Идея создания регулярной армии в Грузии настолько захватила его, что он перевел военный устав Петра.

В осетинской комиссии в 1745—1755 гг. участвовал также архимандрит Ефрем. Позже, при католикосе Антонии, он служил во Владимирской епархии. Ефрем был рукоположен Антонием I в архимандриты Царевоконстантиновского монастыря, откуда затем по указанию синода был переведен в Козмин монастырь. В 1766 году он поселился в Москве, но вскоре был послан архимандритом астраханского Спасского монастыря.

После смерти Самебели в Саратове 1 сентября 1750 года тело его было перевезено в Астрахань и положено в нижнем помещении Успенского собора. Иоанн Манглели тоже вскоре умер в Кизляре. Его брат поручик Грузинского гусарского полка князь Николай Саакадзе перевез его тело в Тбилиси и положил в Сиони. Георгий XII, последний грузинский царь, дважды открывал его мощи для поклонения им.

Манглели, Самебели и другие грузинские пастыри назывались тогда «иностранные духовные особы».

Однако наступил период, когда отношение к ним изменилось. 2 января 1759 года в Кизляр прибыл митрополит Кахетинский и Алавердский Николоз, а 12-го — архимандрит Григорий. Оба хотели ехать в Москву. За Николоза ходатайствовала вдова Бакара Анна Георгиевна, которой он приходился родственником. Отказывать ей не хотели, но и желание властей избавиться от наплыва непрошенных и никому не нужных сановитых гостей тоже было понятно. Николозу с его людьми разрешили остановиться в Астрахани, где он и был помещен в

Спасопреображенский монастырь. Он продолжал осаждать вдову Бакара и сына ее «принца Александра Бакаровича» просьбами призвать его в Москву. Ему разрешили переехать на их кошт, и он поселился в доме родственников Анны Георгиевны и ее сына.

Синод всякими ограничениями старался сократить число приезжающих в Москву лиц, но это не всегда удавалось.

Вслед за Николозом в Москву пробрался митрополит Христофор, а за ним митрополит Тимофей (1762) — тот самый, который взял из Ананури крест св. Нины (во время нашествия турок в 1723 году) и вручил его в Москве царевичу Бакару. Впоследствии император Александр I при вступлении своем на престол получил эту святыню в дар от внука Бакара Георгия Александровича и возвратил Грузии ее заветное сокровище. Тимофей скончался в Астрахани в Спасопреображенском монастыре и погребен в Успенском соборе рядом с могилами Бахтага VI, Теймураза II и преосвященного Габоза.

По открытии в Тбилиси «Общества православного христианства на Кавказе» Комиссия прекратила свое существование.

Грузины двигались из Грузии через Рачу в Северную Осетию, первоначально оседая в Черкессии и Кабарде.

Первой русской губернией на дороге из Грузии была Астраханская, которая включала в себя и города Предкавказья. Для многих грузин Астраханский край стал вторым отечеством.

Наибольшее количество грузинских перебежчиков сосредоточилось в Кизляре и Моздоке. Они селились в окрестностях этих городов еще в начале XVIII века. Оба города входили в Астраханскую губернию и были расположены на Астраханской дороге (тракте), что облегчало торговлю и передвижение. В Кизляре грузины проживали в Грузинской слободе, где имелись грузинские церковь и училище.

Кизляр к тому времени (1766-67 гг.) сделался в полном смысле грузинской колонией. Грузин здесь было столько, что из них образовался целый приход. В 1759 году Н. Саакадзе, брат Манглели, построил здесь церковь в честь иконы богородицы «Животворящий источник». Церковь была освящена в 1767 году. Служил в ней грузинский архимандрит Евдемос. Одной из наиболее уважаемых прихожан была дочь Саакадзе Мария Николаевна, жена подполковника Грузинского гусарского полка Э. С. Джавахишвили.

Архимандрит Порфирий, упоминавшийся выше руководитель Осетинской комиссии, был сыном грузинского царевича

Александра Евсеевича, то есть внуком Иесе, ставленника персов на Карталинском троне и дядей полководца Петра Багратиона. Он приезжал в Россию еще в 1756 году с другим своим дядей католиком Антонием I. С ним же потом и возвратился в Грузию после пребывания во Владимире. Грузинское духовенство стояло и во главе причта кизлярского Казанского собора.

В Кизляре родился Петр Багратион. Его отец имел в окрестностях города небольшой участок земли.

В 1735 году в 70-ти верстах от Кизляра, выше гребенских станиц, «где ныне Шелковская крепость», памятная по детству Лермонтова, был основан казенный шелковый завод Сарафанникова. На этом заводе работали и армяне-переселенцы, построившие здесь слободу. В 1792 году на заводе числилось 227 армян, 153 грузина и 35 русских.

Моздок и станица Сасоплинская основаны после Кизляра.

В 1763 году в Моздоке было 86 грузин, 14 армян, 16 осетин, 9 греков и др. В 1777 году грузин было уже 684, в 1789—933. Затем численность грузин снижается, а армян растет. Присоединение Грузии к России побудило многих вернуться на родину. Название станицы Сасоплинской в дальнейшем исчезло. Она стала называться Александроневской, хотя жили в ней по-прежнему грузины.

Если первоначально грузины селились в Кизляре, то потом стали предпочитать Моздок, так как он был ближе к границе Грузии. Значительное грузинское население было в станице Новогладковской, в Сарафанниково и в других местах.

В основном грузинские поселенцы занимались виноградарством и плодоводством. Богатая деревня Ростевановка принадлежала майору Ростеванишвили. Не менее зажиточным был хутор князя Орбелиани с обширными виноградниками. Грузины выбирались в обоих городах предводителями дворянства и дворянскими депутатами.

Грузинское духовенство открывало школы и училища для детей горцев Северного Кавказа. Грузины и армяне завели шелководство в казачьих поселениях и в Астрахани. Они играли роль посредников между русскими и горскими народами, роль духовного и культурного средостения.

Иван Петрович Пицхелауров приехал в Россию в свите царя Теймураза II и после отъезда ее на родину остался на русской службе в коллегии иностранных дел. По представлению архимандрита Пахомия, начальника Осетинской комиссии, указом Сената часть свиты была определена при комиссии с обязательством «письменные и прочие дела исправлять добропо-

рядочно». Затем, «когда дозволено было в урочище Моздок заводить селения из принявших христианство горцев», он «по знаемости того народа Асетинского, Киштинского и другого» переведен был туда. Сам он жил в Кизляре, где «образовалось новое поселение из драгунской деревни, казацких городков, а также из грузин, армян и черкесов», переселившихся туда по его призыву. Вскоре он построил в Моздоке дом и перевез туда из Кизляра жену и детей.

Он участвует в делах горцев «во внутренних горах», а кроме того переводит в Кизляре письма из Грузии, Кахетии и Имеретии «от царей и князей», а также ответы с русского на грузинский.

Другие большие поселения сложились на Украине, где гусары получили земли.

В Новом Санжере жил поэт Павленишвили, автор «Вахтагиани», поэмы о Вахтаге VI, гусар, участник исхода Вахтага из Грузии. На Украине же находился и Джавахишвили, возможно тот самый, с которым в Москве состязался Гурамишвили. Сам Гурамишвили, подобно многим другим, вступил на русскую службу. Он стал рядовым гусарского полка, получил в Миргороде 20 и в Зубовке 10 дворов. Участвовал во всех походах после Хотина, получил чин вахмистра. В битве под Кюстрином попал в плен и был заточен в крепости Магдебург. В этой битве погибло и пропало без вести 46 грузин из состава Грузинского гусарского полка.

Будучи профессиональным военным, он высоко ценил силу русской армии:

Вызывает восхищенье войска русского уклад.
Каждый полк в особой форме, на один усгроен лад.
В поле, стройно маршируя, как один идет солдат.
Удивительно искусство их подкопов и осад.

В Грузии не было регулярного войска, и поэтому его восхищенье понятно.

Выйдя в отставку, он поселится на Украине, посвящая остаток жизни поэзии. В 1767 году он побывал в Полтаве, где принимал участие в разработке дворянского наказа, подписанного затем от имени полтавского и миргородского дворянского собрания секунд-майором Г. Чикваидзе, капитаном И. Ниниевым, Канчеловым, Одишелидзе и поручиком Давидом Гурамовым. В 1787 году, взяв с собой рукописи, он отправился в Кременчуг, где находилась ставка Г. А. Потемкина-Таврического, управлявшего Югом России. Здесь служил грузинский царевич

Мириан, командир одной из бригад. К нему и ехал Гурамишвили, чтобы передать свой поэтический труд «Давитиани», сохранить его для Грузии.

Мириан, как и многие грузинские вельможи своего времени, был образован, любил литературу и сам писал стихи. В Кременчуге и Елизаветграде он собрал вокруг себя писателей и поэтов. Среди них был и выдающийся грузинский поэт Бесики.

Мириан отвез драгоценную рукопись Гурамишвили в Петербург. Затем через Москву по Волге и Каспию доставил ее в Тбилиси, тем самым сохранил для Грузии бесценное наследие ее великого поэта!

Иначе сложилась в России жизнь Фомы (Тамаза) Бараташвили, тоже поэта, друга Гурамишвили. Тамаз владел русским и персидским языками, в связи с чем в 1747 году был назначен дипломатическим курьером.

Он получил чин поручика, а потом и капитана Грузинского гусарского полка. Находясь на русской службе, часто ездил в Грузию, именно в Картли, где некоторые могущественные феодалы затаили недовольство по поводу того, что кахетинский царь Теймураз II занял карталинский престол. Они поддерживали связь с потомками Вахтанга VI, Бакаром и Александром Бакаровичем, которые, по всей вероятности, использовали Тамаза Бараташвили для связи со своими сторонниками. Родной брат Тамаза Попуна жил тогда в Картли. В результате между Тамазом и Георгием Вахтанговичем, в свите которого он состоял, произошел разлад. Георгий Вахтангович заподозрил его в симпатиях к Теймуразу. Однако дело было, по-видимому, не в симпатиях, а в установке правительства на недопущение междоусобицы между Теймуразом и потомками Вахтанга.

Тамаз Бараташвили скончался в Москве в 1758 году, оставив небольшое поэтическое наследство. Гурамишвили заимствовал у него стихотворный размер, что и сам признает в одном из стихотворений, обращенных к нему.

Грузины на Украине поселились, в основном, в Черниговском наместничестве, в Миргороде и Кременчуге. Черниговский губернатор Милорадович упоминает в письме к брату о грузинах-черниговцах. Напоминает о них и название черниговского квартала «Кавказ». Один из Милорадовичей был женат на княжне С. Н. Манвелашвили.

В Чернигове жили Спиридон Семенович Джавахишвили, а в уездном городке Лохвице — Асихмованишвили. Два года провел в Кременчуге Бесики. В Миргородском и Полтавском полках числились, кроме уже упоминавшихся в связи с дворян-

ским наказом лиц, еще поручик Сологашвили, поручик Георгий Табатадзе, вахмистр Николай Тухарели. В 1784 году городничим в Миргороде был князь Александр Чхеидзе, уездным судьей — Татишвили.

Издавна грузины, спасаясь от турецкого плена, находили пристанище в Запорожье. В середине XVIII века здесь и вообще на Украине насчитывалось значительное количество грузин — беглых пленников. Это подтверждает и поездка Сергея Баратова.

Князь Сергей Баратов был направлен на Украину Военной коллегией. В рапорте к гетману Кириллу Разумовскому он пишет, что «прибыл для вербования грузинцев в Грузинский гусарский полк», и просит гетмана дать письмо во все казачьи полки на Украине и в Сечь, где грузины были записаны в различных куренях под кличками и прозвищами, как это было принято на Сечи: Иван Гуржий — от тюркского слова «гюрджи», — или просто Юра Грузин. Существовало село Грузиновка над рекой Паншевкой, где, кроме казаков, жили и грузины тяглые, то есть оседлые.

Запорожцы приняли участие в восстании Пугачева, за что правительство и решило «истребить кошевых казаков, как гнездо их севольства». Царские войска в 1775 году обманом заняли Сечь. Казачество было ликвидировано. В Манифесте Екатерины II указывалось, что само название запорожских казаков уничтожено навсегда. Грузины-запорожцы разделили судьбу всех казаков.

Наибольшее число грузин прибыло в Россию в 1725—1745 годах. Немало их осело в Астрахани и Казани.

В Казани, например, была Грузинская улица, ныне К. Маркса, которая выходила на знаменитое Арское поле, где сражался Иван Грозный и где был разбит Михельсоном Пугачев. На ней располагались Дворянское собрание, полицейская управа, ветеринарный институт, училище глухонемых и слепых, музыкальная школа. В доме Демидова помещался штаб командующего военным округом, в сохранившемся до наших дней доме Молостова — окружное военно-медицинское управление, управление путей сообщения и т. д. В далеком прошлом это была тихая и зеленая улица, без какого-либо торгового и просто уличного движения. В тенистых садах стояли осбняки. Один из памятников дворянской эпохи на улице — дом Бронникова.

На Грузинской улице находилась Грузинская церковь с престолом Грузинской богородицы. Она числилась в списке при-

ходских. Во время взятия Казани Пугачевым ее священники, в одних рубахах и босые, приготовившиеся к смерти, были на улицах с простым народом.

Генерал-поручик П. С. Потемкин, родственник всеильного князя Таврического, подписавший впоследствии от имени России Георгиевский трактат, прибыл из Москвы с отрядом в 400 человек пехоты и 200 конников-чужащей. При взятии Пугачевым Казани заперся в Кремле и, несмотря на артобстрел, не отдал его. Наутро подоспел Михельсон и вместе с Потемкиным отогнал Пугачеза.

Губернатором Казани был А. Вольтинский, тот самый петровский соратник, который стоял у истоков союза, заключенного Петром и Вахтангом VI, пытался вдохнуть в него новую жизнь при Анне Иоанновне и кончил жизнь на плахе во время «бириновщины», как борец против немецкого засилья.

В 1791 году казанским губернатором был С. М. Баратаев (Бараташвили). Он пригласил в Казань придворного актера Бобровского, который и «устроил» здесь театр примерно на том месте, где он находится и сейчас. Сначала для него было построено деревянное здание, позже каменное.

В университетской библиотеке Казани среди многих редких книг хранятся древние рукописные карты Грузии с планами городов, с видами и разъяснениями на грузинском языке. Они попали сюда из богатого собрания князя Потемкина-Таврического, положившего ей основание, вместе с обширной коллекцией Полянского, «известного своими путешествиями за границу» и перепиской с Вольтером.

Казань была культурным центром, ориентированным на Восток. В ее гимназии, основанной в 1758 году, преподавались татарский, монгольский, калмыцкий, турецкий, арабский, персидский, армянский и китайский языки, не говоря уже о двух древних и трех новых европейских.

По удобному волжскому пути сюда ежегодно приходили по несколько сот судов с разнообразными восточными товарами. Казанская ярмарка — до переноса ее в Макарьев — привлекала к себе купцов из далекой Персии, Армении, Аравии и Московии. Отсюда в Казани Армянские улицы и слобода. Из любопытных совпадений укажем на то, что в Казани, как и в Тбилиси, в 1851 году была открыта Итальянская опера.

«Известный князь Багратион», Федор Николаевич, внук царевича Симона, работал здесь землемером. Его «известность» заключалась прежде всего в том, что он, принадлежа к знатной фамилии, подобно И. Пущину и К. Рылеву, пошел в слу-

живую прослойку. Князь, царского рода и — землемер! Это вызвало удивление.

На берегу Камы, притока Волги, располагалась Рыбная слобода, вотчина Донауровых, один из которых был при Павле сенатором. Им же принадлежала деревня Донауровка неподалеку. Сейчас это большой районный центр с рядом заводов и фабрик.

Немало грузин жило и при монастырях, преимущественно в Московской и Нижегородской губерниях.

IV

После смерти Вахтаंगा VI главой грузинской эмиграции стал Бакар, генерал-лейтенант, управляющий Артиллерийской конторой Москвы. При наборе грузинских рот, при появлении в Москве грузинских пленных он давал о них сведения, дворяне ли они и выехали ли из Грузии с его отцом. И, конечно, давал пояснения по всем вопросам, касающимся Грузии. Бакар был фактическим руководителем всей грузинской эмиграции. С ним считались как с сыном Вахтаंगा VI, но он и сам дважды царствовал.

Одна из его больших заслуг — это возобновление в 1737 году совместно с Иосифом Самебели грузинской типографии в Москве.

Самебели, крупный деятель грузинской и русской церквей, был переведен в Москву настоятелем Знаменского монастыря из Новгорода, где он тоже был архиереем. Это был человек волевой, инициативный. Он сразу понял, как важно для разрозненных групп эмигрантов большое патриотическое дело. Им-то и стала типография. Помещалась она во дворце Бакара, во Всесвятском, поделенном после смерти Дареджан между царевичами Бакаром и Георгием. Все оборудование ее было приобретено на средства Самебели. Бакар и Самебели возглавляли ее, техническим же руководителем и практическим организатором был старший брат Давида Гурамишвили Христофор. Он и «типографщик», и «попечитель над печатниками», и редактор, и корректор.

В делах типографии, как переводчик с русского на грузинский, принимал участие и придворный священник царевны Дареджан Георгий. Могила его находится внутри Всесвятской церкви, о чем свидетельствует надпись с правой стороны у окна.

Христофор Гурамишвили издал русско-грузинскую азбуку, что с ростом и расширением связей имело, конечно, большое прикладное значение.

Еще в начале века царь Арчил в созданной им типографии в Москве собирался издать библию. Он умер, не сгержив этого дела. Царевич Вахушти продолжил его. Библия вышла в 1743 году, но без разрешения Синода, и типографию впредь до выяснения вопроса закрыли.

Разбор длился пять лет — с 1744 по 1749 год.

Самебели и Хр. Гурамишвили уехали в Кизляр с другими духовными лицами «на проповедь евангельскую к осетинам и горским народам». Мы знаем, что их вклад вместе с Мангелели в деятельность Осетинской комиссии был велик.

В 1744 году в типографии вышла последняя книга. В 1750 году умер Бакар, а вскоре и Иосиф Самебели. Типография в Москве была открыта вновь в 1762 году митрополитом Афанасием Амилахвари, жившим в Крестовоздвиженском монастыре. Просуществовала она восемь лет. После смерти Вахушти, не позднее 60-х годов, работа грузинской типографии, состоящей при его доме во Всесвятском, приостановилась. В дальнейшем она была перенесена в Москву. Историк Платон Иоселиани сообщает, что митрополит Амилахвари устроил типографию на Пресне. Он осуществлял за ней общее наблюдение, двоюродный же брат его Дм. Цицишвили сгержал грузинские тексты с русскими. Сам Афанасий Амилахвари служил в Архангельском соборе Кремля. Они с Цицишвили издавали грузинские богословские книги. Скончался он в 1779 году.

Жили грузины и при московском Знаменском монастыре. После Самебели там был архимандритом Николай Джапаридзе. Грузинские иерархи проживали также в кремлевском Чудовом монастыре.

Опытный политик, Бакар осуществлял руководство эмиграцией спокойно и деловито, в тесном контакте с русским правительством. Он понимал, что культурное сотрудничество с Россией имеет долговременную основу, и всячески поощрял его.

Но было одно обстоятельство, которое накладывало на все отношения русского правительства с Бакаром некоторый особый отпечаток.

После отъезда Вахтанга VI в Россию в Грузии оставалась его дочь — Тамара, супруга кахетинского царя Теймураза II. Карталинский трон, который должен был принадлежать потомкам Вахтанга, был свободен. Тамара стала добиваться его.

Ее сын, царевич Ираклий, будущий царь Ираклий II, приведший Грузию к союзу с Россией, был замечательный воин и неутомимый государственный деятель. Всю свою жизнь он провел на коне и в бою. Это была личность незаурядная, богато одаренная.

Родился он 7 ноября 1720 года в Телавском дворце. Воспитание его было простым: среди его друзей были и крестьянские мальчишки, с которыми он фехтовал, ходил на охоту, ловил рыбу и купался. Ираклий с юных лет принимал участие в деревенских праздниках. В народной песне о нем поется: «Он пил алгетские воды, он пасся на триалетских пастбищах», то есть подчеркивается его близость к простому люду.

С 16-ти лет участвуя в боях, он настолько прославил свое имя, что стал одним из любимцев персидского шаха Надира, который поручал ему многие опасные дела и всегда брал с собой в походы.

Сыграл Ираклий крупную роль и в походе на Индию. Завоевание Индии прославило имя Надира в Европе и укрепило его могущество.

Согласно Рештскому договору, в Грузии должны были править потомки Вахтанга. Их права на престол были бесспорны, что признавали и российские государи, и персы. В России Бакара и его детей именовали царевичами и царевнами, как бы определяя этим их политический статус. Но Вахтанг отказался от трона, не желая царствовать под эгидой персидского шаха, видя будущее Грузии лишь в союзе с Россией, и Бакар тоже стоял на этой позиции. Правда, Гурамишвили пишет, что «царь Вахтанг тянулся к русским, сын покорствовал Ирану», но это относилось лишь к тому времени, когда создавался союз с Петром. Потом уже Бакар думал иначе. Он последовал за отцом в Россию и полностью разделял его политическую платформу.

В этой ситуации шах назначил правительницей Картли дочь Вахтанга Тамару. Она же обязалась вызвать из России Бакара и управлять вместе с ним. Она вступила в управление в 1741 году, но Бакар отказался приехать. Когда в 1744 году Тамара скончалась, шах назначил Теймураза II царем Картли, а его сына Ираклия — Кахети.

Это было событием большой исторической важности: впервые за сто лет Картл-Кахети объединились в руках царей-христиан, отца и сына. Это давало возможность иной политики. Послы Картл-Кахети довели до сведения Елизаветы Петровны, что «в настоящее время уже нет господина над нами из неверных царей».

Народ восторженно встретил восстановление «картвелоба» — грузинского национального духа. Это означало конец процесса иранизации, который длился больше ста лет и зашел так далеко, что при воцарении Теймураза и Ираклия никто уже не помнил соответствующего церемониала.

Католикос Антоний I занялся его восстановлением. Актом коронации хотели произвести ободряющее воздействие на народ, отвыкший от подобных торжеств и видевший только магометанских правителей и чиновников, одетых в причудливые персидские костюмы, даром, что грузин родом, и кизилбашей, насилочавших, выкалывавших глаза и оскоплавших.

Ираклий энергично принялся за преобразовательскую деятельность, изгнал лезгин, укрепил границы, но, несмотря на это, недовольство среди карталинских феодалов не утихло. Оно объяснялось прежде всего тем, что персы всегда традиционно в целях ослабления центральной власти поддерживали их своевластие. К тому же, при фактически объединенном Каргл-Кахетинском царстве, управляемом отцом и сыном, их самостоятельность умалялась. Кроме того, персы, боясь усиления Грузии, подстрекали находившихся в России царевичей против Ираклия и Теймураза. Также и Турция постоянно поддерживала в Грузии междоусобицу.

Принципиальная позиция России заключалась в том, чтобы не допустить ее. Отсюда частые советы русской дипломатии прекратить феодальные раздоры. Но соперничество между кахетинскими и карталинскими Багратионами, несмотря на брак Теймураза и Тамары, не прекратилось. Карталинских царевичей в России поэтому удерживали от возвращения в свое отечество.

Мы помним, что Вахтанг дважды отказывался от предложенного персами трона лишь потому, что не мнил себе дальнейшего существования Грузии вне покровительства России, видя в Турции и Персии угрозу физическому существованию грузинского народа. Также и Бакар, в подтверждение позиции отца и своей, в прошлом не раз изложенной, не внял призыву сестры и в 1741 году не поехал в Грузию. Но в 1749 году позиция его изменилась. На это было несколько причин, в том числе и бегство из России царевича Пааты.

Царевич Паата был побочным сыном Вахтанга VI. Родился он примерно в 1722 году, а в 1725 вместе с семьей и свитой Вахтанга прибыл в Россию и здесь обучался в военной школе. Екатерина I положила семье Вахтанга содержание в 24 тысячи рублей в год. Анна Иоанновна после смерти Вахтанга сократила эту сумму до 12 750 рублей. Из них вдова Вахтанга, царица Русудан получала две с половиной тысячи, Бакар — две тысячи и генерал-лейтенантское жалованье, Вахушти — 1500, Георгий тоже 1500 и жалованье генерал-майора. Но Паате почему-то назначено было всего 300 рублей. Ему к тому

времени было уже 18—20 лет. В 1745 году он подал Елизавете Петровне челобитную, в которой, ссылаясь на малость этой суммы, а также на то, что в Грузии «правление имеет сестры мсей муж Теймураз», просил его, Паату, «и обретающихся при нем дворян и прочих служителей во отечество мое в Грузию отпустить».

Паату спросили, не хочет ли он поступить на службу?

Он ответил, что собрался ехать в Грузию из-за скудости содержания, а если ему дадут на службе приличное вознаграждение, то он готов остаться.

Ему устроили экзамен по артиллерии. Фельдмаршал Репнин в рапорте Сенату доносит, что царевич проявил знание теории, но практики не имел и потому дать ему можно только чин поручика, но таковой «вакансии свободной» сейчас нет. Все же отпускать его не хотели, чтоб своими знаниями артиллерии он не «послужил» персидским войскам. Его решили определить подполковником в пехотный полк. Однако, пока суть да дело, прошло почти два года. Тогда он обратился с новой челобитной, в которой указал, что в ожидании «милостивой резолюции» задолжал (3.000 рублей) и «заимодавцы», не пропуская почти ни одного дня, многолюдством приходя, своего требуют». Он, конечно, знал, что брату его Георгию в 1739 году дали из казны 4.000 рублей на уплату его долгов, а потом пожаловали богатое село Архангельское, перешедшее впоследствии к Шереметеву.

Паате не дали ни того, ни другого. Он получил лишь подполковничье жалованье с момента подачи челобитной, то есть за год и восемь месяцев. Тогда в январе 1749 года он тайно бежал из России в Грузию — через Пруссию, Польшу и Турцию.

В это время части русской армии, в том числе полки под командованием царевичей Афанасия и Георгия — его дяди и брата, стояли в Лифляндии и Курляндии.

Возможно, Паата хотел поступить на службу к Фридриху II, который охотно принимал русских беженцев, в частности взял к себе генерала Кейта, отпущенного из Москвы под честное слово, что он не будет воевать против русских. Но скорее всего все же хотел добраться до Грузии. Он написал царевичу Георгию — уже из Константинополя, что жалеет, что не попрощался с ним. «Хотел было повидаться с вами на Лубнах, но побоялся, чтоб не взяли меня под караул, ибо вы тогда с армией маршировали, а я в Лубнах находился и благодарю бога, что через вашу армию благополучно проехал».

Сенат по донесениям комендантов проследил его путь,

всюду пытаюсь его захватить, но приказы не поспевали. Паата ехал через Ригу, Митаву, Мемель. Сенат пришел к выводу, что из России его отпускать не следовало, что «по своему, хотя и небольшому в артиллерийской науке знанию, в персидской службе употреблен быть может». «Было бы полезнее, чтобы он, согласно его прошения, при его скудости был удовлетворен и тем в здешней службе навсегда остаться был поощрен».

Из Кенигсберга он послал письмо к прусскому королю, чтоб его величество к нему денег прислал, а он намерен ему поклон отдать и о разных вещах открыть. Подписался: грузинский царевич Павел. На это Паате от генерала Левальда в Кенигсберге было сказано, «чтобы он ехал, куда хочет, понеже он не в надежном месте находится».

Паата уехал в Варшаву, а оттуда через Каменец в Константинополь.

Русский резидент в Константинополе Неплюев донес в 1749 году:

«В конце августа беглый грузинец Паата появился в Константинополе... Он был у нерусалимских прокураторов и под клятвой объявил им, что он сын Вахтанга-царя и бежал из Петербурга с намерением в Грузии наследство принять и просил у них сто червонцев, только они ему в этом отказали. А потом он получил вспомоществование от персидских армян и поехал сухим путем через Эрзерум в Грузию».

В письме к царевичу Георгию Паата так объяснял свои поступки:

«Дай бог, чтобы народ всех наших грузинских земель так освободился, как я освободился от обманского министерства. Вы рассудите: в таком великом государстве такие большие министры такого человека, как я, ложным ответом четыре года промучили... И в таком государстве как можно человеку жить, если человек за человека себя не признает? А ведь мое требование, как вам известно, скромное было».

Письмо Пааты Георгий представил вице-канцлеру Воронцову, в архиве которого оно и сохранилось.

Почему он так поступил? Не потому ли, что ему было известно — или он подозревал, что целью побега Пааты было занятие престола; на который он, Георгий, имел преимущественные права? Нет! Бакар, его вдова Анна Георгиевна и Георгий всегда представляли русскому правительству письма из Грузии именно потому, что оно — правительство — не хотело допустить до кровавой борьбы между двумя линиями Багратионов. Ознакомление со своей перепиской было актом лояльности, который русские ценили.

Правительство действительно было настороже.

Когда в 1748 году Бакар без всякой видимой причины попросил «отпуск в свое отечество», Елизавета Петровна приказала установить за ним секретное наблюдение. Однако «предосудительных поступков» у Бакара не обнаружили. Сенат хоть и разрешил ему отъезд «для получения своего владения», но все же попытался повлиять на него угрозой отъема его имений и, наоборот, обещанием новых милостей в случае отказа от поездки. Бакар был вызван в Сенат и предупрежден о том, что, в случае отбытия его в Грузию, у него будет отобрано недвижимое его имущество — 3 волости с 3-мя тысячами душ. Бакар поехал, и имения его по указу императрицы были конфискованы.

Бакар умер в дороге, не успев доехать до Грузии.

Первоначально он был похоронен в Даниловском монастыре, и лишь потом его прах перенесли в Донской.

Имения были возвращены вдове и детям.

Тем временем Паата прибыл в Грузию и поначалу был тепло встречен в ней, в частности и потому, что был артиллеристом. Католикос Антоний I, позднее архиепископ Владимирский, считал его блестящим математиком. Однако он вскоре проявил своеволие. Подстрекаемый оппозиционерами, отверг приглашение принять участие в походе на Гянджу, то есть отказал в использовании своих артиллерийских познаний, за что был выслан в Кизики. Оттуда в 1754 году при содействии кизикского моурава Тамаза Андроникашвили и его брата алавердского епископа Николоза бежал в Имеретию, где примкнул к Левану Абашидзе, сопернику Соломона I, тоже оппозиционеру.

Ираклий II простил его. «Умиротворенный принц» вернулся в Тбилиси, где получил должность военного советника, а потом — тбилисского моурава.

Дальнейшая судьба Пааты ужасна. В 1765 году он встал во главе реакционного заговора картлийских феодалов, которые предложили ему корону. Вместе с сообщниками был арестован. Духовенство и знать судили заговорщиков и постановили: Паате, царевичу Давиду и его сыну — отрубить головы, Дм. Амилахвари — обесчестить, посадив на осла, его сыну Александру — отрезать нос. Глахе Цицишвили — язык, Диасамидзе — указательный палец и выколоть глаза. Элизбара Тактакишвили сожгли на костре. Ираклий будто бы хотел смягчить приговор, но, находясь за пределами Тбилиси, не успел. «С тех пор, говорят, голова у царя стала трястись», — пишет современник иностранец Леон.

Умирая, Бакар взял со своего сына Александра клятву,

что он добьется грузинского престола, вернет своему дому Карталинское царство.

После смерти Бакара главенство над грузинской эмиграцией перешло к его сыну Александру Бакаровичу.

Сыновья Бакара, Александр и Леван, учились в гимназии Московского университета. Учились с отличием, были зачислены в студенты, но университетского курса не прошли, а поступили в лейб-гвардии Измайловский полк.

Леван умер в звании секунд-майора этого полка в 1763 году. Ему было всего тридцать пять лет.

Александр продолжал службу. В Петербурге, на Миллионной, у Красного моста у него был дом. Он стоял возле «цесаревнина» дворца Елизаветы Петровны, то есть дворца, в котором она жила до восшествия на престол. Он находился на Царицыном лугу, где сейчас Летний сад и Марсово поле.

Александр был близок к Елизавете. Помимо того, что он принадлежал к семье, которую ее отец, Петр I, вызвал в Россию, Елизавета окружала себя блестящей молодежью из гвардейских полков.

Но было еще что-то. Елизавета была старше царевича на 15 лет, но все же говорили, что Варвара Мироновна Назарьева, жившая в городе Пучеже на Волге, была их дочерью. Император Павел и его жена Мария Федоровна богато ее одаривали. Георгий Александрович, сын Александра Бакаровича, посещал ее в Пучеже и распоряжался на ее похоронах. Об этом рассказали в своих мемуарах А. А. Васильчиков и П. И. Долгорукий, повторяя слухи, которые в то время и потом упорно ходили в обществе.

Как бы там ни было, Елизавета была благосклонна к Александру, что выразилось, в частности, и в том, что она по его просьбе пожаловала опальному католику Грузии Антонию I Владимирскую епархию.

В 1748 году она послала Александра в Рейнский поход, в котором Россия впервые активно проявила себя в Европе. Русские войска, явсья на Рейн и не вступив ни в одно сражение, самим фактом своего появления в центре Европы способствовали заключению Аахенского мира.

Корпусом командовал В. А. Репнин. В походе принимали участие Н. В. Репнин, П. А. Румянцев, З. Г. Чернышев — будущие фельдмаршалы, а тогда еще юноши. Александр в походе завязал дружбу с теми, кто потом занял выдающееся положение в царствование Екатерины II. Перед ним открывалось блестящее будущее.

Елизавета заботилась не только о его служебных делах. По ее желанию он был наречен женихом графини Гендриковой, ее двоюродной сестры. Этот брак по каким-то причинам не состоялся, и Александр женился на Дарье Александровне Меншиковой, внучке петровского сподвижника. Некто Григорий Хмельницкий посвятил этому событию оду «Принцу Александру Грузинскому и княжне Д. А. Меншиковой в день их бракосочетания ноября 11 дня 1761 года».

Это была блестящая партия, тем более, что этого брака желала сама императрица.

Неугомонный, деятельный, он представлял собой яркую фигуру грузинского феодала XVIII века со всеми его положительными и отрицательными чертами. Страстный, «сумасшедший», по выражению Ираклия II, смущавший, по его же словам, «народ по невежеству», он никак не втискивался в рамки обыденности. Его непоседливая натура искала себе выхода все в новых и новых затеях. То он занялся делами раскольников, бежавших в свое время от преследований в Польшу и желавших теперь поселиться в степи «между Доном, Теркой, Кубанью», то посредничал между казаками-некрасовцами, скрывавшимися в Турции после разгрома Булавинского восстания, и правительством в передаче послания казаков, просивших о возвращении на родину. Связан он был также с гребенскими казаками, которые навещали его дом при посещениях Москвы, а также переписывались с ним.

В 1760 году он был назначен членом комитета по следствию над генерал-поручиком Хорватом, организатором переселения сербов в Новую Сербию (позже Новороссийская губерния). Хорвата обвинили в злоупотреблениях. Следствие было поручено генералам М. Мельгунову, И. Ф. Глебову, В. Нарышкину и «лейб-гвардии капитану князю Александру Грузинскому». Назначение в комиссию было лестным — по количеству состоящих в ней генералов, — но все же это было скорее удалением из столицы. По-видимому, это включение в комиссию было как-то связано с проездом через Москву царя Теймураза II. Правительство не желало их встречи или, во всяком случае, хотело избежать ее.

Елизавета скончалась.

На престол вступил Петр III.

Он был в конфликтных отношениях с женой, будущей императрицей Екатериной II. При дворе сложилась напряженная ситуация. По свидетельству историка Буткова, Александр склонялся на сторону Петра.

Перед коронацией Екатерины в старую столицу был послан

тесть Александра А. А. Меншиков для объявления манифеста. Текст его был вручен для обнародования обер-прокурору Москвы князю Амилахвари.

Коронация состоялась 23 октября 1762 года. Придворные чины, среди которых были и князья Грузинские, принесли поздравления.

Но в год воцарения Александр ничем не был награжден, а брат его Леван уволен в отставку.

А. Г. Разумовский, морганатический муж Елизаветы, сумел вовремя уничтожить документы, касавшиеся его брака с дочерью Петра. Его брат Кирилл подал в отставку. Попал в немилость Воронцов, воспротивившийся перевороту и с оружием в руках выступивший за Петра III. Не избежал общей участи и Александр Бакарович.

И это вполне понятно. Люди, близкие к Елизавете и ее племяннику Петру III, осыпанные их милостями, были нежелательны новой императрице. Бутков прав: «Привязанность его к покойному императору и беспокойный нрав привели его на замечание правительства».

Александр был заподозрен в каких-то намерениях против императрицы вместе с братьями Хитрово (они умышляли против братьев Орловых). С 28 июня 1762 года, дня провозглашения Екатерины императрицей, до июля 1763 было раскрыто несколько заговоров, целью которых являлось возведение на престол юного Павла при регентстве Екатерины или Н. И. Панина. Примерно тогда же поручик Мирович сделал попытку освободить из Шлиссельбурга свергнутого Елизаветой законного императора Ивана Антоновича с целью возвести его на престол. Был причастен к этой попытке и Семен Чефаридзе (Джапаридзе), лишенный чинов и сосланный «в отдаленный полк в солдаты». Екатерина назвала эту попытку «шлиссельбургскою нелепой» и «богомерзким предприятием». Эти антиекатерининские действия не могли не насторожить ее уже хотя бы потому, что они исходили от гвардии.

Во всяком случае, императрица не желала приезда Александра Бакаровича в Петербург и предложила генерал-губернатору Москвы фельдмаршалу Салтыкову задерживать его там. Она подозревала его в недобросовестности, злоупотреблениях и даже в том, что он подкуплен Хорватом. Вскоре Александр оказался под следствием по доносу. Следствие вел все тот же Салтыков.

В Новороссийском крае стояло много гусарских полков, в которых служили и грузины, выходцы из разных мест. Предполагая тайно уйти в Грузию, Александр Бакарович выдал не-

кoему Сен-Жану, офицеру, «патент» на наем людей на его службу из этих полков. Сен-Жан донес на него и выдал все предприятие. Александр был вызван в Москву по указу императрицы якобы из-за его «домашних нужд». На допросе в комиссии Салтыкова он держал себя высокомерно и показал, что «в защите правды хоть и до смерти отступать не намерен».

В феврале 1764 года последовал новый указ Екатерины: «Донсчика де Сен-Жана выслать с семьей за границу». Князь же Грузинский, писала императрица, отважился «без позволения» тайно подговаривать и принимать «в партикулярную службу свою сверстников, обольщая их мечтой надежды в своих суетных предприятиях». Ради заслуг предков императрица простила его с условием «или ехать в Грузию и искать там счастья своего», или жить «в России в своих деревнях, заранее известив, в какой деревне будет жить». Собственноручно Екатериной приписано: «Не ближе 100 верст от Москвы».

«В первом случае, когда он прямое возымеет намерение стараться о доставлении себе Грузинского царства, а потом и о распространении власти своей в Персии, в чем мы ему большего желаем успеха, нежели в своих предприятиях Теодор, король корсиканский, имел, охотно соизволяем мы отправить его туда под присмотром до границы одного офицера».

Упоминаемый здесь Теодор — корсиканский феодал, поднявший в 30-е годы XVIII века на Корсике мятеж против Генуи. Он был провозглашен королем, но почти тотчас же свергнут и принужден бежать с острова.

В рескрипте содержалось предупреждение о том, чтобы жена Александра — Дарья Меншикова, «яко наша природная благородной и знатной фамилии, не была приневолена ехать с ним, а осталась в России».

Разрешение на отъезд давалось вопреки принципиальной установке русского правительства не допускать в Грузии междоусобицы между Ираклием и потомками Вахтанга VI потому, что в 60-е годы между Ираклием и русским правительством не все было гладко. Причина заключалась в непризнании Ираклия царем, поскольку, согласно § 8 Рештского договора с Персией, на карталинском троне должны были находиться потомки Вахтанга VI.

Именно для устранения возникших неудовольствий в 1760 году в Россию на переговоры отправился царь Теймураз II. В составе его посольства было 73 человека.

Пока он в Кизляре, а потом в Астрахани ждал разрешения на проезд, вперед выехал его дворянин Тусишвили с письмами

Теймураза к царевне Анне Георгиевне (вдове Бакара), царевичам Левану и Александру Бакаровичу и Георгию (Егору) Амилахвари.

Сам Теймураз вез письма Ираклия к ним же.

Письмо Ираклия к Александру Бакаровичу было любезным. Он извещал в нем о поездке отца, передавал поклоны. Вообще же Теймураз и Ираклий относились к семье Вахтанга с большой осторожностью. Во-первых, они были родственниками. Мать Ираклия Тамара приходилась Левану и Александру родной теткой, сам же Ираклий — двоюродным братом. А вторых, и между потомками Вахтанга наметилось размежевание. Часть из них понимала, что положение Теймураза и Ираклия в Картли прочно, а русское правительство не намерено вмешиваться в дела престолонаследия. Они примирились со своей судьбой и встретили Теймураза в Москве как родственника. Александр же дал отцу клятву и, как мы знаем, не оставлял мысли воцариться в Грузии. Письмо Ираклия он представил канцлеру Воронцову. Письма Ираклия и Теймураза к матери Александра, Анне Георгиевне, были ею самою в копиях тоже переданы М. Воронцову.

Тусишвили вез в Москву и письмо Папуны Габашвили, верного слуги Александра, который ехал в Грузию, в дороге встретился с Теймуразом и взял его с собой в Кизляр.

Габашвили писал Александру Бакаровичу, конечно, со слов Теймураза, что Ираклий и Теймураз решили возвести Александра Бакаровича на карталинский престол, если Александр захочет этого и императрица Екатерина согласится. В этом случае Теймураз увезет Александра с собой. Очевидная цель этого письма заключалась в том, чтобы ввести претендента в заблуждение и ослабить возможное противодействие миссии Теймураза.

Наконец они двинулись из Кизляра. В Астрахани Теймураза встретили вице-губернатор и штабс-офицеры, которые сопровождали его до назначенной резиденции. Теймураз посетил богослужение в кафедральном соборе, в котором ему было суждено найти вечное успокоение на обратном пути.

На полигоне ему показали мастерство русских артиллеристов.

В это время в Астрахани разведкой руководил князь Отар Туманов из числа грузин, переселившихся с Вахтангом. В его обязанности входило следить за приезжими из-за границы. Туманов пытался выведать у Теймураза цели его приезда, но тщетно: его запутали.

В Астрахани Теймураз пробыл три месяца, и наконец через

Тамбов, Козлов, Переяслав-Рязанский и Коломну прибыл в подмосковное Карачарово. Сюда за ним в дворцовой карете приехал Егор Амилахвари. После сладкого стола в доме купца Земскова поехали в Москву.

За каретой царя следовали верхом 16 грузинских дворян, за ними в 4-х санях грузинские князья, а затем остальная свита.

В городе и у Бакара на Воздвиженке, где должно было остановиться посольство, был выстроен почетный караул.

В Москве Теймуразу была оказана теплая встреча. Высшие сановники во главе с вице-губернатором Жеребцовым нанесли ему визит. Посетили его также московские купцы. Внимательны были и грузинские царевичи — генерал-лейтенант Георгий Вахтангович и комендант Москвы генерал-поручик Афанасий Багратион. С ними установились хорошие отношения. Вспоминали и отца Теймураза — Ираклия I, жившего долго в Москве.

Александра Бакаровича и губернатора Салтыкова в эти дни в Москве не было.

Колонисты, или эмигранты-грузины, жившие в России, условно делились на три группы: первая, которой руководил Александр Бакарович, боролась за картлийский престол. Она не пользовалась поддержкой русского двора. Вторая, получившая земли и крепостных, окончательно связала себя с Россией. И, наконец, еще одна; патриотически настроенная, она мечтала о возвращении на родину и поддерживала Теймураза и Ираклия.

После двухнедельного пребывания в старой столице Теймураз выехал в Петербург. До Всесвятского Теймураза, помимо официальных лиц, провожали Георгий Вахтангович и грузинские князья, жившие в Москве. В Петербурге для царя и его миссии был нанят дом. Елизавета утвердила специальный церемониал встречи. Она приказала принять Теймураза II со всеми почестями, подобно тому, как Екатерина I принимала Вахтанга VI.

В воскресенье 8 апреля 1761 года председатель статеконторы князь Амилахвари в придворном экипаже, с тремя дворцовыми каретами цугом отправился за Теймуразом пригласить его на аудиенцию к императрице, которая приняла его стоя и дала поцеловать руку. После речей Теймуразу были представлены наследник престола Петр Федорович и его жена великая княгиня Екатерина Алексеевна, будущая Екатерина II. Затем по распоряжению государыни в резиденции Теймураза был устроен обед, на котором прислуживала придворная прислуга.

15 апреля, в день пасхи, ему было отведено в церкви особое место, неподалеку от императрицы. 21 апреля, в день рож-

дення наследника престола, он также был при дворе. Он посещал придворные спектакли в Петергофе и бывал в других местах.

Начались переговоры с канцлером М. Воронцовым.

Теймураз просил военной и финансовой помощи для обороны Грузии от нападений из Дагестана и для похода на Иран. Но в Петербурге избегали обострения отношений с Турцией и Персией.

В конце переговоров Теймураз спросил канцлера: «Коим образом выехавшие из Грузии в Россию владельцы, будучи в магометанском законе, здесь, в России, титулованием царей почтены (имелся в виду Вахтанг VI), а он, христианской веры и будучи помазан, того титула не удостоен?»

Действительно, претенденты на престол, внуки Вахтанга, жившие в России, Леван и Александр официально именовались царевичами, а царь Картли Теймураз назывался «владельцем».

Канцлер ответил: «В прежнее время ошибкой переводчиков выехавшие из Грузии владельцы царями именовались, а его светлость себе за унижение принять не может, потому что прежние ошибки примером служить не могут... К тому же здесь небезызвестно, что и персияне грузинских владельцев «вали», то есть владельцами, называют».

Дело было, конечно, не в самолюбии Теймураза. В глазах грузинских князей наименование царя «владельцем» означало, что Россия не признает Теймураза царем. По его настоятельной просьбе канцлер обещал довести вопрос до сведения императрицы.

Переговоры тянулись восемь месяцев. Российское правительство не хотело отпускать Теймураза ни с чем и в то же время ждало улучшения отношений с рядом ближневосточных стран. В течение этих восьми месяцев он общался с петербургской знатью. Не прекращал и творчества. Одним из первых в грузинской поэзии воспел русскую красавицу — Варвару Александровну Бутурлину, блиставшую на петербургских балах.

Внезапная смерть Елизаветы сразила и его. Истомившийся в ожидании конца переговоров, он не вынес их непредвиденного финала и умер 8 января 1762 года, через две недели после императрицы.

Было принято решение: «Оставшуюся после смерти царя свиту отправить в их отечество, а при сем отпуске сделать обнадеживание сыну сего владельца принцу Ираклию о высочайшей императорского веча протекции к нему и к народу его и в знак того послать к нему соболей, парчей, бархатов, га-

лунов золотых, серебряных и разных шелковых матерей на 5.000 рублей да деньгами 5.000 рублей».

Возвращались с одним только обещанием, а помощи никакой, если не считать, конечно, галунов и «шелковых матерей».

Перед самым отъездом свиты был составлен новый реестр подарков Ираклию, а сам он назван в нем царем. Это явилось первым официальным признанием Ираклия царем Картли и Кахети.

Посольство выехало не полностью. По собственному желанию остался в России архиепископ Руставский и Марткопский Иоанн. Перешел в русскую службу Пицхелауров, знаток горских языков. Цицишвили задержался, чтобы выплатить долги, и догнал посольство в Казани.

В Москве посольство остановилось в доме каптенармуса Михаила Дударева за Москвой-рекой. 19 апреля прибыло в Казань, где до 26 ждало вскрытия льда.

Еще в Москве, узнав, что им ехать до Казани, а оттуда следовать до Астрахани «водой в жаркое время», просили разрешения похоронить Теймураза в Астрахани, рядом с Вахтангом, на что получили разрешение.

4 июня прах Теймураза в Успенском кафедральном соборе, в котором он еще так недавно был на могиле Вахтанга VI, «по отправлении литургии при губернаторе и прочих штаб и обер-офицерах и при множестве народа погребен со звоном».

В этом был свой расчет. Соседство могил двух царей указывало на равенство их и снимало вопрос о законности пребывания Теймураза на троне Картли.

Узнав о смерти Теймураза и о трудностях, которые сопровождали переговоры, Александр Бакарович с удвоенной силой стал рваться в Грузию.

В 1764 году он собирался добраться до нее через Европу, где надеялся найти помощь (у кого?), но не получил разрешения. Жил он в это время в своей деревне Карапчево Коломенского уезда в 103-х верстах от Москвы. Он дал расписку «никоим образом» не отлучаться из поместья без разрешения губернатора. За ним был установлен «присмотр» из пяти караульщиков с повелением обходиться «учтиво и ласково».

Интересен в это время приезд в Россию еще одного претендента на карталинский престол, тоже Александра Багратиона, но Иесеевича. В челобитной на разрешение жить в России он, в частности, пишет: «Понеже нынешние в Грузии владетели, сами ведая, что они владеют не по справедливости и что со вре-

менем то владение ближние получают и потому оное владение, себе не проща, в совершенное разорение приводят».

Не зная русского языка, он поселился в Кизляре, где стоял «грузинский гарнизон», именно Грузинский гусарский полк, в который вступил его сын. Пребывание в России еще одного претендента не могло устраивать Ираклия, но он пошел на это для создания противовеса Александру Бакаровичу.

3 марта 1766 года генерал-губернатор Салтыков известил Екатерину II о неожиданном отъезде Александра Бакаровича: «Сего марта 1 числа Александр Грузинский не имеется, а когда, куда и где девался, неизвестно». Не знали, где находится царевич, даже его мать, Анна Георгиевна.

Императрица писала Салтыкову: «Мы ко всем губернаторам о его поимке писали, а что касается до Москвы, то оставляем его в сыске на ваше попечение».

Александр Бакарович объявился сам. Он показал, что ездил якобы в свою деревню Терюшевской волости за оброком, который не хотели платить крестьяне. То же самое показал его камердинер.

Салтыков усомнился. Можно ли за два дня съездить в Нижегородскую губернию, усмирить крестьян и возвратиться?

Посланный в Терюши доложил, что князь туда не приезжал.

«Собрать неоспоримую правду, куда он отлучился и зачем?» — велела Екатерина.

Допросы дворовых раскрыли правду.

Выяснилось, что адъютант Бутырского полка князь Тевкелев, родственник князей Грузинских по жене одного из них, Левана Левановича, Татищев, вознамерился подготовить побег Александра в Грузию. В условленный день Александр Бакарович ждал его в 15-ти верстах от Москвы. Однако Тевкелев опоздал. Разгневанный Александр умчался обратно, а Тевкелев напрасно прождал его всю ночь в трактире на московской дороге.

Александр Бакарович признался в попытке побега в Грузию, «чтобы принять ему наследство своего отечества», чего якобы желает грузинский народ. «Грузинские князья Ираклия не коронуют», — утверждал он.

Он просил прощения, но в то же время настаивал, чтобы его отпустили в Грузию. Видимо, его и в самом деле туда звали. Сам он, очевидно, зная о заговоре Пааты, опасался воцарения соперника.

Разрешение неожиданно было дано. «Несходные с породою

и чином» поступки прощены. На дорогу выданы 1.000 рублей в счет оброка с деревень. Воинское звание и мундир отобраны.

Княгиня-мать отправилась в Петербург умолять Екатерину не отпускать сына.

Однако князь стал медлить сам.

В Грузии был раскрыт заговор Пааты, шли казни. Связан ли был с ним Александр, знал ли о готовящемся выступлении? Как бы там ни было, раскрытие заговора делало его появление несвоевременным. Но российское правительство не отменило своего решения. Ему напомнили о необходимости ехать. Затем из Петербурга пришел повторный указ императрицы: «не отлагая далее времени» отправляться.

Русские офицеры сопроводили его до границы, сняли эполеты и отпустили «на все четыре стороны».

Александр намеревался искать поддержки в Персии у Керим-хана.

В это время у России с Турцией возникла напряженность на почве польского вопроса. Отношения между Турцией и Грузией тоже были нарушены. России же была нужна спокойная Персия. Все вместе взятое, по предположению историка Н. Тарсайдзе, не исключает того, что Александр мог быть направлен к Керим-хану с тайным дипломатическим поручением. Обладая титулом, знанием языков и кое-какими связями, восходящими еще к его отцу и деду (сам он родился в России в 1726-27 гг.), он вполне подходил для этой роли. Во всяком случае, императрица избавлялась от нежелательного для нее человека, используя его в то же время за пределами России в своих интересах. Высылка же была, возможно, для отвода глаз. В инструкциях Екатерины Салтыкову, касающихся Александра Бажаровича, есть таинственная фраза: «В первом случае, когда он прямое возымеет намерение стараться о доставлении себе Грузинского царства, а потом и о распространении власти своей в Персии...» В Персии? Значит, были какие-то планы, связанные с Персией? Случайно такую фразу Екатерина написать не могла.

Однако вся эта гипотеза, конечно, нуждается в доказательствах.

24 июля 1766 года в сопровождении четырех слуг-грузин Александр за Моздоком перешел границу. В Кабарде, Кубе и Тарках мусульманские правители принимали его с распростертыми объятиями. Омрачали поездку лишь встречи с пленными грузинами, которых было много.

Из странствий этих ничего не вышло. Генерал-майор Потапов, кизлярский комендант, имел сведения об Александре

Бакаровиче: князья и дворяне хотят его царем в Грузии, купечество же и простой народ столь же «беспрерывно» желают Ираклия. А. В. Суворов, готовя в Астрахани поход и изучая обстановку в Закавказье, тоже немало знал о нем. Из его донесений русское правительство получило сведения о появлении Александра у имеретинского царя Соломона.

Князь Г. А. Потемкин-Таврический писал графу П. С. Потемкину:

«...царь Ираклий подсылает сюда людей своих, конечно, для того, чтобы узнать о царевиче Александре, которого и ты не должен допускать делать успехи, а если бы царь Ираклий его поймал и запер, еще бы всего лучше было».

Объективно говоря, в Грузии в то время был застой, «стагнация», вызванная междоусобицами и социальными противоречиями. Поэтому Ираклий, хотя и приобрел большую популярность, недоволен был своим положением. Оппозиция против него росла, и его прогрессивные устремления не находили опоры, хотя, как законный наследник, он после смерти Теймураза и объединил оба царства.

Между тем положение страны было тяжелое. Крестьяне бежали в Кизляр, Моздок, в леса на разбой и даже в Турцию, спасаясь от набегов и феодальных порядков, рассчитывая на то, что в силу законов Вахтанга VI хозяин через тридцать лет после побега терял право на беглеца. Даже плен они предпочитали крепостничеству, хотя Ираклий старался смягчить положения кодекса Вахтанга.

Француз Шарден, посетивший Тбилиси в 1671 году, за столет до описываемых событий, был восхищен его общественными зданиями, базарами, лавками, красивыми жилыми домами. В 1771 году приехавший из России академик Гюльденштедт обнаружил уже больше одноэтажных домов, крытых черепицей, мазанных известью. Площади и улицы показались ему чрезмерно грязными, чем он справедливо и объяснял распространение чумы. Население Тбилиси составляло всего лишь 20.000 человек.

Путешественник Рейнеггс пишет о Картли:

«Эта страна уже не представляет ту иберийскую низменность, где Страбон видел значительные города, замечательные каменные общественные здания, даже форумы, где имелось все, что человеку нужно для приятной жизни. Татары и дагестанцы настолько разгромили эту благословенную страну, что превратили ее в страшную пустыню, люди зарылись в землянки и ищут только спокойствия, но не находят его, так как страшный лезгин нападает на них и в этой могиле».

Теймураз пытается создать регулярное войско хотя бы в

тысячу человек, но даже его не смог содержать. Об этом же мечтал и Ираклий на протяжении всей своей жизни. Но при феодальном укладе регулярное войско было немислимо.

Царевич Иоанн, внук Ираклия, считал, что картл-кахетинское царство более всего страдало от отсутствия правосудия.

В городском управлении было много злоупотреблений. Судья с каждого разбираемого дела получал десятину. Каждый уезжавший из Тбилиси обязан был поднести ему подарок. Городская стража тоже вручала ему десятую часть всех штрафов.

Провинциальные города находились в еще худшем положении. Телави, например, вообще не имел гражданской администрации, а ведь это была столица Кახетии.

Примерно к этому времени (1768) относится посещение Тбилиси аббатом Делапортом. Он не обратил внимания на «стагнацию», зато заметил другое: «Ничего нет прелестнее здешних женщин. Я не мог смотреть на них без удивления. Это-то землю можно назвать обиталищем красоты. Здесь так же редко можно встретить некрасивую женщину, как в других краях совершенную красавицу. На всяком почти шагу они попадают. Трудно себе представить черты порядочнее, стан ровнее, большей приятности в выступке, с какими являются грузинки. Говорят, что красота грузинских женщин воспрепятствовала Магомету прийти сюда. Эти прекрасные грузинки, по-видимому, считают себя для того только созданными, чтобы влюбляться и заражать любовью других. Нельзя смотреть на них, не почувствовав страсти».

Переводчик Делапорта при этом недовольно замечает: «В мнении Делапорта о Тифлисе в особенности бросается в глаза его слишком восторженное отношение к грузинским женщинам, что может быть следует приписать тому, что он аббат».

Проехав мусульманских владетелей, Александр Бакарович направился в Персию. Но здесь его не поддержали. Правление Керим-хана было спокойным для Грузии. По-видимому, и он не желал новых смут.

Александр некоторое время пожил в Ширазе, затем попытался вернуться в Россию, но не смог добиться разрешения.

Тогда он отправился в Ахалцах, к туркам. Те согласились поддержать его, но прежде потребовали согласия карталинских князей. Князья дали такое согласие. В августе 1782 года Александр с лезгинскими отрядами явился в Гори. Встреча была торжественная. Особенно приветствовали его князья Амилахвари. Царевич вошел также в сношение с католиком Антонием I, сыном Иесе, племянником Вахтанга VI. Душой загово-

ра был Заал Орбелиани, ездивший в 1771 году в Петербург с турецкими трофеями Ираклия.

Неожиданно в Гори явился Ираклий. Александр успел бежать, но остальные мятежники были схвачены.

Ираклий понял, что катастрофа Вахтанга 60 лет назад была вызвана не ошибочной стратегией, а позицией реакционных картлийских феодалов. Это они питали смуты. В свое время именно такая их позиция обусловила этот этап грузино-иранских отношений, который условно может быть назван «периодом мусульманских царей».

Шахи содействовали князьям в ослаблении царя, поэтому политика Ираклия была направлена против крупных феодалов, что и вызывало ожесточенную реакцию этих последних. Вследствие всего этого карталинские князья не переставали мечтать о царе из рода Вахтанга.

Когда Теймураз II отправился на переговоры в Россию, он оставил Абдуллу-бека, сына Иесе, на время своего отсутствия правителем Картли. Абдулла-бек поднял мятеж, и князья поддержали его. Только энергичные действия Ираклия, который стремительно разбил его, восстановили положение. Между прочим, против Абдуллы выступил его родной брат, католикос Антоний.

«Грузия растерзана внутренними врагами», — писал Г. А. Потемкину Гарсеван Чавчавадзе. В первых рядах их стояли картлийские князья-феодалы. Александр Грузинский играл им на руку.

Имеретинский царь Соломон, будучи в неладах с Ираклием, послал за Александром поэта Бесики. Из Имерети Александр не сумел перейти обратно в Картли и по рачинской дороге пробрался в Дагестан. Владетель Дербента Фатали-хан и таркский шамхал вначале обещали ему помочь, сообщив, однако, Екатерине о его прибытии с целью выяснить ее позицию. Писал ей и Ираклий, по ходатайству которого русское правительство потребовало выдачи Александра. Потемкин послал для этого в Дербент майора Комаровского. Шамхал отвечал вначале, что выдача «кунака» противоречит дагестанским обычаям. Но 500 червонцев и золотая табакерка устранили это препятствие.

Александр был отправлен в Смоленск, а его ближайший сподвижник Амилахвари — в Выборгскую крепость.

Не только современные историки, но и исследователи прошлого века прекрасно понимали антипатриотическую сущность его действий: «Князь Александр вздумал отбить у Ираклия корону, для чего обратился к содействию Персии, обещая ей под-

данство Карталинии. Но Керим умер, и планы эти отставлены. Александр нашел нового союзника в лице Соломона и некоторых картлийских князей. Он делал вместе с лезгинами набеги, стараясь произвести в областях Грузии замешательства и смещения. Для защиты от них Ираклий вынужден был нанять дагестанцев, которые сами грабили и убивали и стоили больших денег.

Сподвижник Александра, тоже Александр, Амилахвари был участником еще заговора царевича Пааты, за что и поплатился носом. Он был интересной личностью, автором довольно известной в прошлом веке «Георгианской истории», написанной на русском языке и посвященной Г. А. Потемкину. Соломону I Амилахвари преподнес политический трактат «Мудрец Востока».

«Люди рождаются равными, и один не лучше и не хуже другого, а все являются членами одного общего тела». «Каким счастливым и желанным является царь, который осуществляет свою власть не безгранично, а признает равными себе людей, устроивших ему эту власть, и который поступает, как их старший собрат, а не как честолюбивый властелин».

Амилахвари доказывал безнравственность смертной казни, высказывал мысли о высоком значении науки, характерные для передовых мыслителей XVIII века. Однако деятельность его, как и Александра Бакаровича, была глубоко реакционна, так как опиралась на турок и дагестанских ханов — врагов грузинского народа.

Амилахвари был выпущен из Выборгской крепости лишь 15 марта 1801 года в числе других политических узников.

Александр Бакарович находился в Смоленске. При определении его туда на жительство в 1784 году исходили, по-видимому, из желания удалить его и от Москвы, и от южной границы. Генерал-губернатором там в это время был его старый знакомый по Рейнскому походу Н. В. Репнин. Тем не менее в доме у него жил караульный офицер, и в церковь он ходил тоже под караулом. Переписка с ним была запрещена, сношения тоже. Одиночество стало его уделом.

Екатерина заплатила его долги, сохранив «сей дом от гибели и разорения». Два сына и дочь остались владельцами нескольких тысяч душ. На содержание пленника в Смоленске была назначена немалая для того времени сумма — 100 рублей в месяц. К нему был доставлен цирюльник — грузин. В Смоленске Александру Бакарович и кончил свои дни. Год его смерти неизвестен и место погребения тоже. В 1798 году его уже не было в живых.

Екатерина забрала его детей у бабушки Анны Георгиевны и перевела их в Петербург. Сохранилось замечательное письмо ее к главнокомандующему Москвы генерал-губернатору князю Воронцову:

«Князь Михаил Никитич!

Письмо ваше от 28 марта я получила. Скажите княгине Грузинской, что я внучат ее для того сюда приказала взять, чтоб они могли получить здесь приличное состоянию их воспитание, и тем предохранить их фамилию от могущего приключиться в ней несчастья, подобного приключению отца их. Мы чаем, что и он не иначе, как с благодарностью примет наше о детях его попечение, когда узнает, что мы их для собственной их пользы сюда привезти приказали. Сверх того, вы можете дать ей знать, что мать всегда имеет более права над своими детьми, нежели бабка. Что касается до Грузинского письма, которое вы ко мне прислали, то я думаю, что оно от князя Александра вымышлено и не заслуживает уважения. Впрочем, остаюсь, как и всегда, к вам доброжелательна. Екатерина».

Жизнь Александра Грузинского в Смоленске, конечно, была не сладка. Он все еще пытался играть роль главы дома. Сыну он писал: «Отсюда приезжие люди жалуются на вас, что вы их сурово принимаете». Невестке, жене Левана, сообщал, что уверен в верности ее «к общему дому нашему».

Посланец его, некто М. Кондырев, был взят с письмом. На допросе в Тайной канцелярии он показал, что прибыл за деньгами и узнать что-либо о Грузии. Невестка, принимая письмо, выговаривала ему, как смел он приехать. «Ты знаешь, что слуга Михайлов за письмо умер?» По приходе он через час уже был взят под караул.

В письме действительно было только о деньгах, и Кондырева отпустили.

Вахтанг VI, как мы помним, стоял на принципиальной позиции самостоятельного существования Грузии под покровительством России. Он был против того, чтобы Грузия в дальнейшем хоть в какой-то степени зависела от Персии и Турции. Его потомки отошли от этой позиции. Бакар направлялся в Грузию вопреки желанию русского правительства и даже несмотря на его экономические санкции. Александр же шел на Грузию через Персию и опирался на помощь самых зловещих тогдашних ее врагов — лезгинов. Логика фракционной борьбы и честолюбие завели его в стан губителей своей родины. Общегосударственные интересы его не занимали. Они отступали перед «справедливыми его правами» на престол. Потомки Вахтанга, следовательно, были только потомками его, но не последова-

телями, и в этом причина их столь бесславного конца. Вообще же говоря, Александр был скорее кандидатом на престол, чем претендентом. Активных действий он, находясь в России, никаких не предпринимал, и сама мысль о престоле возникла у него вследствие немилости при Екатерине. По всему видно, что он не имел большого желания покинуть Россию, интересы которой, а также его семьи, были ему ближе, нежели Грузия, в которой он никогда не бывал. Скорее всего, живя в России, он удовлетворился бы ролью негласного представителя Грузии в России, как глава дома Багратионов. Выезд его из России был принудительным.

Истинным последователем Вахтанга стал другой его внук— Ираклий II, который боролся за союз с Россией и привел Грузию к Георгиевскому трактату.

Эмиграция Вахтанга в Россию сыграла крупную роль. Она подготовила трактат в политическом и культурном отношении. Она, во-первых, подтвердила стремление к союзу с Россией, показала непрерывность, последовательность этой линии в грузинской политике, даже нарастание, развитие ее. Самопожертвование Вахтанга имело большое политическое значение. Оно ясно показало, что альтернативы союзу с Россией нет. Выполнить же историческую задачу Грузии — создать союз с могучим северным соседом довелось уже следующему поколению грузинских политических деятелей во главе с Ираклием II.

ВОЛЖСКОЕ СЕЛО

I

В «ста верстах» от Горького вниз по Волге на кругом высоком берегу раскинулось старинное волжское село Лысково, ныне город. Его крепкие разноцветные дома, разбежавшиеся по склонам, смотрят сверху на Волгу в обе ее раздольные стороны, на Заволжье в туманной розовой дымке и керженские леса, багровеющие на горизонте.

Когда-то, очень давно, на месте Лыскова стоял большой город волжских булгар — Сундовит. Остатки его укреплений еще до прошлого века сохранялись на Оленьей горе, «ныне никем по причине чрезвычайной крутизны не обитаемой... с которой открывается великолепнейший вид окрестного пространства».

Это был крупный центр хлебной торговли. «В Лыскове больше 1000 домов, громадная пристань, где останавливаются пароходы и баржи с хлебом. Улицы в нем широкие, как в городе, вокруг по холмикам больше сотни мельниц, тут же пивоваренные и винокуренные заводы, народ кишмя кишит на пристани, а во время хлебной продажи, когда народное скопление,—и по всему селу. Жителей в Лыскове больше 10.000, по людности оно не уступает иному губернскому городу».

И вообще это было славное село. Путешественники пишут о нем в восторженных тонах: «Село Лысково... да кто же об нем не знает?» «Вот оно, знаменитое Лысково».

Волжские разбойники тоже были с его населением в сердечных отношениях. Беглые, а также все те, кто имел какие-либо счета с властями, постоянно находили здесь приют.

Анонимный автор, скрывшийся в «Отечественных записках» под инициалами М. С., писал в 1881 году: «Еще ребенком будучи, сколько рассказов слышал я от нянюшек и слуг о Лыскове и его покойном владельце! Оно рисовалось в моем воображении каким-то вертепом; читал ли я в романе про карбонариев или русских разбойников, детская фантазия непременно переносила меня на берега Волги в Лысково. Удивительно, как

это слухи о нем переносились на такое расстояние в Великолуцкий уезд».

Когда в Лыскове появились первые ватаги Разина, село приняло их с колокольным звоном и крестным ходом с иконами. Вперед шло духовенство и распевало псалом во здравие Степана Тимофеевича.

Одним из наиболее известных волжских атаманов, товарищем знаменитого Кулаги был Федор Васильев из Лыскова. Бывал здесь и Ванька Каин. Он «появляется на ярмарке в Макарьеве, хозяйничает в армянском ряду, переправляется к Лыскову и наконец появляется в Нижнем». В Макарьеве он соединяется «с шайкой Михаила Зари и отправляется, насолivши знатному грузинскому князьку, в керженские леса».

Напротив, через Волгу, стоит известный Макарьевский монастырь.

Когда подплываешь к Лыскову, он открывается как-то сразу, вдруг. Кажется, что стены и башни его из красного камня поднимаются прямо из недвижной воды. Луковки церквей, блестя золотом, плывут в синем воздухе, и весь он неожиданно предстает, как необыкновенное сказочное видение.

Он был основан в 1435 году нижегородцем Макарем, прославившимся иноческой и миссионерской деятельностью среди нерусского населения края. Разрушен татарами и вновь возобновлен в XVII веке. Но особенно известным стал он с 1624 года, когда у его стен возникла ежегодная международная ярмарка. Она просуществовала здесь почти 200 лет — до 1816 года, когда была переведена в Нижний Новгород. Это было крупнейшее торжище, на которое съезжались купцы из многих стран Востока, а также Англии, Дании, Швеции и других европейских стран.

У стен монастыря кипела жизнь, бушевали страсти. Тут ставилось до 4.000 лавок—с сибирскими мехами и персидским шелком, драгоценными камнями и коврами, сукном и хлопком. Иноязычная речь, непривычные взору одежды, наплыв своих и чужих делали монастырь ежегодно в июле месяце центром самых заманчивых экономических надежд. По Волге сверху и снизу, через перевоз от села Лыскова, из Заволжья стекались сюда повозки и толпы; одновременно шло гульбище, безудержное и развеселое. Затем ярмарка кончалась, купцы и весельчаки разъезжались, опадала пыль, и монастырь вновь благовестил малиновым звоном каликам и богомольцам.

«Герб Макарьева представляет в золотом поле три тюка, пирамидально положенные».

Окрестные села имели от ярмарки большую выгоду.

«Лысковское полотно, керженецкая деревянная посуда, заволжские шляпы и валенки, мурашкинские рукавицы, тулупы и шапки были первыми товарами, привозимыми в избытке на это торжище».

Недостаток места возле монастыря и «зыблющиеся» пески вынуждали купцов значительную часть товаров складывать в Лыскове и затем по мере надобности перевозить их через Волгу. За аренду земли платили владельцу села.

«Казна теряла выгоды от того, что правый берег Волги, где складывались тяжеловесные товары и останавливались суда, принадлежал князю Грузинскому, который и пользовался с него громадным доходом», — писали нижегородские «Губернские ведомости».

С развитием и расширением ярмарки ее место стало совсем неудобно. Возникла мысль о переводе ее в Лысково, откуда более, чем с левого берега, свозились товары.

Но она была переведена к Нижнему, что, конечно, нанесло сильный удар по интересам лысковцев. Они даже считали, что ярмарка сгорела не без ведома нижегородских властей, находившихся в тайной вражде с князю Грузинскому.

Вообще же в нижегородской губернии было несколько таких сел, большею частью помещичьих, которые и населением, и промышленностью были больше своих уездных городов. Таковы Павлово и Врсма, Городец и Катунки, Лысково и Большое Мурашкино.

Но Лысково и как центр хлебной торговли, и из-за близости к ярмарке, половина которой располагалась на ее территории, было, конечно, на особом положении. В нем самом был торг, в то время как другие должны были свозить к нему свои изделия.

Лысковцы гордятся своей историей.

Во времена Ивана Грозного нижегородская земля была на переднем крае борьбы с татарами. 6 января 1536 года татары осадили Нижний, но не смогли взять Кремль и отступили. Вместе с подоспевшими муромчанами во главе с воеводой Федором Мстиславским нижегородцы настигли татар под Лысковом. Наступила ночь. Огней ни одна, ни другая сторона из осторожности не разжигали. Когда же встала заря, оба лагеря оказались пустыми — и русская, и татарская рати отошли, не дожидаясь рассвета. Этот эпизод можно счесть курьезным, он говорит об упорстве борьбы, о равенстве сил и боязни поражения.

В 1671 году в Поволжье появились разинские «возмутите-

ли». Они несли его «прелестные» грамоты-прокламации: «Я пришел бить только бояр да богатых господ, а с бедными и простыми готов, как брат, всем поделиться». Продвигаясь вверх по Волге, разинцы захватили и Лысково, и соседнее Большое Мурашкино, в котором ими был убит ненавистный всем воевода Племянников. Там же взяли 13 пищалей и 1.000 ядер. Лысково и Б. Мурашкино стали центром восстания. Их население примкнуло к разинцам. Сюда же стекались недовольные из других мест.

Около Лыскова только Макарьев, это «государево богомолье», стоял за Москву.

Лысковцы видели в монастыре своего непримиримого экономического врага и соперника: их, лысковцев, торги и промыслы обложены высокими податями и сборами, в то время как «государевы богомольцы» имели право беспошлинной торговли.

На лысковцев давил и боярский гнет. В 1647 году село принадлежало боярину Морозову. Сохранилось письмо к нему лысковцев. Крестьяне писали к нему, «били челом»: «Умилосердись, государь Борис Иванович. От твоего государеву оброку мы, сироты твои, оскудели и одолжали великими долгами, щине нам твоего оброку платить невозможно, многие из нас, сирот, скитаются по миру. Государь, смилуйся, пожалуй». В другом челобитье они пишут: «Мы, сироты твои, работаем тебе, мельницы строим, а мельница, государь, у нас строится в месяц и более, и ходит нас на тое мельницу всякий день по 60, и по 70, и по 80, а к затвору и по 100 человек. Да мы же строим твои кабацкие заводы, поварни, и выходы, и амбары, и избы ставим. Да мы же строим в Нижнем Новгороде твои житницы и в те житницы хлеб возим, и в том нам чинится многое безвременье, и мы же чистим на тебя черный лес под пашню, а было нас на тое работе 600 человек».

Понятно, почему лысковцы поддерживали разинцев и вообще всех непокорных. Совместно с ними они взяли монастырь и разграбили его. Монахи защищались до последнего и потом ушли тайными ходами в соседние леса.

Когда восстание пошло на убыль, князь Долгорукий разбил «бунтовщиков» сначала под Большим Мурашкиным, а затем пошел к Лыскову, где также «побил воров, зломысленников Степки Разина, и совет их злочестивый сокрушил».

Свободолюбивый характер местного населения поддерживали кержаки, сами бывшие, можно сказать, порождением духа сопротивления.

Как повыше было села Лыскова,
Как пониже было села Юркина,
Протекала тут река быстрая,
Омутстая, зовут Керженец.

По этой реке жили старообрядцы, народ упорный, неукротимый. Многие из них во время никонианских гонений непримиримо «с женами и детьми на овинах пожигались».

Кстати, и патриарх Никон, и один из самых активных противников его реформ протопоп Аввакум были из нижегородцев. Никон родился в селе Вельдеманове, а Аввакум — в Григорове.

После разинского 1672 года и несмотря на разгром восстания, «беглые, бобыли и выездные казаки были крепки» в Лыскове, Мурашкине и Гридине.

В центре села, в Спасопреображенском соборе похоронены грузины — князь Георгий Александрович Грузинский — правнук Вахтанга VI, внук Бакара, сын Александра Бакаровича, пытавшегося отобрать у Ираклия II карталинский трон; его жена Варвара Николаевна, урожденная Бахметьева; мать — Дарья Александровна, урожденная Меншикова, внучка сподвижника Петра; сестра — тоже Дарья Александровна, мать декабриста С. П. Трубецкого; сын — Иван Георгиевич; Антон — сын царевича Афанасия, обер-коменданта Москвы, брата Вахтанга VI; малолетние дети Вл. Трубецкого, родственника князей Грузинских.

В Лысково жили также другие грузины, связанные с семьей Грузинских. Четыре года своей жизни провел здесь последний католикос независимой Грузии Антоний II.

Лысково является одним из памятников русско-грузинских взаимоотношений XVIII и XIX веков.

В 1946 году старший научный сотрудник Института истории грузинской литературы Академии наук ГССР, впоследствии профессор Торникэ Чкония обнаружил в музеях Горького и Лыскова реликвии, относящиеся к истории и культуре Грузии.

Это были исполненные масляными красками портреты — Вахтанга VI, единственное сохранившееся его изображение; Александра Бакаровича; католикоса Грузии Антония II; бронзовый герб царей Грузии с могилы Антония в Горьком, а также гравированное изображение Теймураза II работы Е. Виноградова и А. Грекова, изготовленное по подлиннику А. Антропова в Петербурге в 1761 году.

Нашлись также портреты самого Георгия Александровича и его жены Варвары Николаевны, а также дочери, Анны Георгиевны Толстой-Грузинской.

Среди находок профессора Чкония были старинные рукописи — «триюдь постная», переписанная в 1782 году, и объемистый манускрипт в 1368 страниц — лечебник — предположительно XV века с пометами Вахтанга VI, а также евангелие

XII века, генеалогия грузинских царей, составленная Вахтангом VI, краткая история Грузии («История грузинских владений»), еще генеалогия, составленная правнуком Вахтанга Георгием Грузинским для Нижегородского благородного собрания и другие документы.

Все это Т. Чкония увез в Грузию. Однако большая часть архива Г. А. Грузинского остается неразысканной, если вообще не погибла в минувшие времена.

У Г. А. Грузинского была богатая библиотека на русском, грузинском и европейских языках. После смерти его дочери Анны Георгиевны, графини Толстой в 1889 году она досталась, как и все имение в целом, побочному сыну князя Стогову, а впоследствии частично перешла в библиотеки и музеи Нижнего и Лыскова, частично же осталась у потомков Стоговых.

II

Князь Георгий Александрович Грузинский прославился далеко за пределами губернии широким хлебосольством. Он жил в Лыскове «открыто, пыльно, гостеприимно»

У пристани на Волге постоянно дежурило несколько троек. «Всякий, кто высаживался на этой пристани, обязан был, оставивши свой дальнейший путь, ехать в усадьбу князя, где всегда был готов великолепный ужин». Дворец князя, построенный по проекту Растрелли, был одним из красивейших сооружений своего времени. Его окружал огромный старинный парк с мостиками, беседками и флигелями. Многочисленная дворня исполняла все прихоти князя и его гостей.

Князь был очень богат. До окончательного переезда в Лысково жил в подмосковном Всесвятском, где много строил, поддерживая его традиционную пышность. Там у него были и зимний и летний дворцы, искусственные острова, беседки, цыгане, гондолы и разные другие увеселения. Но потом через село проложили Санкт-Петербургский тракт, оно стало пыльным, шумным, и он удалился в Лысково.

В Лыскове Георгий Александрович прожил более полувека. Здесь он женился, здесь родились его дети, здесь похоронил он близких и умер сам.

Его усадьба была расположена на пригорке у храма Вознесения, им и возведенного. Вместе они представляли архитектурный ансамбль, сейчас реставрируемый. Пятиглавая церковь стояла в центре квадратного двора, все четыре угла которого были заняты однотипными невысокими башенными сооружениями, различными по назначению. В одной была колокольня, в

другой — зимняя Георгиевская церковь, в третьей — духовное училище. Из этих угловых сооружений сохранились только два.

Он построил в Лыскове школу (училище), больницу, даже библиотеку, что по тем временам было явлением очень редким. Проезжающие восхищались: «Лысково, столица покойного князя Грузинского, много превосходит свой уездный город Макарьев и числом жителей, и количеством церквей и каменных домов на мощных улицах; село, где есть библиотека для чтения, клуб, училище, аптека, доктор, больница, погребки, шампанское, магазин мод». Это описание относится ко времени после 1852 года (год смерти князя), но все равно «библиотека для чтения», доктор, больница и аптека отмечены, как достойные удивления. Лысково было богатым многолюдным селом. Кроме того, напротив, в Макарьеве, у князя была большая суконная фабрика, на которой работало 500 человек, в соседнем Наганове — конный завод, в самом Лыскове — винокуренный. Говорили, что он продавал с него водку в обход казны.

Нрав у него был крутой и властный. Его боялись не только купцы на ярмарке, но и губернаторы. «Обладая связями при дворе, он ни во что не ставил местные власти и руководствовался лишь единственным принципом — «я так хочу». В многочисленных отзывах о нем, большею частью раздраженных, то и дело мелькают выражения «удельный князь», «волжский царек». Родня его была обширна и включала, помимо Багратионов, Меншиковых, Бахметевых, Татищевых, две ветви Голицыных, Толстых, Сен-При, Одоевских, Урусовых, Кэнсонов, Остерманов, Мещерских и многих других, то есть почти всю родо-виту знать.

При Зимнем дворце князя находился и другой каменный дом, где жили его дети Иван Георгиевич и Анна Георгиевна.

«При нем разных людей 9, дневальных мальчиков 2, два карлика, Петр и Аннушка». Всего же двора было до 500 душ.

Здесь жили Григорий Карганашвили с тещей Дарьей Ивановой Ломидзе, грузин Егор Матвеев; Георгий Чабуков, лысковец, дворянин.

Князю служил отставной лекарь француз Лабом. Он был выслан в Нижний из Москвы в числе других французов за то, что признавал «нынешнее в их земле правление», то есть якобинцев, и отказывался отречься «от правил безбожных и возмутительных, в земле их ныне исповедуемых».

Приехав в 1687 году в Россию, царь Арчил получил во владение Лысковскую, Терюшевскую и Белогородскую волости, подмосковное Всесвятское и другие земли. После его смер-

ти в 1713 году во владение ими вступила его дочь Дареджан. Будучи бездетной, она завещала все свое имущество племянникам — царевичам Бакару и Георгию. Лысково, Терюши, Курилово отошли к Бакару, Катунки и другие земли — к Георгию.

В Нижнем Арчил бывал несколько раз при проездах в Грузию и обратно. Вот описание его первой встречи в Нижнем Новгороде: «В ноябре месяце в Нижний Новгород прибыл царь Арчил с царицей, с детьми, для которых были присланы от государя с Москвы царские кареты и дворяне, и дети боярские, копейшники, секретари. Встречали сотнями и земские и посадские люди всем городом».

О пребывании его в Лыскове точных указаний как будто бы нет, но вряд ли, проезжая мимо, он ни разу не завернул в столь богатое свое имение. Трудно также допустить, чтобы Преображенский собор в Лыскове, законченный строительством в 1711 году, то есть еще при жизни Арчила, не имел к нему никакого отношения. Не может быть, чтобы, уделяя так много внимания Донскому монастырю в Москве, жертвуя на него большие суммы, он совсем бы не занимался собором в Лыскове. Да и невозможно, чтобы собор возводился вне участия владельца села.

В 1716 году здесь жили его жена Екатерина (Кетеван). Давидовна, царица Имеретинская, и его дочь Дареджан. С ними был служитель царицы князь Симон.

Следов пребывания здесь Вахтанга VI тоже не сохранилось, но Бакар здесь бывал, в частности, проезжая в Астрахань к губернатору Татищеву и при подавлении военной силой Терюшевского бунта в его владениях.

Большие и Малые Терюши были мордовские села. Вообще же в Нижегородской губернии жили также черемисы и чувашаи.

В Лыскове и волости с деревнями у Бакара тогда было 1215 душ. В селе Терюшеве и деревне Малые Терюши — 502, в селе Катунки — 1179 (считались только души мужского пола). Большие имения были также под Москвой и Коломной. И все же финансовые дела их были постоянно запутаны. Безрассудные траты, широкая жизнь, бесхозяйственность, организационные расходы на «предприятие», то есть возвращение престола, приводили к тому, что дому Багратионов грозило полное разорение.

В Прибавлении № 32 «Московских ведомостей» от 22 апреля 1763 года сообщалось: «Покойный генерал-лейтенант и кавалер, грузинский царевич Бакар, жена его, вдовствующая кня-

гиня Анна Георгиевна с сыном своим принцем, гвардии капитаном Измайловского полка Александром Грузинским должны в Меновой банк 35 тысяч рублей под заклад недвижимого своего имения в Нижегородском уезде».

Впрочем, это было общее положение. Многие богачи систематически жаловались на нехватку денег, потому что жили не по средствам.

Александр Бакарович постоянно был осаждаем кредиторами. В 1765 году он подал Екатерине челобитную о рассмотрении предъявленных ему векселей, которые он выдавал, как он пишет, «по одному чистосердечию своему и простоте».

Ответ был дан Анне Георгиевне, матери Александра: «Разобранне векселей ее величества за излишнее почитает».

Часто отказывались платить оброки и крепостные. В 1743—1745 гг. в Терюшевской волости произошло восстание, которое было с трудом подавлено военной силой.

В 1797 году «наиболее сильное волнение с явным сопротивлением властям было в селе Катунках». В 1782 году царевич Георгий продал с. Катунки с деревнями за 150.000 рублей Варваре и Дмитрию Цициановым.

Это село Балахнинского уезда принадлежало Левану Левановичу. После его смерти в нем проживала его вдова с детьми Прасковья Евграфовна, урожденная Татищева. Ее называли княгиней Катунской. В Нижнем у них был дом между Варварской и Николаевской церквями.

После «отпуска» Александра Бакаровича в Грузию Лысково сохранилось за его детьми: двумя сыновьями и двумя дочерьми, оставшимися поначалу на попечении бабушки Анны Георгиевны Арагвис-Эристави, вдовы Бакара (потом, мы знаем, их взяли в Москву). Жили они в Москве, в Охотном ряду, в доме царя Арчила (бывшем доме Голицына), перешедшем к ним по наследству. Они знали грузинский язык, воспитывались в грузинской среде, их учителями были грузины, жившие в Москве. (Грузинский язык Георгий Александрович не забыл и к старости. Иеромонах Ф. Кикнадзе, причастный к заговору грузинской дворянской оппозиции 1832 года, писал ему, посылая материал для перевода — и, в частности, соболезнуя по поводу смерти сына, — на грузинском.) Вскоре, однако, их отправили к матери в Петербург. У детей была тетка — Елизавета Бакаровна, жившая и умершая в Москве в 1768 году. Видно, дети брата имели к ней какое-то отношение, так как Екатерина запрашивала у графа Н. И. Панина «план опекунов малолетних князей Грузинских о заплате их долгов», добавив, что «обстоятельства их ныне отягчаются по смерти оных сирот».

По-видимому, мать мало занималась ими и со смертью Елизаветы Бакаровны положение их ухудшилось.

Судьба их сложилась следующим образом: Александр Александрович умер довольно рано, не оставив потомства. Анна Александровна вышла за князя Б. А. Голицына. Это была та самая Анна Голицына (1763—1842), которая славилась необычайной красотой и царила в петербургских салонах. В ее имени в селе Симы близ Юрьева-Польского скончался и первоначально был похоронен П. И. Багратион.

Дарья же Александровна вышла замуж за князя П. С. Трубецкого и умерла в 1796 году, оставив мужу пятерых малолетних детей, из которых старшему было всего лишь шесть лет. Это был один из виднейших деятелей декабристского движения полковник Сергей Петрович Трубецкой.

Георгий Александрович вступил в службу в Петербурге 1 января 1768 года в возрасте шести лет подпрапорщиком в Санкт-Петербургский пехотный полк. Прапорщиком стал 1 января 1772 года, «адъютантом с заслугою года» 28 мая того же года, подпоручиком 1 января 1773. Ему было тогда всего лишь одиннадцать лет, в то время, как Гурамишвили, например, участвуя в стольких походах и войнах, так и остался поручиком, не добившись капитанского звания. Поручиком князь Грузинский переведен 25 декабря 1776 года в Елизаветградский легкоконный полк с награждением чином капитана 16 мая 1778 года и еще через десять лет уволен в отставку майором.

В столь раннем начале службы не было ничего необычного. Дети из родовитых фамилий зачислялись прямо в гвардейские столичные полки и получали офицерские чины, продолжая играть в солдатики. На его карьеру не повлияло ни отсутствие отца, добивавшегося картлийского трона в Грузии, ни довольно прохладное отношение Екатерины к их фамилии. Даже после выдачи отца Фатали-ханом и помещения его на жительство в Смоленск, Георгий Александрович еще пять лет продолжал числиться на службе. Удивительно другое: его внезапное, без всякой видимой причины увольнение в отставку. Зная немного его необузданный характер, которым он весь пошел в отца, мы можем предполагать какое-то чрезвычайное происшествие, не связанное, надо думать, ни с какими политическими событиями. Но возможно также, что его решение связано со смертью к тому времени в Смоленске его отца и необходимостью заняться хозяйством.

Он был человеком образованным, знал французский, немецкий, итальянский, грузинский языки, историю, географию, математику, физику, фортификацию, артиллерию и архитектуру.

Деревни и села, которыми он владел, находились в Балахнинском, Макарьевском, Семеновском и Княгининском уездах Нижегородской губернии.

В 1790 году брат Георгия Александр был еще жив и вместе с ним владел Лысковом.

В Нижнем у Георгия Александровича было два дома, один из которых, на Грузинской улице, занимал территорию двух кварталов. Он стоял на пригорке, чуть в стороне от улицы. Дом был в один этаж, но огромных размеров. Главный фасад украшен террасой, перед которой росли березы. Сад с тенистыми липами и множеством фруктовых деревьев занимал в окружности более версты. В 30-х годах прошлого столетия, когда в доме жила его дочь графиня Толстая, сад был местом гулянья нижегородской публики. В нем была кондитерская, «в воксале его в праздники играла музыка и танцевало образованное сословие». При Георгии Александровиче этот дом был средоточием дворянской жизни: князь давал роскошные обеды и балы, устраивал увеселения.

В Нижегородском краеведческом сборнике рассказывается, что «Грузинская улица появляется среди владений всеильного обладателя Лыскова, потомка Вахтанга VI. Ему же принадлежала усадьба так называемых Грузинских казарм и Бугровского сада».

Бугровский сад — это остатки парка при доме князя. А Грузинские казармы? При первом его предводительстве — Георгий Александрович впервые был избран Нижегородским губернским предводителем дворянства в 1795 году — было принято решение «о пожертвовании 42.000 рублей на постройку в Нижнем каменных казарм для воинских чинов», которые в дальнейшем и прозваны были Грузинскими.

Может быть, это решение (1797 года) как-то связано было с воцарением Павла, увлеченного, как известно, фрунтом и шагистикой.

«Грузинская улица начиналась на Покровке против Болотного переулка и оканчивалась на Ошарской. Она получила свое название от дома и сада графини Толстой, принадлежавших прежде отцу ее, князю Грузинскому. На этой улице находилось приходское Ильинское училище».

Нынешний Грузинский переулок в Горьком напротив изумительного по красоте здания государственного банка с шатровым в русском стиле крыльцом архитектора Покровского — это бывший Болотный переулок.

На углу улицы Свердлова и Грузинского переулка помещалась редакция «Нижегородского листка», в котором в 1896—

1901 годах сотрудничал Горький. В доме № 23 по Грузинской улице находился Горьковский ТЮЗ, а до этого был коммерческий клуб, в котором Горький выступал с чтением своих произведений.

В родословной Георгия Александровича, представленной им для внесения в дворянскую книгу Нижегородской губернии, написано: «Фамилия князей Грузинских происходит от владельцев царей Грузинской земли, из коих первым царем от народа был избран в 6083(575) году Гурам Иудеянин, ведущий род свой от царя Давида, от поколения Клеопы, по плоти родственника нашего Иисуса Христа, от коего происходит он в 39 колене и был первым фамилии Багратионов, царей в Грузии, от коего через тридцать три колена царь Арчил Вахтангович в 1687 году выехал в Россию с сыном своим царевичем Александром, коим от великого государя Петра Алексеевича пожалованы Нижегородской губернии дворцовые волости Терюшевская, Белогородская и Лысковская с принадлежащими к ним селами, деревнями и крестьянами в род их неподвижно и сие жалование утверждено высочайшими грамотами 14 декабря 1704 года».

В столь сложном титуловании ничего необычного не было. Дворяне выхвалялись друг перед другом древностью своих родов и заслугами предков.

Например, у А. С. Крюкова, дворянина Нижегородской губернии было записано: «Предок сего рода Солохемор Мирославич выехал из Большой Орды во дни великого князя Олега Иоанновича Рязанского. По крещению назван Иоанном. Правнук его, прозванный Крюк, был боярином, и дан ему город Ростислав».

Не менее родовитыми были Шереметевы, Трубецкие и Шаховские, а также другие княжеские роды губернии.

Поселившись в Лыскове и осмотревшись, князь принял участие в дворянских выборах и стал депутатом Макарьевского уезда 1 января 1792 года. По-видимому, около этого времени он женился на Варваре Николаевне Бахметевой, брат которой, Алексей Николаевич, в дальнейшем нижегородский генерал-губернатор, сыграл довольно злую роль в его судьбе. В сложных отношениях он был и с мужем-сестры, губернским предводителем дворянства князем П. С. Трубецким.

В 1795 году Георгий Александрович уже был избран губернским предводителем дворянства. Это была влиятельная и крупная должность, стоящая на страже интересов дворянства, самого сильного тогда правящего сословия. Избирались пред-

водители дворянства тайной баллотировкой сроком на три года.

Г. А. Грузинский был избран и на следующее трехлетие, в 1798 году, но тут в Нижний прибыл Павел I. В результате последовало: «Сего июня 1 дня пополудни в 7-м часу» в присутствии губернского правления вице-губернатор князь Ухтомский объявил высочайшее именное его императорского величества повеление: «препоручаю вам объявить здешнему дворянству мою волю на то, чтобы на место князя Грузинского выбран был другой предводитель. Пребываю к вам благосклонным. Павел».

Вице-губернатор в тот же день спешно собрал имевшихся под рукой дворян и объявил им — в котором часу, неизвестно — волю монарха. «По прибытии господ дворян в губернское правление им было зачитано повеление», после чего в спешном порядке — все в тот же день — избрали другого предводителя, а именно Кишенского Егора Васильевича.

Какова была причина императорского гнева и столь стремительного отстранения князя от должности?

Этого мы не знаем. Во всяком случае, оно было в стиле эпохи и никого не удивило. Министры, камергеры, командующие при Павле в один день с вершин власти свергались в ссылки или крепости. Достаточно было неудачного ответа или просто дурного настроения императора, чтобы попасть в опалу.

В 1801 году князь Грузинский был депутатом от нижегородских дворян на коронации Александра I. Здесь он представил императору государственную реликвию Грузии — крест из виноградной лозы, связанный волосами Нины, просветительницы Грузии, с которым она в IV веке проповедовала и творила чудеса. Этот крест всегда хранился у грузинских царей и лишь в их отсутствие в государстве посылался в Мцхетский кафедральный собор. Это была уникальная реликвия Грузии, самое, может быть, ее драгоценное наследие.

Во время нашествия турок в 1723 году, вследствие которого Вахтанг VI и покинул Грузию, крест был вывезен в Ананури, спрятан в церкви, а затем грузинский митрополит Тимофей привез его Бакару и вручил ему на сохранение. Несмотря на неоднократные требования Ираклия II, потомки Вахтанга не выдавали его. И вот, когда Грузия была присоединена к России, правнук Вахтанга вручил крест Нины русскому царю. Александр I сделал великодушный жест: препроводил крест, национальную святыню, в Грузию.

В следующем году князь Грузинский стал нижегородским советным судьей. 10 февраля 1802 года он по высочайшему

рескрипту, очевидно, как пострадавший от немилости, был пожалован в «действительные камергеры».

В это же время был выпущен из Выборгской крепости сподвижник его отца, князь Амилахвари, томившийся там с 1783 года.

Из совестного суда Георгий Александрович уволился по прошению в 1804 и в 1807 вновь избран губернским предводителем дворянства, сменив на этом посту князя Трубецкого. Этот пост он сохранял за собой на протяжении 21-го года, неизменно вновь и вновь переизбираясь на очередное трехлетие.

Интересное было время, и нравы для нас совершенно непостижимые.

В начале XIX века по причине непроезжих дорог Нижний был глухой провинцией. В 1820 году его население составляло всего 14.000 жителей. В окрестностях его доживали свой век екатерининские вельможи, никак не вписывавшиеся ни по образу жизни, ни по складу характера и ума в новый «просвещенный век».

«Екатерининский вельможа» — это было целое понятие. Богатые, властные, привыкшие к беспрекословному подчинению, в прошлом, как правило, вершители судеб, в настоящем они как бы отгораживались роскошью и прежними привычками от суетных забот современного мира. Они цеплялись за прошлое не потому даже, чтобы противопоставить его настоящему, но от того, скорее, что не могли жить иначе. Обломки бывшего величия, в то же время это были колоритнейшие фигуры.

У графа В. Г. Орлова, например, в загородном дворце было 36 комнат и 360 человек дворни. Заправлял его делами «министр» — управитель имения, вице-министры — старшие приказчики, герольдмейстер, церемониймейстер и так далее.

Это был щеголь и галант. В молодости в Петербурге он позволял себе кое-какие смелые воззрения, но начальник Тайной полиции П. И. Шувалов сделал ему строгое внушение и он быстро оставил вольнолюбивые мечты. Отныне он занимался только франтовством и устройством своего дома.

У графини тоже был огромный штат — обер-фрейлины, вице-фрейлины и т. д.

При графском доме были должности «астронома», «поэта», «богослова», а также живописца, архитектора и дирижера. Старики-вельможи, впавшие в детство, устраивали у себя все, как у больших, как у великих.

У Головина был парк в 40 непохожих друг на друга оригинальных экипажей и 60 выездных лошадей. Он менял экипа-

жи и лошадей каждый день, чтобы, сохрани боже, не ездить в одной и той же карете два дня подряд.

Такой же «оригинал» был князь Шаховской. Но он основал в Нижнем театр и из-за этого почему-то считается просветителем, хотя театр этот был всего лишь его причудой.

Он ходил в мундире екатерпинских времен, в камзоле и ботфортах, в обязательной шляпе с плюмажем и шпагой. Дворня его состояла из 400 человек, из которых он и создал крепостной театр сначала в своем поместье в селе Юсупове Ардатовского уезда, где выстроил для него специальное здание. Но поскольку зрителей там было все же немного, он перевез театр в Нижний. Это случилось в 1798 году. Представления давались сначала в доме Шаховского, а затем в зале Дворянского собрания.

У него были богатые реквизит и декорации. Постарев, он стал придерживаться строгой нравственности и не допускал общения актеров с актрисами. Невольно вспоминается Ларошфуко, который утверждал, что «старикки особенно строго осуждают те пороки, которым сами уже не в состоянии предаваться». Актеры у него не должны были обниматься даже на сцене, по ходу пьесы. За их поведением следила специальная надзирательница Заразина, усердная гонительница всего живого в людях. Во время представления зал освещался плошками, чтоб даже среди зрителей не потворствовать ничему нескромному.

Капризы его были ужасны. За провинности актеров били плетью, розгами, а то ставили посреди комнаты, подпирая шею рогатками, или приковывали железной цепью с ошейником.

И все же, полюбив искусство, актеры отдавали ему все силы.

Среди них были по-настоящему талантливые люди. Крепостная актриса Пиунова, которую позже полюбил Т. Г. Шевченко, оставила интересные воспоминания, в которых она, в частности, пишет: «Бывало, учим пьесу, мучаемся, а он отменит... Учите другую».

Вот такой был просветитель.

Заметным человеком в городе был полковник Мартынов—отец убийцы Лермонтова. Его обширная усадьба, занимавшая целый уличный квартал, выходила к Волге огромным парком.

Он тоже разыгрывал чудака. Разводил цыплят и собачек-левреток. Куры у него стаями ходили из комнаты в комнату, портя паркет и мебель, и, должно быть, непрестанно кудахтая, и располагались, где попало. Левретки хватили посетителей за ноги.

Екатерининские вельможи ходили в камзолах, с пуклями и косой, посыпанной пудрой.

Мать декабриста Ивана Александровича Анненкова, урожденная Якоби, «Якобиха», обедала поочередно во всех комнатах своего обширного дома, передвигая столовую мебель ежедневно в новое помещение. У нее был гардероб в 5.000 платьев, она выбирала туалеты на день по специальному каталогу с образцами фасонов.

У Георгия Александровича Грузинского, как и у Шаховского, была своя театральная труппа. По возрасту, богатству, знатности он и сам был екатерининским вельможей, но отличался от них, как и Шереметевы, вотчиной которых было Павлово, центр слесарных и сталелитейных промыслов, местная Тула, — тем, что не только тратил, но и приумножал свои богатства, предаваясь таким «низменным» занятиям, как торговля и выгодное помещение капитала, то есть был человеком и XIX века. Расширяя торговлю и производство, он являл собою уже новый, переходный тип барина-промышленника. Уже не только барина, но еще и не только промышленника.

По ярмарке он ходил, как хозяин. Купцы боялись его. Ему принадлежали мельницы, фабрики, земли. На все это требовалось много рабочих рук. Поэтому он широко принимал у себя беглых, то есть крепостных, бежавших от помещиков, иногда даже его соседей. Крепостные бежали от истязаний, от невыносимых условий жизни, предпочитая вольную, хоть и подпольную жизнь, ежедневному мучению. Он требовал от них лишь подтверждения, что они не совершали ни убийства, ни воровства.

Еще ходили слухи, будто бы снаряженные им «шайки» грабили караваны на Волге, отбирая товары у купцов-конкурентов. Позади княжеского дворца будто бы стоял большой ящик, в который дворовые девушки-грешницы окрестных сел подбрасывали по ночам незаконных своих младенцев. Этих младенцев он потом оптом записывал в свои владения.

При этом одни авторы называют его за все это деспотом и даже рабовладельцем. Другие те же поступки характеризуют как человеколюбивые и филантропические. С определенностью можно сказать лишь одно, что все это было в духе времени, а сам Г. А. Грузинский был сыном своего века.

Уездному исправнику Веселовскому, например, князь подарил дорогую лошадь, но тут же приказал дворне отодрать его, как какого-нибудь пса, за то, что он — вопреки пословице — посмотрел коню в зубы. Недовольные князем губернские власти вступились за посрамленного исправника. Они на-

стояли на суде, но провести его не удалось: подкупив макарьевских, то есть уездных, чиновников, князь сам себе устроил пышные похороны и целых три года — 1798—1801 — числился умершим. Только при воцарении Александра он получил амнистию, да еще звание камергера.

«На посту предводителя дворянства он не уменьшил, а еще увеличил привычку воевать с каждым и действовать в свою пользу».

На главной улице Горького, напротив здания бывшего Благородного собрания, стоит памятник Якову Михайловичу Свердлову. Он воздвигнут на том месте, где была расположена городская усадьба князей Трубецких.

Князь Петр Сергеевич, действительный статский советник и бригадир, был владельцем села Лапшихи, родового имения в сорока верстах от Нижнего. Трубецкие, наряду с Шереметевыми, Орловыми, Салтыковыми, являлись потомственными дворянами нижегородской губернии и пользовались всеобщим уважением. Многие из Трубецких оставили заметный след в истории России.

За Петра Сергеевича и вышла замуж сестра Георгия Александровича — Дарья.

В «Сказании о роде Трубецких» записано, что Петр Сергеевич был женат дважды. Первый раз — «на княжне Д. А. Грузинской, царского рода», второй — на нижегородской дворянке Марфе Петровне Кроминой.

От первого брака он имел четырех сыновей и дочь. Это были Сергей Петрович, декабрист (1790—1860); Александр Петрович, полковник-кавалергард (1792—1853), женатый на Луизе Валентиновне Росцишевской; Петр Петрович, статский советник (1793—1840), женатый на Елизавете Николаевне Бахметевой, умершей в 1825 году, и во второй раз на фрейлине Нелидовой, подруге А. О. Смирновой-Россет по институту благородных девиц; Павел Петрович (1795—1802). Единоутробная их сестра Анна Петровна родилась в 1793 году и умерла в 1827 году, когда Сергей Петрович уже находился в ссылке.

Другая сестра Трубецких (от первого брака Петра Сергеевича) вышла замуж за Сергея Павловича Потемкина, сына того самого Потемкина, который подписал от имени России Георгиевский трактат. Она была позже посаженной матерью на свадьбе Александра Сергеевича Пушкина.

После смерти Дарьи Александровны (вероятно, от родов) Петр Сергеевич, имея на руках пятерых малолетних детей, вступил во второй брак.

Детство и юность декабриста прошли в городском доме отца, в Нижнем. Воспитывал его губернёр англичанин Инезивуд, немецкому учил местный пастор, французскому — эмигрант, капитан королевских войск Стадлер, остальным предметам — учителя главного народного училища.

В семнадцать лет Сергей Петрович поступил в гвардейский полк.

К этому периоду относятся воспоминания известной графини Блудовой, жившей недалеко от Трубецких в Царском Селе, где стоял полк Трубецкого: «Часто мы встречались с Трубецкими. Это была семья красавцев и даровитых детей. Старшие сыновья были уже скорее молодыми людьми, нежели отроками, и мы подружались с Сергеем, насколько можно подружиться на балах и вечеринках, ибо мы не были въезжи друг к другу. Он был из тех остроумных, веселых и добрых малых, которые весь свой век остаются Мишей, или Сашей, или Колей. Он и остался Сережей до конца и был особенно несчастлив или неудачлив. В первой молодости он был необычайно красив, ловок, весел и блистателен, как по наружности, так и по уму; и у него было теплое, доброе сердце и та юношеская беспечность, с каким-то ухарством, которое граничит с отвагой и потому, может быть, пленяет».

Графиня Блудова была светская женщина. Для нее уклад жизни, при котором одни работали, а другие лишь получали удовольствие, был незыблем. Сквозь музыку «балов и вечеринок» до нее никак не доносились стоны подавленного страшным гнетом народа. Вот что она пишет дальше: «Он был сорвиголова, ему было море по колено, и... кончил он жизнь беспорядочно, как провел ее; но он никогда не был ни злым, ни корыстолюбивым, и не приучен был в детстве к той моральной выдержке, которая единственно может воспитать в человеке верность долгу и стойкость против искушений жизни. Жаль такой даровитой натуры, погибшей из-за ничего».

Из-за ничего! Знала бы графиня, что славу России той эпохи составят Пушкин и декабристы. Именно у них была та «моральная выдержка», которая дала им «стойкость против искушений жизни» и помогла понять свое общественное предназначение.

Старшая сестра его умерла. Другие все живы, кажется, и сохранили «замечательно долго свою красоту».

В июне 1824 года А. С. Пушкин начинает письмо П. А. Вяземскому из Одессы так: «Я ждал отъезда Трубецкого, чтобы писать к тебе спустя рукава», то есть свободно, не заботясь о каждом слове. Трубецкой — князь Сергей Петрович. Письмо

очень личное. Пушкин продолжает: «Начну с того, что ближе всего касается до меня...» И так далее. Письмо о ссоре с Воронцовым и о желании выйти в отставку. Такое письмо можно было доверить только близкому человеку.

Хладнокровие Сергея Петровича в острые моменты, «ухарство, граничащее с отвагой», запомнились и его товарищам-офицерам. «В битве при Люцене, когда против гвардии был открыт смертельный огонь, князь, не обращая внимания, спокойно играл с товарищами, перебрасывая от одного к другому комки земли». «Шел в атаку впереди батальона, выделявая шпагой над головой разные артикулы».

При всем том это было деятельный и очень, «скрытный организатор декабристского общества».

В 1808 был назначен в Семеновский полк, где служили также братья Муравьевы-Апостолы, Якушкин и другие будущие участники восстания.

В отечественную войну отступал от Аильно до Москвы, участвовал в Бородинском сражении, затем в боях под Тарутиным, в Пруссии и Саксонии, под Кульмом. Под Лейпцигом был ранен. Бабушка его Дарья Александровна Меншикова-Грузинская тут же написала тревожное письмо губернатору Саксонии Н. Г. Репнину с просьбой оказать содействие ее раненому внуку.

В 1819—20 годах находился в Париже, где увлекался химией, ходил на лекции крупных ученых «по нескольку раз». Сравнивая жизнь народов Западной Европы, пришел к выводу: «Состояние России таково, что неминуемо в оной должен последовать переворот». Основное зло видел в крепостничестве, его возмущали «всеобщие жалобы на лихоимство чиновников в губерниях».

Он был одним из шести создателей первоначального декабристского общества, Союза Спасения. Это были А. Н. Муравьев, Н. М. Муравьев, братья Муравьевы-Апостолы и И. А. Якушкин — офицеры Семеновского полка.

Занимал руководящее положение в Обществе. Союз Благоденствия, преобразованный из Союза Спасения, отказался от первоначальной тактики «медленного воздействия на умы» и повернул к тактике военной революции. «Республиканские мысли стали брать верх над монархическими» (Пестель). Союз Благоденствия делился на четыре секции. Трубецкой участвовал во всех них, одновременно самостоятельно работая над вопросом замены монархии республикой, с переносом столицы в Нижний Новгород.

Перед восстанием был избран диктатором. Манифест к русскому народу написан его рукой. Первый пункт в нем «Уни-

чтожение бывшего правления». Он же узнал в Зимнем день и час присяги новому царю.

Приговорен к смертной казни с заменой вечной каторгой.

Брат его Петр тоже подозревался в принадлежности к Обществу. В своих «Записках» С. П. Трубецкой вспоминает:

«Левашов: Ваш брат, который служит в кавалергардском полку, член тайного общества?»

Я: Неправда.

Левашов: г. Семенов воспитывал меньшого брата Трубецкого и принял его тайное общество.

Я: Неправда. Брат мой, о котором говорит генерал Левашов, не принадлежал к тайному Обществу. И ни один из моих братьев не знал о его существовании. Г. Семенов приезжал из Москвы с моей мачехой и жил с полгода у нее в доме, занимаясь с меньшим моим братом. Если бы г. Семенов и был тогда членом Общества, то он все равно не мог бы принять моего брата, которому было не более 15 лет. Тогда г. Семенов не был членом Общества, а после того он брата моего не видал».

Брат, о котором идет речь, Петр Петрович, член Союза Благоденствия, полковник артиллерии. С 1823 года в отставке, с 1824 — статский советник. Отошел от Общества в 1821 году. О его членстве в тайном Обществе говорил И. Бурцов.

К следствию, однако, он не привлекался. «Высочайше повелено оставить без внимания». Позже Петр Петрович служил по таможенной части.

Сергей Петрович был женат на графине Лаваль, дочери французского посла в Петербурге. Современники подчеркивают ее сердечность, человечность. Она была «олицетворенная доброта». Первой из жен декабристов Екатерина Ивановна поехала за мужем в ссылку.

Еще во время следствия сестра Трубецкого, Елизавета Петровна Потемкина, обратилась к Николаю с просьбой позволить брату ее, заключенному в Петропавловской крепости, повидаться с супругой.

Она получила ответ.

За гладкими строками этого письма, якобы любезного, проглядывают и привычка к лицемерию, и уверенность в собственной непогрешимости, столь присущая тупым и упрямым людям: «Я весьма счастлив, графиня, что печальная услуга, которую я имел возможность вам оказать, доставит вам несколько минут утешения. Желаю, чтоб вы убедились, как тяжело для меня быть вынужденным на такие меры, которые, при всей неизбежности их в виду общего блага, погружают в отчаяние це-

лые семейства; мне кажется, что я сам не менее их заслуживаю сожаления... Вы нуждаетесь в утешении, я это знаю... ваша покорность судьбе заставляет меня еще более уважать вас... Относительно испрашиваемого вами у меня свидания распоряжения сделаны; я назначил его в понедельник на пасхе, то есть в день наиболее близкий к указанному вами мне времени».

Екатерина Ивановна получила свидание, поехала за Сергеем Петровичем, но и там могла видеть его только издали.

Из воспоминаний Полины Анненковой: «Заключенных всегда окружали солдаты, так что жены могли их видеть только издали. Князь Трубецкой срывал цветы на пути своем, делал букет и оставлял его на земле, а несчастная жена подходила поднять букет только тогда, когда солдаты не могли этого видеть».

В 1839 году Трубецкой вышел на поселение в село Оек Иркутской губернии. После амнистии ему разрешили поселиться в Киеве.

У него было три дочери и один сын, все рожденные в Сибири. Он похоронен в Москве у Архангельского собора Новодевичьего монастыря. Рядом покоится его сын Иван Сергеевич и зять — Ребиндер Н. Р., муж старшей его дочери Сашеньки. В нескольких шагах — могилы старых друзей — М. И. Муравьева-Апостола и одного из первооснователей Союза Спасения А. Муравьева.

Отец Сергея Петровича всегда жил в Нижнем. Но отношения ближайших родственников не ладилась. Петр Сергеевич в 1803 году был избран губернским предводителем дворянства, в 1806 вновь переизбран, но «по проискам князя Грузинского губернатор кассировал выборы, и Трубецкой уступил предводительское кресло» Георгию Александровичу. Обиженный, он удалился в родовое имение.

Георгий Александрович с его своеволием и равнодушием к общественным интересам был, конечно, полной противоположностью тому, что являлось идеалом декабристов и вообще просвещенных людей того времени, отрицавших как казенный дух николаевской эпохи, так и просвещенное вранье екатерининских времен. Поэтому вряд ли верно предположение историка Н. Г. Тарсаидзе о возможном влиянии его на племянника. Мы не находим никаких следов общения ни в сибирский период жизни Трубецкого, ни по возвращении из ссылки. Родные племянник и дядя по-видимому не питали друг к другу симпатий или во всяком случае не были близки.

Нижегородская губерния дала пять декабристов. Причем

все они, вопреки логике, воспитывались в семьях, весьма далеких от передовых и просвещенных идей.

Один из пяти казненных декабристов М. П. Бестужев-Рюмин был родом из Горбатовского уезда. Отец его был в Горбатове городничим. В своем фамильном селе Кудряшки он построил громадную оранжерею и башню-вышку, с которой в подзорную трубу целыми днями наблюдал дворовую жизнь соседних помещиков. Слезая с вышки, увлеченно предавался вышиванию на пядьцах.

Мать Анненкова, о которой мы уже рассказывали, была барыней-мучительницей. Угодить ей было невозможно. Бывают, видимо, люди, которые уже настолько находятся вне правил обычного мира, что их ничем невозможно пронять. Когда был убит на дуэли ее старший сын, она лишь сказала: «Ну, что ж, другому больше достанется».

Отец братьев-декабристов А. С. Крюков был вице-губернатором, а затем губернатором Нижегородской губернии. Рознь между родителями и детьми особенно видна на этой семье. Отец — чиновник-карьерист, пересидел двух губернаторов и потом сам стал им. Он карал и миловал совершенно равнодушно. В его гербе — как символ цепляния за власть — было два крюка, положенных крест накрест на шпагу. Вступив на губернаторский пост, «яко наг», он вскоре стал богатым, брал взятки и через некоторое время уже имел 400 душ.

Его сыновья — Александр и Николай — служили на Украине. Старший, Николай, сблизился с Пестелем, вступил в Южное общество и стал одним из его идеологов. Именно ему вручил Пестель перед своим арестом важнейшие документы Общества, в том числе «Русскую правду». Братья Крюковы на допросах держались мужественно. Оба были приговорены к 15-ти годам каторги и пожизненной ссылке в Сибирь.

В 1825 году отец их вскрывал письма неблагонадежного Ф. Шаховского, умирал крестьянские восстания, давал директивы карательному отряду, а дети его были ближайшими соратниками Пестеля.

Пятый декабрист, Ф. Шаховской, родственник театрала, жил в селе Ореховце Ардатовского уезда, где им была собрана огромная библиотека на французском, русском, английском, итальянском и латинском языках, которыми он владел в совершенстве. Он вел обширную переписку с учеными и мыслителями разных стран и считался одним из самых передовых людей XIX столетия. В Ореховце декабрист завел новые порядки, облегчающие участь крепостных, чем навлек на себя ненависть

соседей. За горячие страстные речи «в пользу свободы» его прозвали тигром.

Совершенно естественно, что все эти полупомешанные Орловы и Головины, «прославленные подлостью», ненавидели декабристов. Декабрист А. Муравьев писал: «В России ложь — характерная особенность власть имущих: все лгут — от верховного суверена до самого последнего его подданного».

Наполеоновское нашествие как бы всколыхнуло дремлющие силы нижегородцев.

Из Москвы при приближении французов эвакуировались сюда Н. М. Карамзин, В. Л. и С. Л. Пушкины (дядя и отец поэта), нижегородские помещики, Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, Ю. А. Нелединский-Мелецкий, К. Ф. Батюшков, С. Н. Глинка.

Карамзин — он жил на Тихоновской улице — продолжал работать над «Историей государства Российского». Вдохновленный героическим прошлым народа, он говаривал, поглядывая из окна своей квартиры на Кремль: «Русские каковы были в 1612 году, таковыми же будут и в 1812...» А. Ф. Малиновский начал писать биографию Пожарского. К. Ф. Батюшков и В. Л. Пушкин сочиняли патриотические стихи.

Примите нас под свой покров,
Питомцы волжских берегов!

Георгий Александрович Грузинский, как предводитель дворянства и вообще человек известный, — к тому же он был избран начальником нижегородского ополчения, дела тогда самого важного, — конечно, не мог не встречаться с ними. Кроме того, Карамзина, наверное, интересовали архивы князя, его материалы, которые, как мы знаем, у него были и не могли привлечь внимания историка. (Именно Карамзину мы обязаны знанием имен первых послов Грузии в Россию в 1491 году). Но точных данных об их встречах и знакомстве нет.

Чуть раньше в Нижний был выслан М. М. Сперанский «за подозрения в симпатиях к Наполеону». Барон М. Корф, однокашник Пушкина, значительно позже написавший работу о Сперанском, ссылается в ней на князя Грузинского.

«Приехав зимою 1811 в Нижний, — рассказывает известный лысковский владелец князь Грузинский одному лицу, записавшему его рассказ для барона Корфа, — где обязанности по званию губернского предводителя требовали моего присутствия, я зашел однажды к нашему губернатору Руновскому, и при входе в зал остолбенел, едва веря своим глазам: у окна, прислонясь к стеклу, стоял в глубоком раздумьи и глядел на

улицу, вероятно, ничего не видя, — Сперанский! Он не слышал, как я вошел; я подошел ближе — точно: он!»

М. Корф пишет, что «Сперанский вел в Нижнем откровенные разговоры с князем Грузинским».

Этого, конечно, не могло бы быть, если бы они не знали друг друга раньше. М. М. Сперанский был высшим сановником, близким к государю. Знакомство с ним много говорит о связях Георгия Александровича в столицах.

Манифест Александра I от 6 июля 1812 года, содержащий призыв оказать сопротивление врагу: «Благородное Российское дворянство! Ты во все времена было спасителем отечества!», был получен в Нижнем «17 июля в 4 часа пополудни». В тот же день к «предводителю дворянства, действительному камергеру и кавалеру князю Грузинскому» было послано из губернского правления отношение о сборе сил для отражения неприятеля.

Грузинский воспользовался тем, что большая часть дворян находилась в Макарьеве на ярмарке, открывавшейся всегда 15 июля, и устроил там собрание уездных представителей и дворян, которые вынесли решение: «... за обязательное поставляем не только из подвластных себе людей составить новые силы, но и собственно собою жертвовать на пользу и защиту государя и отечества».

В начальники ополчения был избран Г. А. Грузинский, помогал ему генерал-майор В. С. Шереметев.

Симбирская, Казанская, Вятская, Пензенская, Костромская губернии вместе с Нижегородской составили III округ, командующим которым был назначен генерал-лейтенант, сенатор и кавалер граф П. А. Толстой. Штаб округа находился в Нижнем, где и сосредоточивались все дела по формированию новых частей.

Граф П. А. Толстой был боевым товарищем и соратником П. И. Багратиона. Родился он в 1761 году, начал службу капитаном в Преображенском полку. Участвовал в битве при Мацевицах (когда был взят в плен Костюшко) и в штурме польской Праги. В реляции А. В. Суворова об этом сражении сообщается: «Граф Толстой, командуя двумя батальонами, во главе колонны с первыми вошел на батарею и овладел ею, где и ранен». Императрица Екатерина II за отличие при Праге и Варшаве сама возложила на него орден Георгия III степени. Ему было тогда 24 года.

Затем он был генерал-адъютантом Павла I, командиром Преображенского полка, где начал службу, и петербургским инспектором. В 1801 году командовал корпусом. Был при Аус-

терлице. Ездил со специальным посольством в Париж, участвовал во встрече в Тильзите. В походе во Францию 1813-14 годов был дежурным генералом Александра I, его «оком». Должен был докладывать ему все откровенно, нелицеприятно.

Но для нас интереснее то, что он был женат на внучке царицы Георгия, сына Вахтанга VI, Марии, которая доводилась Георгию Александровичу троюродной сестрой. И еще важнее то, что за сына графа П. А. Толстого и Марии вышла замуж дочь Георгия Александровича — Анна Георгиевна. На них, на Анне Георгиевне и Александре Петровиче, которые стали мужем и женой, замкнулись две близкие линии Багратионов — потомков родных братьев, царевичей Бакара и Георгия. Граф и графиня Толстые известны еще и тем, что в их доме жил и умер Н. В. Гоголь. Это тот самый дом на Суворовском бульваре в Москве, где Гоголь сжег вторую часть «Мертвых душ» и во дворе которого стоит ему памятник. Граф и графиня Толстые, правнуки Бакара и Георгия, были теми людьми, которым Гоголь доверил свой покой в последние годы жизни.

Но в описываемое время, когда создавалось ополчение, они были еще подростками, родственниками или, как тогда говорили, «кузенами».

17 августа Толстой предписал Грузинскому приступить к набору. Сразу же был открыт прием пожертвований. В состав комитета пожертвованных были избраны князь Шаховской и откупцов — А. Костромин.

Высокий подъем охватил все сословия. При этом вспоминали Минина и Пожарского, отсюда, из Нижнего, начавших свой поход на Москву во главе ополчения. Купец Никифор Стариков внес 20 000 рублей деньгами и на такую же сумму сукна, купец Расторгуев из Вольска — 50 000 рублей и так далее. Многие давали по 5 000, по 2 000, и по 1 000. Жертвовали отдельные лица и казенные учреждения.

Князь Грузинский купил на Макарьевской ярмарке 430 ружей (из них 30 штуцеров), егерских ружей — 31, ружейных стволов — 710, замков — 800, пистолетов — 504, сабель — 400, патронташей — 119, сум — 248. Он же запрянул село Павлово и Тулу переработать это оружие, приделать к стволам штыки и ложа. «Стоить будет все то оружие с принадлежностями 16 643 рубля 50 копеек». «О каковом пожертвовании нижегородского дворянства честь имею сообщить вам, милостивому государю моему», — извещает князь графа П. А. Толстого.

В архивах сохранились и другие документы и бумаги, свидетельствующие об энергичной деятельности предводителя дворянства по снаряжению ополчения. Среди прочего — распоря-

женне о одновременной помощи «недостаточным» дворянам, среди которых мы встречаем и фамилию губернского секретаря Кванчехадзе. Вспомоществование давалось из сумм, оставшихся от формирования в Ярославле и Владимире ополченских полков. Им воспользовались 28 человек из пяти полков. Как видим, не все дворяне имели достаточные средства.

Документы рассказывают о сборе лошадей и распределении их, о телегах и о других потребностях. Подробно расписана по уездам доля каждого.

Округу были отпущены 10 000 ружей, артиллерия, приписаны казацкие полки. Ополчение составляло целый корпус в 12 440 человек.

8 октября пришел рескрипт об оставлении Москвы. Вскоре в Нижний с сенатским архивом прибыл сенатор и генерал-лейтенант царевич Мириан. Он прожил на Б. Покровке больше года.

8-му корпусу был получен приказ следовать на Муром, Рязань, Глухов, Орел. По выступлении в поход начальником ополчения стал Муромцев. Далее корпус располагался в районе Житомира, Новоград-Волынского, Овруча и Мозыря. Это было уже в декабре. В 1812 году, таким образом, ополченцам не удалось сразиться с французами.

В дальнейшем ополчение сражалось под Дрезденом, участвовало во многих боях и получало награды, находясь уже под командой генерала Бенигсена. Оно отличилось в герцогстве Варшавском и при блокаде крепости Замостье.

28 октября 1814 года ополченцы именным указом были распущены с благодарностью «за ревность и усердие, оказанные ими во время службы, чтобы в недрах семейств наслаждались среди трудов и промыслов».

Георгий Александрович отправился восстанавливать Всевысвятское, которое в нашествии постиг полный разор. Он с еще большей роскошью отстроил все побитое и сожженное неприятелем, а в парковом саду поставил статуи русских воинов в мундирах покрывших себя славой полков.

С Нижним и Лысковым связано имя еще одного члена грузинской царской фамилии, окончившего здесь свои дни.

В составе посольства Г. Чавчавадзе, направленного в Петербург уже после подписания Георгиевского трактата, было два сына Ираклия II: царевичи Мириан и Антоний. Мириан вступил в русскую службу; Антоний же, будучи уже монахом и протодьяконом, в том же 1784 году в придворной церквосельской церкви в присутствии императрицы и всего двора был пос-

вящен в сан архiereя с титулом Ниноцминдели. При этом Екатерина пожаловала ему драгоценную панaгию, усыпанную крупными бриллиантами. Ираклий II возвел его в сан митрополита Алавердели, а в 1789 году, по возвращении из России, он стал католикосом, заменив на этом посту Антония I. Ему было тогда 26 лет. Екатерина через Г. А. Потемкина приглашала его в Россию, предлагая ему крупную должность, но он уклонился от этого.

Родился он в Тбилиси 8 января 1762 года, в тот самый день, когда в Петербурге скончался его дед Теймураз II. В память деда его и нарекли при крещении Теймуразом.

10 марта 1801 года, то есть накануне своей смерти, император Павел получил донесение, что вся Грузия приняла присягу на подданство России, в знак монаршего благоволения к католикосу Антонию II пожаловал ему белый клобук с серафимами и бриллиантовым крестом на переднике.

Император Александр I в день коронации наградил его орденом Александра Невского.

Более 20-ти лет управлял он грузинской церковью. В 1810 же году был вызван в Россию, где Александр назначил его членом Синода, богато одарил, наградил мантией со скрижалями, орденом Андрея Первозванного и ежегодным пансионом на сумму в 54 000 рублей, довольно значительную. Но то ли дороговизна петербургской жизни, где нужно было содержать большую свиту, то ли другие причины, быть может, климатические, вынудили его переехать из Петербурга. Он выбрал Нижегородскую губернию, вероятно потому, что здесь жили его родственники: Георгий Александрович, с которым они были троюродные братья, вдова Левана Левановича со своим семейством и свойственник его по матери Н. А. Даднани. В Катунках жили также Цицпановы.

Около четырех лет Антоний II жил в Лысково у Георгия Александровича, а затем весной 1824 переехал в Нижний, где занимал дом «наsupротив» Покровской церкви.

В этой церкви грузинам был отведен Харлампиевский придел для отправления по воскресным и праздничным дням богослужения «на их языке».

Антоний II преподнес церкви старинную чудотворную икону св. Троицы. Он служил иногда в кафедральном соборе и в Крестовоздвиженском монастыре. Службу вел на грузинском языке, в то время как все остальные священники и певчие на русском. На богослужении «по слабости ног» обычно сидел.

В Нижнем он отпевал преосвященного Монсея, внезапно

скончавшегося в карете. В этой церемонии принимал участие греческий митрополит Агафангел, «нечаянно» очутившийся в Нижнем вместо Нежина.

После кончины Александра I Антоний дважды приводил нижегородцев к присяге — сначала Константину, потом Николаю.

Он любил содержательный, степенный разговор. Хранил драгоценную для него коллекцию грузинских книг, оставшихся ему от Антония I.

Парадные выезды совершал в золотой карете, подаренной ему Александром I и принадлежавшей раньше императрице Елизавете. Карета была французская, запрягалась шестью лошадьми с шорами и со страусовыми перьями на головах. Его выезды сопровождалась обычно толпами.

Он много помогал бедным, а также грузинам, живущим в Нижнем.

Перед смертью, не имея накопленнй, просил, чтобы выдаваемое им его людям жалованье было обращено в пенсию, как это делалось в отношении и других из штатов царевичей и царевен, что и было исполнено.

Николай I дал разрешение похоронить его за государственный счет; выплатить долги и отпустить деньги на сооружение Антонию надгробного памятника.

Все хлопоты по похоронам принял на себя Георгий Александрович. Погребен Антоний был сначала в кафедральном соборе Нижнего, но по прошествии 14-ти лет перенесен «собственными руками» Грузинского под своды нового Преображенского собора, где и положен в алтаре Дмитриевского придела по правой стороне. Собор существовал с 1350 года, неоднократно перестраивался. В нем была усыпальница великих князей и Минина. Среди его икон была и Иверская 1672 года, перенесенная сюда великим князем Константином Васильевичем из Суздаля. Икона принадлежит кисти Симона Ушакова.

Надгробие Антонию из белого мрамора с бронзовым, ярко вызолоченным гербом Грузии, ставил архитектор Ефимов, строивший новый храм, ныне уже не существующий.

После смерти Антония все его грузинское церковное имущество было отправлено в Грузию, ордена Невского и Андрея Первозванного возвращены в капитул, а драгоценная панагия и крест с клобука — в число коронных драгоценностей.

Католикос, то есть, «вселенский», как именовались все восточные патриархи, кончил свою жизнь в 1828 году «вдали от всего, что было ему дорого и мило».

В 1817 году в Петербурге скончалась мать Георгия Александровича — Дарья Александровна Меншикова-Грузинская. Александр I приехал в дом покойной, чтобы почтить память жены человека, к которому его бабушка, Екатерина II, была так строга. Георгий Александрович перевез тело матери в Лысковский собор и похоронил рядом с дочерью и внуком.

Карьера его самого уже шла к закату. Все это время — с 1807, — он был предводителем дворянства. За гробом Антония он и генерал-губернатор А. Н. Бахметьев, брат его покойной жены, шли рядом «в полной парадной форме».

Но вот 19 декабря того же 1828 года «правительствующий Сенат в указе Нижегородскому губернскому правлению» сообщил, что по повелению Николая I против кн. Грузинского возбуждено дело «о проживающих в его имении беспаспортных и бродягах». Генерал-губернатор поручил «произвести расследование чиновнику особых его поручений статскому советнику Ермилову».

Расследование Ермилова было представлено в Сенат. Николай повелел, чтобы дело было решено «без очереди, так как оно наводит стыд на лицо, занимающее важнейшее в губернском дворянстве место по доверию всего сословия». Сенат предписал князю Грузинскому немедленно явиться для объяснений по означенному делу, а пока что должность предводителя дворянства поручить кандидату на эту должность, княгининскому уездному предводителю Шебуеву, «состоящему под баллами». Шебуев тут же вступил в должность.

С волнением и любопытством листаем «Записку по делу кн. Грузинского». С 1825 года по февраль 1828 в Макарьевском уезде поймано 433 «бродяги», из которых 352 в одном лишь Лыскове. На вопрос о том, откуда они взялись, отвечали разное. Их ответы были «с истиной совершенно не сходны» и даже «нелепыми». Они путали губернии, уезды, в которых раньше будто бы жили, и имена своих помещиков.

Суд их всех, несмотря на явные ложь и противоречия, не наказал, за что генерал-губернатор велел макарьевского исправника Мезенцева «предать осуждению», а также и прочих членов земского суда. Он распорядился также произвести следствие о содержании князем Грузинским в селе Лыскове беглых людей.

Крестьянин Матвей Филатов, проживая у помещика в Москове, претерпевал жестокие побои. Он бежал еще с другим человеком и явился в Нижний к князю Грузинскому, уже зная, что он принимает у себя чужих крепостных. Князь отправил их в Лысково, дав другие имена. При этом они получили по 10 руб-

лей. В дальнейшем они были поставлены на должности, кто камердинера, кто певчего и получали в год по 80 рублей.

В момент тревоги им велели выехать из села и не говорить, что они тут проживали. Но они рвались назад, так как у них в Лыскове оставались семьи и работа.

А отправили их в село Межуйки князя Черкасского.

Другой беглый, определенный коновалом, получил от князя две лечебные книги «с присовокуплением, если чего не знает, чтоб там смотрел».

Камердинер Сергей Ферапонтов брил и одевал князя и имел в Лыскове свой дом. Беглыми были также лакеи Василий и Варсонофий и безымянный кучер. Филипп Васильев шил священникам ризы, Иван Катунский «жил при Георгиевской церкви», то есть присматривал за ней.

«Девка», которая «блудодействовала и прижила неизвестно от кого пять детей и теперь тоже считает себя беременной, живет с матерью без всяких письменных видов».

«Прачка Авдотья пришла сюда еще в малолетстве с отцом арапом Виктором Андреевым и матерью. Мать умерла, а она, полуарапка, живет». Когда беглые женились, князь благословлял их образом. Беглые были обнаружены и на винокуренном заводе князя. И в самом доме его проживали в течение десяти лет пять человек.

На требование явиться в сенат князь представил свидетельство о болезни. В оправдание он писал, что на всех этих беглых он хотел оформить купчую, но не мог сыскать владельцев, которые то умирали, а то «были неизвестны», и кроме того, будучи беспрерывно предводителем дворянства, он редко бывал в Лыскове и плохо знал тамошние дела.

В деле имеется также «записка Бенкендорфа», этого вернейшего николаевского сатрапа. Он надеется, пишет он, в скором времени лишить князя Грузинского всех средств делания злоупотребления и беспорядки. Частным образом он, Бенкендорф, получил сведения, что генерал-губернатор Бахметев есть самый близкий родственник князя, а именно родной брат его жены. «Князь Грузинский с давних лет, как уверяют, позволяет себе всякого рода противозаконные и самовольные поступки в крайней степени. Он не только во множестве содержит беглых, но и записывает их в ревизские ведомости умерших крестьян. В порывах своего буйства он избил своими руками множество крестьян, купцов и даже дворян. Ташил их в приказную избу в Лыскове, где заковывал в кандалы, и простирал свою дерзость до того, что наказывал их батогами и другими телес-

ными истязаниями... Производил незаконную продажу вина с своего завода и на баржах по реке Волге.

Выборы, как вообще уверяют, зависят совершенно от него. Он вводит в собрание и допускает к выборам всякого рода дворян, находящихся под судом и тому подобным. Боясь дерзости и буйства его, не решаются ему возражать.

Многих он вытесняет из собрания, устраивая оные из одних приверженцев своих, коих ежегодно угощает пиршеством. В день выборов многие из них являются в развращенном виде. Известные буйством, нетрезвостью и необыкновенной телесной силой отставные лейб-гусары Юрков и Житков готовы на всякую дерзость против того, кто осмелится противиться князю. И губернские чины боятся его, и он имеет возможность вмешиваться в дела, до него не касающиеся».

Служащий в нижегородской казенной палате губернский секретарь Моисеев показал, что он, «быв в селе Лыскове по должности», отведен был князем Грузинским в вотчинный его приказ и посажен «в цепь, с причинением ему побоев». В деле фигурирует также жалоба титулярного советника Янова о рукоприкладстве над ним. Капельмейстер, венгерский подданный Собака, тоже писал на князя жалобу, что тот поил его дурманом, от которого у него было головокружение и дрожание конечностей.

Он, видимо, действительно не умел обуздывать себя. На городской псарне у него было до 800 собак разных пород и «возрастов». Стоило ему увидеть где-нибудь породистого пса, как он не успокаивался, пока не заполучал его. На этой почве и произошло роковое для него столкновение с канцлером Румянцевым, который явился в Нижний осматривать ярмарку и зачем-то привез с собой пару редких собак-водолазов. Георгий Александрович ухитрился выкрасть их. Разгневанный канцлер воспользовался предлогом и возбудил против него дело о беглых, которые до этого жили в Лыскове десятилетиями.

Георгий Александрович вторично и окончательно был отстранен от должности.

Теперь ему трудно было найти себе применение.

Между тем Нижний разрастался, ширился. Он становился крупным центром судоходства и торговли. Через Нижний за сезон проходило до 2200 судов. Ярмарка собирала еще больше народу. Здесь в бесчисленных рядах стояло множество балаганов, харчевен, в которых «без отдыха» варят мясо и пекут пироги. «Какая пестрая картина!» Казаки. Огромные мастерские, хлебопекарни. Фокусники и танцовщики на канатах. Праздношатающиеся. Паяцы. Бурлаки и лодочники. Оркестр, игроки в

жегли. Мясники, закалывающие быков и баранов; их мясо тут же выставляется для продажи. Разносчики. Армяне и греки. Персияне, татары и русские приказчики. Важный князь. Купцы и «спекуляторы». Бухарцы. Мальчики на побегушках. Местные кружевницы. Прохладительные напитки, сласти. Китайские ряды, модная линия, торговля чаем.

Георгий Александрович систематически приходил смотреть товары, которые привозили из Грузии: бумажные материи, розовое масло, жемчуг, шкуры выдр, кунц, бобров и лисиц «черноушек», пудами шелк кошанский и шемахинский, багдадские платки, чернильные орешки, шафран, пряденая красная бумага и другое.

Дочь его вышла замуж, жила в Италии, Франции. Жена и сын давно умерли. Он был одинок. Остаток жизни провел в Лыскове.

Умер в глубокой старости. Под конец жизни страдал бессонницей и потому никогда не ложился спать. Его дворец всю ночь был освещен, как в самых парадных случаях, а он ходил из комнаты в комнату и изредка садился в кресло подремать. Вся дворня и комнатная прислуга при этом бывала на ногах.

Кресло его было устроено на специальном помосте перед окном, из которого открывался обширный вид на двор усадьбы и на Волгу.

Скончался он от внезапного удара, увидев в окно мужика, не снявшего шапку при проходе через двор.

В 20-х годах его посетил Ф. Ф. Вигель, современник и знакомец А. С. Пушкина, автор интересных воспоминаний. Вот что он пишет в них о Георгии Александровиче: «Царского происхождения, с полуденной кровью, с пылкими страстями, с крутым нравом, князь Грузинский точно княжил в богатом и обширном селении своем Лыскове, на берегу Волги, насупротив маленького городка Макарьева. Все приезжие, покупатели и торгующие, находя в Лыскове гораздо более удобств и простора, нанимали тут квартиры на время ярманки, и это время для Грузинского было самое блистательное и прибыльное в году, так что с каждым годом, казалось, сила его умножается. Переведение этого огромного торжища в Нижний Новгород нанесло первый, но решительный удар его могуществу. Я не нашел его столь страшным. Видно, к проезжим был он милостивее, ибо я не могу нахвалиться его приемом, когда у него обедал. Он был в это время вдов: жена его, урожденная Бахметева, скончалась во цвете лет, замученная столь же частыми изъявлениями его бешеной любви, как и порывами его неукротимого гнева, и оставила ему сына и дочь. Сын, гвардии офицер, умер еще

в молодости; а единственная прелестная тогда дочь его убежала общества и, вопреки обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те любят ее показывать».

После смерти Георгия Александровича Лысково досталось его дочери, а от нее по завещанию перешло к побочному сыну князя — Стогову. Но это были уже времена «оскудения дворянства» — конец XIX века. Лысково приходило в упадок.

В рассказе «Старые годы» П. И. Мельников-Печерский так описывает Лысково: «Величественный дворец, строенный в прошлом столетии по плану Растрелли, окруженный полуразвалившимися флигелями и службами, господствуя над Волгой, угрюмо смотрит на новую действительность, словно сокрушаясь, что минули старые годы.

Мы пошли в сад. Огромный, версты на полторы, тянется он по венцу горы, а по утесам спускается до самой Волги. Прямые аллеи, обсаженные вековыми липами, не пропускающими света божьего, походили на какие-то подземные переходы. Местами, где стволы деревьев и молодых побегов срослись в сплошную почти массу, чуть не ошупью надо было пробираться по сырým гнилым обвалившимся суши и листьям, которых лет восемь—десять не убирали в запущенном саду.

Кой-где уцелели каменные постаменты, на них стояли статуи. Куда после девались они, бог знает...

Смелой аркой был перекинут через овраг каменный мост. За мостом павильон. Давно свалились его двери, вышиблены из окон его рамы, ветер да зимние вьюги свободно гуляют по комнатам, где чего не бывало в старые годы... В одной комнате уцелели фрески, и какие фрески! Недюжинный художник их работал. Вот Венера в объятиях Марса — хорошо сохранились свежие роскошные перси и руки богини красоты, досадная улыбка безобразного Вулкана. На другой стене нагая Леда страстно прижимает лебедя, на третьей свеженькая нимфа лениво отталкивает обхватившего ее сатира.

Между тем сотский привел одного из хранителей дворца. Сыростью и гнилью пахло, когда открыли двери. Из-под ног поднималась густая пыль, а ворвавшийся в растворенные двери поток свежего воздуха колыхал отставшие от стен и лохмотьями висевшие дорогие, редкостные когда-то шпалеры. Грустью и печалью веяло со стен запустелого жилища былой роскоши».

П. И. Мельников-Печерский видел на стенах и портреты: самого Георгия Александровича — «открытое лицо с римским носом и выдающеюся вперед нижнюю губую выражало спесь

непомерную и крутую волю», Варвары Николаевны, супруги князя — «высокой статной женщины в желтом атласном пампадуре с черными кружевами. Лицо было прекрасно, в глазах много ума, но тихая затаенная грусть виднелась в них».

«Один портрет особенно поразил меня. В голубой робе на фижмах, с тонко и кокетливо перетянутой галлей, стояла молодая женщина: прекрасная ее рука, плотно обтянутая длинной перчаткой, играла розою».

Это была жена сына князя Грузинского Ивана Георгиевича, умершая совсем молодой. Стосковавшись по мужу, она поехала за ним в полк, в дороге простудилась и померла. Он вышел в отставку и тоже вскоре умер от горя.

В настоящее время дворца уже не существует.

Лысково стало нарядным, красивым, современным городом, сохранившим вместе с тем в центре свои прежние приятные черты: раздолье и волнующую тишину широких улиц. В здании школы, построенном еще Георгием Александровичем, внедрявшим здесь образование в пику окрестным владельцам, звенят детские голоса. Возвышаются храмы, хранящие память о прошлом. Есть еще несколько зданий, которые помнят былое. Но в основном здесь другая жизнь, иные песни.

И лишь вид на матушку Волгу, могучую реку, и Макарьев на том берегу остался неизменным.

Георгий Александрович был противоречив, как все незаурядные люди, жил на переломе двух эпох, к тому же унаследовал тяжелый характер отца. Он никогда не участвовал в тронных исканиях отца и деда, понимая, должно быть, их тщетность, но в то же время жалел, возможно, о том, что его жизнь прошла в стороне от исторических судеб Грузии. Его буйства и неудовлетворенности, возможно, идут от этого. Сложись его жизнь иначе, он мог бы, согласно Рештскому и Гянджинскому трактатам с Персией, как законный и единственный потомок Бахтанга VI, царствовать, — может быть, эта тайная и горькая мысль и делала его таким заносчивым и угрюмым.

«ИЗВЕСТНАЯ ГРАФИНЯ»

I

В очерке «Волжское село» мы рассказали о жизни правнука Вахтанга VI, хранителе некоторых грузинских сокровищ, предводителе нижегородского дворянства Г. А. Грузинском. И лишь коротко сообщили, что у него была дочь, «известная графиня Толстая».

Между тем жизнь и судьба ее представляют для нас не меньший интерес и являются в некотором отношении особенными.

Уже упоминавшийся нами литератор прошлого века Ф. Ф. Вигель во 2-м томе своих «Записок», рассказывая о посещении им Нижнего Новгорода в 1820 году, пишет: «Я представил веселую, забавную (хотя и не слишком) сторону тогдашнего нижегородского жителя... Всепопелительным деспотом с давних пор проживал в сей губернии сын одного грузинского царевича, князь Егор Александрович». Ф. Ф. Вигель рассказывает о том, что он был «царского происхождения» с полуденной кровью, с пылкими страстями», о ранней смерти его жены, сына и том, что он был «царского происхождения, с полуденной кровью и, вопреки обычаям других красавиц, столь же тщательно скрывала красоту свою, как те любят ее показывать».

И далее, о ней же: «Впоследствии она была замужем за одним весьма мне знакомым графом Толстым. Ее набожность, ее уединенная жизнь до высочайшей степени возбуждали любопытство праздных провинциалов; от того множество догадок, выдумок. Пострижение в монахи одного юноши, воспитанного в доме отца ее, подало мысль о целом романе. Утверждали, что когда влюбленные признались князю во взаимной страсти, он объявил им, что брак их дело невозможное, ибо молодой человек — его побочный сын и на сестре жениться не может; тогда оба дали обет посвятить себя монашеству. Одна путешественница, английская леди, бывшая в Москве, посетила и Троицкую лавру, где отец Антоний, мнимый любовник, был тогда наместником. Ей рассказали о поэтическом начале его жизни, она со-

ставила из этого трогательную повесть и напечатала ее в одном великолепном кипсеке. А я полагаю, что, наследуя упрямство отца, девушка просто отказывалась от света, потому что он желал ее видеть в нем и того требовал».

Легковесный стиль Ф. Ф. Вигеля таков, что поначалу вызывает часто недоверие к самим сообщаемым им фактам. И действительно — тут тебе и полуденный князь, и прелестная дочь, и несчастная любовь, и даже путешествующая английская леди. Однако давно установлено, что в тоне пустой развязной болтовни Вигель передает важные сведения, рассказывает о подлинных событиях.

Здесь, в приведенном отрывке, все верно, хотя и не полно. А. О. Смирнова-Россет, приятельница Пушкина, Лермонтова и Гоголя, тоже рассказывает об этой романтической истории.

«Антоний был побочный сын грузинского царевича и родился в его доме в Нижнем, красивой наружности и очень самолюбивый. Отец сделал из него аптекаря и лекаря. Единственная дочь царевича Анна Егоровна влюбилась в красивого юношу. Царевич уговорил сына посвятить себя богу и церкви и отослал его в Саровскую пустынь. Вскоре его постригли. Дочь, княжна, не хотела выходить замуж, что очень огорчало старика-отца, и просилась в монастырь. Он ее отпустил, и она отправилась в Костромскую губернию, в тамошнюю обитель».

Таким образом, Антоний и Анна Георгиевна не только «дали обет посвятить себя монашеству», но и исполнили его. Далее А. О. Смирнова сообщает, что вскоре «игуменья заметила, что душа Анны Егоровны была взволнована. Письменно она известила царевича, что считает его дочь не созданной к монастырской жизни», и отец забрал ее из монастыря.

А. О. Смирнова хорошо знала Анну Георгиевну, они принадлежали к одному обществу, это был общий круг. Она знавала также Антония, с которым познакомиться в Загорске в бытность его настоятелем.

Антоний (в миру Медведев) после пострижения быстро зашагал по нерархической лестнице и в 1831 году стал уже настоятелем Троице-Сергиевской лавры в нынешнем Загорске. Более того, расцвет этой, одной из двух крупнейших в России лавр, связан с его именем.

А. Н. Муравьев, обследовавший некоторые монастыри и церкви, писал обер-прокурору Синода графу Н. А. Протасову в 1837 году: «В Троицкой лавре, в которой я провел на празднике два дня в чрезвычайной суете, я заметил однако ж с большим утешением благочиние и устройство, которые завел там наместник архимандрит Антоний, человек весьма замечатель-

ный в быту монашеском, по своему собственному духовному образованию, полученному в Саровских лесах. Его ежедневная трапеза для нищих, и больница, где сам лечит, и богадельня, где всякий вечер читает сам правила всей братии, поистине заслуживают внимания. В семилетнее его управление Троицкая лавра совершенно преобразилась».

Известно также, что Антоний ездил по святым местам Палестины и Синая, собирая там старинные рукописные книги и другие русские древности, которые и привез в Россию. Он был ближайшим сподвижником московского митрополита Филарета.

Анна же Георгиевна, к большому огорчению отца, не вышла замуж, вела уединенный образ жизни и отличалась особенной религиозностью. Жила она в это время в Нижнем Новгороде, где отец ее был губернским предводителем дворянства. Дом их стоял на нынешней Грузинской улице. Вместе с садом он занимал два квартала, размеры его для деревянного здания были огромны. Сразу видно было, что здесь некогда жил екатерининский вельможа.

Нижегородский краевед Храмцовский указывает в своем труде о Нижнем Новгороде, что «сад графини Толстой с тенистыми липами и березовыми аллеями и множеством фруктовых деревьев занимал в окрестности более версты. Набожная графиня ходила в Покровскую церковь, ныне не существующую, прихожанкой которой она была. Здесь, в 1820—1828 гг. не раз служил последний католикос Грузии Антоний II. Занималась музыкой, которую очень любила.

На Покровке же, в собственном доме, напротив Благородного собрания жило семейство князей Трубецких, ее двоюродных братьев и сестер. Мать их, Дарья Александровна Грузинская, была ее родной теткой.

«Тогда в верхней части города, — читаем мы у другого нижегородского краеведа, Гасницкого, — жили по преимуществу дворяне и чиновники, в нижней — купцы. Местом городских гуляний был Черный пруд. Балы в дворянских домах и у губернатора начинались не позже 7-ми и оканчивались не позже 11-ти. На масленице нижегородский бомад катался по городским улицам в колоссальных саях в виде лодки, запряженных в 8 и 10 лошадей с музыкой и песнями. Улицы и тротуар мостились лесом, по которому ездили, как по полу».

Но Анна Георгиевна, как мы уже знаем, избегала всех этих удовольствий, чуралась общества и проводила дни уединенно **то в нижегородском доме — зимой, то в лысковском — летом,**

где были чудесный парк и вид на Волгу. Помногу она бывала также под Москвой, в с. Всесвятском, памятном ей по детству.

Будучи красивой девушкой и богатой невестой, она неизменно отвергала все предложения, проведя в одиночестве лучшие молодые годы. Эта верность данному обету, отрешенность от самой себя не могут не вызывать уважения. Недалекие люди, правда, называли это причудю. Позже и тургеневские девушки, верные своему единственному чувству, тоже казались им странными. Нет сомнения, однако, в том, что ее твердость во многом объяснялась и ее набожностью, которая тоже была средством противопоставить себя окружающей действительности, и всему тому в ней, что разрушало прежний уклад. Княжна Грузинская, как это видно из всей ее жизни, хотела найти какие-то определенности, что-то неизменное, прочное и находила это в вере и любви.

Усиление религиозного чувства, как протест против нарастающего влияния торгового капитала и иных примет «нового времени», разрушающих сложившуюся дворянскую этику, было характерной чертой тогдашнего общественного движения. Церковь стала прибежищем для тех, кто за церковными догмами «не убий», «не лги» и т. д. видел возможность сохранить честь и лицо в сложном мире экономических эволюций. В спасении у бога некоторые искали разрешения волнующих их вопросов.

Мы еще увидим, что не только в жизни графини Толстой, но и в деятельности других крупных ее современников, таких, например, как Гоголь, эти религиозные мотивы и настроения играли существенную роль.

Анне Георгиевне шел 35-й год, князь был уже стар, она одинока и беспомощна, и вот в 1833 году она, наконец, связала свою судьбу с графом А. П. Толстым, генералом и губернатором тверским и одесским.

Почему она решила изменить своему обету, и чем определялся ее выбор? Во многом это объясняется личностью самого А. П. Толстого.

Но чтобы рассказать о нем, нам придется вернуться на много лет назад.

Царевич Георгий, младший сын Вахтанга VI, брат Бакара и Вахушти, крупный жертвователь Московского университета и строитель Георгиевской церкви на Б. Грузинской улице в Москве, был боевым генералом русской армии, участвовал во многих войнах, в том числе со Швецией, где командовал гренадерами и мушкетерами, в Рейнском походе, где «русские

впервые заявили о себе в Европе», в Семилетней войне. За боевые заслуги был награжден высокими орденами и чином генерал-аншефа, которого удостаивались выдающиеся военачальники. Кроме того, он был придворным императрицы Елизаветы и числился «действительным камергером».

Жизнь его протекала благополучно. Несчастлив он был только в своем потомстве. Два его сына умерли, а единственная любимая дочь Анна в 16 лет вышла замуж за князя А. Б. Голицына, «генерал-майора и кавалера» и тоже умерла в 1779 году в возрасте всего лишь 25-ти лет, оставив трех дочерей и сына.

Дети жили сначала с отцом, а потом после его смерти — с дедом царевичем Георгием Вахтанговичем. В 1793 году, уже после его кончины, они по велению Екатерины II переехали в Петербург. В собственноручном письме генерал-губернатору Москвы князю А. А. Вяземскому императрица писала: «Трем дочерям покойного Алексея Борисовича Голицына объявите желание мое, чтоб они сюда приехали». Она же затем и выдала их замуж.

Сын Анны, Георгий, был человеком интересным. Из воспоминаний известно, что «он рано лишился матери и получил воспитание в Париже, куда его отправили с гувернером-французом. Парижское воспитание дало ему прекрасное знание языка. Он был человек даровитый, обладал способностью рисовать и отличался остроумием». За вольнодумство был прован «якобинцем». В знак протеста против павловского режима небрежно и неохотно поцеловал императору руку, за что и был выслан из столицы.

Георгий не был женат и скончался сравнительно молодым, в возрасте всего лишь 39 лет.

Одна из его сестер, Софья, вышла замуж за генерал-адъютанта графа Э. Ф. Сен-При, который был начальником штаба Багратиона при Смоленске и Бородине, где так же, как и его командир, получил ранение. При Смоленске же командовал корпусом (4-м) граф Остерман-Толстой, женатый на другой дочери Анны — Елизавете.

Старшая же дочь А. Б. Голицына — Мария (1772—1826) была выдана за П. А. Толстого.

Это был приятель и соратник Багратиона. Он отличился при взятии Варшавы и штурме Праги. Был близок последовательно к Екатерине, которая сама «возложила» на него орден Георгия III степени, к Павлу и к Александру I, «оком» которого он был в кампанию 1813-14 годов во Франции.

Мария принадлежала к высшему придворному кругу. «Она

имела ум оригинальный, с необыкновенными странностями». Посол Наполеона Савари в «листочках новостей», отсылавшихся им систематически в Париж, пишет о ней, как о важном лице в петербургском обществе. Была она известна и в Москве.

Скончалась в возрасте 54-х лет, погребена в Донском монастыре, рядом с мужем.

У них было много детей, гордившихся своим происхождением.

За одного из сыновей генерала П. А. Толстого и Марии, Александра Петровича, и вышла Анна Георгиевна Грузинская, сплетя две братские ветви Багратионов — царевичей Бакара и Георгия. Будучи оба прямыми потомками Вахтанга VI в четвертом колене, они были таким образом четвероюродными братом и сестрой. Анна Георгиевна была последней в старшей ветви сыновей Вахтанга — Бакара, Александр Петрович принадлежал к младшей — Георгия.

Уже одно это делало этот брак необычным, значимым. Кроме того, Александр Петрович был тоже человеком набожным, может быть, не в меньшей степени, чем сама княжна.

Но было и еще одно обстоятельство, которое делало этот брак не совсем обыкновенным. Ограничимся свидетельством той же А. О. Смирновой: «35-ти лет она вышла за А. П. Толстого, святого человека. Он подчинялся своей чудачке и жил с нею, как брат... Все эти Толстые оригиналы», — заключает она.

Да, они жили как брат и сестра, и это было удивительно для тех, кто не знал о пережитом ею в юности тяжелом потрясении, о горячем и горьком обете, данном ею и отцом Антонием.

Александр Петрович был человеком высокообразованным, владел в совершенстве несколькими языками, в том числе греческим, был в разное время губернатором, тверским и одесским, обер-прокурором синода, членом Государственного совета, генералом.

Но он не был карьеристом, ценил людей независимых и передовых. Он, например, предлагал свое сотрудничество М. А. Бакунину, известному анархисту и бунтарю. Гумбольдт, де Местр, Карамзин, Каподистрия, Жуковский, Сперанский, Пушкин, Гоголь были его близкими знакомыми или друзьями. В литературе о Гоголе к нему существует и другое отношение, как к реакционеру, вызванное, очевидно, его набожностью, «ханжесством» и скептическим отношением к попыткам общественного движения изменить существующее положение вещей в России, что отражено, в частности, в его переписке с Н. В. Гоголем.

«Одарен был весьма тонким и изящным умом, впечатлительным и способным к самым тонким постижениям». Особенно любил грехов и Грецию.

Гоголь, например, с его скептицизмом по отношению к царской администрации и крайним неприятием всей военно-бюрократической системы николаевской России, считал его «феноменом государственного человека — суров, строг, честен, не терпит лести, истинно верующий».

У них был собственный дом. Частичное представление об их быте дают воспоминания А. О. Смирновой-Россет.

«Граф вывез дьячка из Иерусалима. Это был такой чтец, слова выкатывались, как жемчуг. После обедни пили чай в длинной гостиной; его разливала Софья Петровна (сестра графа). Подавался чай, кофе, шоколад, крендели и сухари всякого рода. В гостиной стоял рояль и развернутые ноты, музыка вся духовного содержания. Графиня была большая музыкантша. Граф бегло читал и говорил по-гречески; акафисты и каноны приводили его в восторг; они писаны стихами, и эта поэзия ни с чем не может сравниться».

Графиня принимала по вечерам с семи часов. Серафима Голицына им читала вслух какую-нибудь духовную книжку, а через день приходил греческий монах и читал тоже... Вся ее забота состояла в том, чтобы угодить мужу. Она видела только тех, которых любил ее муж. «Как я люблю греческий звук, потому что граф его любит. И вас я люблю потому, что он вас любит. Мы благодарны Гоголю за наше знакомство». «Все эти Толстые оригиналы, а больше всего Александр Петрович».

В этом описании чувствуется некоторое сгущение красок. А. О. Смирнова была человеком другого склада. В ее литературном салоне собирались Пушкин, Вяземский, Лермонтов, Карамзин, Гоголь, она была не чужда общественных интересов и не избегала светских радостей. Поэтому отрешенность, отгороженность от мирского, столь ревностная религиозность казались ей чрезмерными.

Но все это было, конечно, не совсем так. В молодости Александр Петрович служил на военной службе, в 1834-37 гг. был тверским губернатором, в 1837—1840 — одесским военным губернатором и как таковой общался с большим количеством людей и, естественно, принимал их у себя.

II

В России было сложно, тяжело. Николай и III отделение во главе с Бенкендорфом глушили все живое. Крепостное право изживало себя. Не случайно поэтому многие русские люди пу-

тешествовали за границей. Они ищут в Европе как бы ответа на интересующие их вопросы и вообще хотят пожить в атмосфере более свободной, располагающей к свободному обмену мнений. Не говоря о Герцене и Огареве, уже многие годы живет за границей Жуковский. Уехали Гоголь, Смирнова-Россет. Отправились путешествовать, подобно многим другим, и граф и графиня Толстые.

Теперь мы можем приступить к рассказу о том, что является, пожалуй, самым интересным в жизни графа и графини Толстых.

В 1842-43 гг. в Париже они знакомятся с Гоголем.

В длинном обстоятельном письме к Н. М. Языкову от 12 ноября 1844 года из Франкфурта Н. В. Гоголь сообщает: «...У меня есть один приятель, с которым ты после познакомишься. Он теперь в Париже, но весной или летом будет в Москве, именно граф Александр Петрович Толстой, брат того, которого ты знаешь. Человек потому замечательный, что принадлежит к слишком немногочисленному числу людей, которые способны сделать много у нас добра при нынешних именно обстоятельствах России, который не с европейской заносчивой высоты, а прямо с русской здоровой середины видит вещь. Он много видел, был два раза губернатором, в Одессе и Твери, умел видеть ошибки другого и даже свои собственные, и теперь стал на такую точку, что может, не распекая и не разгоняя людей, сделать существенное добро, то есть умирить там, где иной с благородным намерением добра может произвести кутерьму и раздор».

В другом письме ему же от января 1845 года Николай Васильевич пишет: «...В Париже проживу месяц, а может быть, и более; самого Парижа я не люблю, но меня веселит в нем встреча с близкими душе моей людьми, которые в нем теперь пребывают, а именно с графинями Вьельгорскими и гр. Толстым, братом того, которого ты знаешь, у которого я и остановлюсь, а потому ты адресуй следующие твои письма на имя графа Толстого в Париж, улица Мира, отель Вестминстер, № 9».

Еще в другом письме ему же, рассказывая о пребывании в Париже, Гоголь пишет: «О Париже скажу тебе только то, что я вовсе не видел Парижа. Я и встарь был до него не охотник, а тем паче теперь... Никого, кроме самых близких моей душе, то есть графинь Вьельгорских и графа А. П. Толстого, не видел... Противу всякого чаяния, я прожил, однако ж, эти три недели хорошо, в отношении моральном. Жил внутренне, как в монастыре».

О графе и графине Толстых упоминается также в письмах Гоголя к А. М. Вьельгорской («Я вспомнил, между прочим, о графине Толстой, находящейся ныне с вами в Париже»), Н. Н. Шереметевой («В Париже виделся только с одними близкими, немногими, но прекрасными душами»), В. А. Жуковскому («Граф Толстой также говел вместе со мной»), С. М. Соллогу («В Грефенберге граф А. П. Толстой, который всем вам сердечно и душевно кланяется»), опять В. А. Жуковскому («Ехать в Грефенберг... меня побудило самое пребывание в Грефенберге графа А. П. Толстого»).

Затем тон сообщений Гоголя становится все теплей, сердечней. А. О. Смирновой из Рима: «Часто бываю у Апраксиной, Софьи Петровны, потому что она также очень добра и при том сестра моего любезного Александра Петровича»; В. А. Жуковскому из Флоренции: «Я только заеду на три дня в Париж единственно для того, чтобы взглянуть на моего доброго графа А. П. Толстого». Ему же из Остенде: «На днях я был обрадован почти неожиданным приездом любезного моего графа А. П. Толстого, вам весьма известного». П. А. Плетневу из Неаполя: «Граф Александр Петрович Толстой мой большой друг и человек очень нужный для России во многих существенных отношениях».

Находясь в Неаполе, Гоголь ожидает А. П. Толстого, «который также к этому времени приедет в Неаполь с тем, чтобы выпроводить меня к святым местам, а может быть даже, и самому туда пуститься».

В другом письме, к М. А. Константиновскому, ржевскому протопопу, с которым Гоголя познакомил граф Толстой, Николай Васильевич сообщает: «Графа Александра Петровича я видел на один день во время проезда его в Англию... Он должен был отложить возврат свой в Россию до весны. Он будет также в Неаполе для свидания со своей сестрой Апраксиной. Стало быть, я с ними опять увижусь».

Далее Гоголь сообщает, что Толстой «тоскует», и в другом письме к этому же лицу рассказывает о причине этой тоски: «Видя его тоскующую душу и безотрадные жалобы на жизнь, потерявшую для него цену, которой конца он ожидал с нетерпением, я старался склонить его взять какую-нибудь должность внутри России и взглянуть на это, как на дело христианское... Я услышал о множестве всякого рода несправедливостей и беспорядков, происходящих ныне от начальников, не умеющих как следует взяться за это дело. Александр Петрович, как человек, искушенный опытом и всякими испытаниями, мне казался теперь особенно нужным в России. Об этом я

писал к нему письма, которые не попали в мою книгу и не пропущены, тогда как, по моему убеждению, они гораздо нужнее и полезнее всех помещенных».

Переписка Гоголя с Анной Георгиевной и Александром Петровичем отражает все нарастающую их духовную близость, быстро перешедшую в дружбу. Здесь мы видим сообщения о погоде, о Жуковском, наставления, как молиться, о божьей благодати, отсутствие которой должно делать надежду на бога еще сильней и тверже. Поучения перемежаются признаниями: «Часто желалось бы иметь под боком вас или подобно вам думающего только о спасении души». О затянувшейся зиме, о наводнении, полученных и пропавших письмах, о врачах, купаниях, о кофе и молоке. Упреки за молчание. Описания неба и солнца в Риме и воздуха в Неаполе. Жалобы на болезни: «Я худею, вяну и слабею и с тем вместе слышу, что есть что-то во мне, которое по одному мановению высшей воли выбросит из меня недуги все вдруг, хотя бы и смерть летала надо мной». Об императоре Николае I и встрече его с папой Григорием XVI. Просьба ссудить брата художника Иванова, архитектора, деньгами при проезде его через Париж. О черкесах: «Бог не даром сберегает простоту некоторых народов и хранит в ущельях и горах остатки патриархального быта». Извещает о скором приезде к Толстым в Париж. Они встречаются также в Гrefенберге, где вместе лечатся, в Остенде, Риме и Франкфурте. Гоголь поддерживает отношения с братьями и сестрой Александра Петровича, Софьей Петровной, о которой А. О. Смирнова пишет Гоголю, что «она слывет очень гордой, как все Толстые грузинской породы». Софья Петровна живет то в Риме, то в Неаполе, повседневно общаясь с Николаем Васильевичем, о чем он тоже сообщает в письмах: «Здесь ваша сестрица». В другом письме извещает, что виделся с братьями Алексеем и Иваном Петровичами и получил весточку от Софьи Петровны, которая зовет их всех в Неаполь. «Племянник ваш находится в Нордернеу»... «Из русских... да ваша родственница Сен-При-Долгорукая». «Мысль, что проведу с вами ползими в Неаполе, очень радостна». В одном из писем к Анне Георгиевне просит передать «глубочайший» поклон отцу ее, Георгию Александровичу, которого, по-видимому, знал. В письме из Остенде от 11 сентября 1847 года просит Толстых узнать, дошло ли до Белинского его письмо. Белинский жил в Париже в одном отеле с Толстыми.

Анна Георгиевна находилась как бы в тени этой мужской дружбы. Да и вообще она не любила выставять себя напо-

каз, из-за чего и осталась во многом недооцененной современниками. На портрете В. Гау, написанном в Париже в 1844 году, мы видим еще молодую женщину, «прелестную», с выражением кроткого, но непоколебимого чувства внутреннего достоинства. В больших печальных глазах, устремленных прямо на нас, уверенность человека, идущего своим путем. Облик ее настолько привлекателен, что вызывает пристальное внимание и оставляет прочное, не размываемое временем, впечатление.

Гоголь очень тоскует по России, но состояние здоровья удерживает его в Италии. В письмах к Толстым он подробно рассказывает о лечении, благодарит за присылку лекарств. Вместе с тем усиливаются религиозные настроения Гоголя, и это тоже находит отражение в письмах: «Нам прежде всего нужно жить в боге, а не в России. Ведь мы знаем, что без божьей воли ничего не делается. А воля божья разумна, воля божья знает, что нам нужно. Будем исполнять закон Христа, а о России бог позаботится и без нас». Гоголь беспокоится о пропущенной строке в молитве, которую дал Толстым, рассказывает о чтении для души Златоуста и Макария Египетского. И опять: «Помолимся же вновь, добрый друг мой Александр Петрович, о том...» и т. д.

14 января 1845 года Н. В. Гоголь приехал в Париж. Вторую половину января и февраль он в Париже у Толстых. В августе-сентябре вместе с Александром Петровичем лечится в Грефенберге. В следующем году в мае Гоголь опять гостит в Париже у Толстых. Он вновь приезжает к ним на несколько дней в августе из Остенде, где в свою очередь посещает его Александр Петрович. Николай Васильевич в это время продолжает работу над «Перепиской с друзьями». В мае 1847 года он пишет Толстому: «На днях выезжаю из Неаполя и обниму вас лично в Париже». В ноябре-декабре Н. В. Гоголь опять в Неаполе, где часто видится с С. П. Апраксиной и приехавшим к ней А. П. Толстым. Под влиянием Толстого Гоголь начинает изучать греческий язык.

В следующем году, уже в России, Гоголь переезжает на постоянное жительство к Толстым.

В его письмах мы читаем также рассказы о Мальте, о путешествии в Иерусалим, которое он предпринял, чтобы замолить грехи. («О, как велика тайна нашего искупления!») Он заезжал также в Оптину пустынь («Благодать, видимо, там присутствует»). И наконец из Васильевки, своего родного сельца, где готовит к печати второй том «Мертвых душ», пи-

шет графу бодрое письмо: «Силы умственные, слава богу, еще свежи».

Письма его полны поучений. С. Т. Аксаков пишет: «Гоголю начинало мешать его религиозное направление... Гоголь, беспрестанно погруженный в нравственные размышления, начинал думать, что он может и должен поучать других и что поучения его будут полезнее его юмористических сочинений. Во всех его письмах тогдашнего времени, к кому бы они ни были писаны, уже начинает звучать этот противный мне тон наставника».

Поучает Гоголь и А. О. Смирнову, и В. А. Жуковского, и графинь Вьельгорских и других своих корреспондентов, так что неудивительно, что иногда он не может дождаться ответа: «Что с вами делается, бесценный Александр Петрович? и отчего до сих пор от вас нет ни строчки?» (1845 г.). В другом письме 1846 года: «Что с вами? Где вы? И отчего от вас до сих пор ни одной строчки? Я писал к вам из Гrefенберга, где пробыл около месяца и все поджидал вашего брата Алексея Петровича».

В 1847 году Н. В. Гоголь выпустил «Выбранные места из переписки с друзьями», в которых развивал идеи и мысли второго тома «Мертвых душ», над которыми тогда работал. Книга оказалась неудачной и вызвала резкую критику даже среди друзей Н. В. Гоголя. С. Т. Аксаков, наиболее близкий к Н. В. Гоголю по духу, назвал «Выбранные места» сплошной «ложью, дичью и нелепостью, которая делает Гоголя посмешищем всей России». В. Г. Белинский разразился своим знаменитым «Письмом к Гоголю», в котором характеризовал книгу, как «тяжкий грех», который должно «искупить новыми творениями», напоминающими «прежние».

Нас в данном случае интересуют адресаты. Посмотрим, кому адресованы письма Гоголя.

Главы книги, написанной в форме писем, обращены к самым близким друзьям: А. О. Смирновой — три письма, Н. М. Языкову и Вьельгорским — тоже по три, В. А. Жуковскому и С. П. Шевыреву — по два. Несколько адресатов остались неустановленными; относительно статьи «Русский помещик» в литературе о Гоголе высказывалось мнение, что основу ее составили беседы Николая Васильевича с племянником А. П. Толстого В. В. Апраксиным, крупным помещиком-землевладельцем.

К самому А. П. Толстому обращены семь писем. Это «Значение болезней» — отрывок из письма Н. В. Гоголя А. П. Толстому; «Несколько слов о нашей церкви и духовенстве»

и «О том же» (В основу этих двух статей были положены беседы и переписка Н. В. Гоголя с А. П. Толстым о вере и о русской церкви), «О театре, об одностороннем взгляде на театр и вообще об односторонности», «Нужно любить Россию», «Нужно проездиться по России» и «Занимающему важное место». Кроме того, со слов самого Н. В. Гоголя мы знаем, что он «писал к нему письма, которые не попали в мою книгу и не пропущены, тогда как, по моему убеждению, они гораздо полезнее и нужнее всех помещенных».

Статья «Нужно любить Россию» по своим моралистическим тенденциям перекликается с речью губернатора из заключительной главы второго тома «Мертвых душ», а сам губернатор наделен некоторыми чертами, приписывавшимися Н. В. Гоголем А. П. Толстому.

В «Выбранных местах» Н. В. Гоголь критиковал бюрократический аппарат, высшее дворянское общество и современные ему социальные устои, делился мыслями о положении в России. Вот что пишет Гоголь в статье «Нужно любить Россию», адресованной А. П. Толстому: «Всякое истинное русское чувство гложет, и некому его вызвать». «Дремлет наша удаля, дремлет решимость и отвага на дело, дремлет наша крепость и сила, дремлет ум наш среди вялой и бабьей светской жизни, которую привили к нам под именем просвещения». «Бесчинства, неправда, взятки вызывают уже не крики негодования благородных на бесчестных, но вопль всей земли», все это производит «черствую досаду да уныние».

В статье «Нужно проездиться по России», адресованной ему же, Гоголь пишет: «Еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях, никогда различие образования и воспитания не отталкивало так друг от друга всех, никогда еще не было такого разлада во всем». «Образовался другой, незаконный ход действий, мимо законов государства, и уже обратился почти в законный, так что законы остаются только для вида; и если вникнешь пристально в то самое, на что другие глядят поверхностно, то закружится голова и у наиумнейшего человека».

«Вы очень хорошо знаете, что приставить нового чиновника для того, чтобы ограничить в воровстве прежнего, значит сделать двух воров вместо одного. Да и вообще система ограничения самая мелочная система. Человека нельзя ограничить человеком: на следующий год окажется надобным ограничить того, который приставлен для ограничения, и тогда ограничениям не будет конца. Нужно оказать доверие к че-

ловеку. Кто знает, что на него смотрят, как на мошенника, и приставляют к нему со всех сторон надсмотрщиков, у того невольно отнимаются руки. Нужно развязать каждому руки, а не связывать их; нужно напирать на то, чтоб каждый держал сам себя в руках, а не на то, чтоб его держали другие».

Н. Гоголя критиковали не за эти констатации, а за призыв к смиренню.

К А. П. Толстому обращены также два письма о церкви, о которых В. Г. Белинский отозвался, что «времена наивного благочестия давно уже прошли для нашего общества». Интересно другое письмо — «О театре»: «Нападения ваши на театр односторонни и несправедливы. Разберите лучше: точно ли восстают против театра или только против того вида, в котором он теперь является. Надо смотреть на вещь в ее основании и на то, чем она должна быть, а не судить о ней по карикатуре, которую на нее сделали. Театр ничуть не бездельница и вовсе не пустая вещь, если принять в соображение то, что в нем может поместиться вдруг толпа из пяти, шести тысяч человек и что вся эта толпа может вдруг потрястись одним потрясением, зарыдать одними слезами и засмеяться одним всеобщим смехом. Это такая кафедра, с которой можно сказать миру много добра».

«Друг мой, — писал Гоголь в заключение этого письма, — храни вас бог от односторонности: с нею всюду человек производит зло: в литературе, на службе, в семье, в свете — везде! Односторонний человек самоуверен, дерзок; всех вооружает против себя. Односторонний человек ни в чем не может найти середины. Односторонний человек может стать только фанатиком».

III

Неуспех книги привел Гоголя к выводу, что ему нужно ехать в Россию. Живя долго за границей, он, по его собственному признанию, «отстал» от русской действительности. Его связи с русским обществом, в особенности с мыслящей его частью, оказались ослабленными, а то и совсем разорванными.

Приехав в Москву, он некоторое время жил у М. П. Погодина, а затем переехал к Толстым.

Дом на Суворовском (б. Никитском) бульваре, напротив Дома журналистов, в котором он прожил четыре года своей жизни, где сжег рукопись второго тома «Мертвых душ» и где умер, и был домом Анны Георгиевны и Александра Петровича.

Они приобрели его у наследников участника Отечественной войны 1812 года генерал-майора А. И. Талызина.

Он не перестроен, имеет, как и тогда, шестнадцать окон во двор и пять на улицу, в два этажа, с каменным балконом на колоннах во дворе. На том месте во дворе, где стоит теперь памятник Николаю Васильевичу, был колодец с журавлем.

Вспоминает поэт и переводчик Н. В. Берг: «Жил в то время Гоголь тихо и уединенно у графа Толстого на Никитском бульваре, занимая переднюю часть нижнего этажа, окнами на улицу, тогда как сам Толстой занимал весь верх. Здесь за Гоголем ухаживали, как за ребенком, предоставив ему полную свободу во всем. Он не заботился ровно ни о чем. Чай, обед, завтрак, ужин подавались там, где он прикажет. Белье его мылось и укладывалось в комод невидимыми духами. Кроме многочисленной прислуги дома, служил ему в его комнатах собственный его человек именем Семен. Тишина во флигеле была необыкновенная. Гоголь либо ходил по комнате из угла в угол, либо сидел и писал, катая шарики из белого хлеба, про которые говорил друзьям, что они помогают разрешению самых сложных и трудных задач...

Когда писание утомляло и надоедало, Гоголь подымался наверх к хозяину, не то надевал шубу, а летом испанский плащ без рукавов, и отправлялся пешком по Никитскому бульвару». Н. В. Берг пишет, что Гоголь находил тут «во всякий свой приезд в Москву все, что нужно для самого спокойного и комфортабельного житья... тихое, уединенное помещение и прислугу, готовую исполнить все его малейшие прихоти».

Д. А. Оболенский, родственник хозяина, описывает, как работал Гоголь: «Граф А. П. Толстой сказывал мне, что ему не раз приходилось слышать, как Гоголь писал свои «Мертвые души»: проходя мимо дверей, ведущих в его комнаты, он не раз слышал, как Гоголь один, в запертой горнице, будто бы с кем-то разговаривал, иногда самым неестественным голосом».

Гоголь поселился в двух комнатах. «Первая вся устлана зеленым ковром с двумя диванами по стенам. Поперек комнаты стол, у дивана другой. На обоих столах несколько книг, кучками одна на другой...» (Проф. О. М. Бодянский). Вторая комната была спальня.

Здесь, в этом доме состоялось знакомство Гоголя и И. С. Тургенева, которого привел к Гоголю знаменитый актер М. С. Щепкин.

И. С. Тургенев пишет: «Помню день нашего посещения:

20 октября 1851 года... Комната его находилась возле сеней, направо. Мы вошли в нее, и я увидел Гоголя, стоявшего перед конторкой с пером в руке. Он был одет в темное пальто, зеленый бархатный жилет и коричневые панталоны.

Увидев нас с Щепкиным, он с веселым лицом пошел к нам навстречу и, пожав мне руку, промолвил: «Нам давно следовало быть знакомыми». Мы сели. Я — рядом с ним, на широком диване». «Его белокурые волосы, которые от висков падали прямо, как обыкновенно у казаков, сохранили еще цвет молодости, но уже заметно поредели; от его покатога гладкого белого лба по-прежнему так и веяло умом. В небольших карих глазах искрилась по временам веселость — именно веселость, а не насмешливость; но вообще взгляд их казался усталым...»

5 ноября 1851 года здесь, в комнатах А. П. Толстого, состоялось чтение «Ревизора» для актеров и литераторов. Присутствовали С. Т. и И. С. Аксаковы, С. П. Шевырев, И. С. Тургенев, Н. В. Берг и другие писатели, а также актеры М. С. Щепкин, П. М. Садовский и Шумский.

И. С. Тургенев отмечает, что Гоголь поразил «чрезвычайной простотой и сдержанностью манеры, какой-то важной и в то же время наивной искренностью, которой словно бы и дела нет — есть ли тут слушатели и что они думают. Казалось, Гоголь только и заботился о том, как бы вникнуть в предмет, для него новый, и как бы вернее передать собственное впечатление. Эффект выходил необычайный... С каким недоумением, с каким изумлением Гоголь произнес знаменитую фразу городничего о крысах... «Пришли, понюхали и пошли прочь!»—Он даже медленно оглянул нас, как бы спрашивая объяснения такого удивительного происшествия. Я только тут понял, как неверно, поверхностно, с каким желанием только поскорее насмешить обыкновенно разыгрывается на сцене «Ревизор».

Живя у Толстых, Гоголь упорно работал над вторым томом «Мертвых душ», которые готовил к печати. Главы из него он читал в Абрамцеве Аксаковым, А. О. Смирновой в Калуге, И. В. Капнисту, С. П. Шевыреву и, конечно, Анне Георгиевне и Александру Петровичу. Но работа шла трудно. Он пишет Жуковскому: «Творчество мое лениво. Стараясь не пропустить и минуты времени, не отхожу от стола, не отодвигаю бумаги, не выпускаю пера — но строки лепятся вяло, а время летит невозвратно».

Религиозно-мистические настроения его усиливаются. Московский врач Овер, тогдашняя знаменитость, лечивший Акса-

ковых и случайно заставший у них Гоголя, выходя, сказал В. С. Аксаковой о нем: «Несчастный!» «Отчего же несчастный?» «Ипохондрик, не приведи бог его лечить, это ужасно!» (Б. Земенков. Гоголь в Москве, М., 1954).

Очень подействовала на Н. В. Гоголя смерть сестры его друга и поэта Н. М. Языкова, бывшей замужем за А. С. Хомяковым. «Смерть моей жены и мое горе сильно его потрясли», — писал А. С. Хомяков. Ее смерть, по словам доктора А. Т. Тарасенкова, «поразила его до чрезвычайности». «С тех пор он был в каком-то нервном расстройстве» (А. С. Хомяков).

Еще за границей Гоголь через А. П. Толстого вступил в переписку с попом Матвеем Константиновским, отрицавшим литературу и искусство, как пособников беса. Теперь он с ним познакомился лично.

«Что послания Константиновского, — вспоминает Ив. Щеглов, беллетрист, — в результате имели разрушительное действие на Гоголя, — едва ли здесь приходится повторять... Но это было ничто в сравнении с живым словом. Испытанный оратор, о. Матвей тем более увлекался, чем очевидно было впечатление на слушателя, и становился тем беспощаднее в своем обличении, чем беспомощнее оказывалась жертва». «Ничто земное нас не должно прельщать», — утверждал он.

Непосредственно после отъезда попа Гоголь бросил литературную работу. Началась духовная агония. Гоголь перестал принимать пищу и лекарства. Близкие боролись за его жизнь. Анна Георгиевна и Александр Петрович делали все, чтобы спасти его.

Л. И. Арнольди, брат А. О. Смирновой, с которым Гоголь ездил к ней в Калугу, слушавший в чтении Николая Васильевича главы второго тома и оставивший подробный пересказ их, вспоминает, что в напряженные дни болезни Гоголя он встретился с гр. А. П. Толстым у И. В. Капниста, общего их знакомого.

«Как здоровье Николая Васильевича? — спрашиваю я у графа. — Он очень плох, почти без надежды, — отвечал граф. — Сегодня будет еще консультация, посмотрим, что скажут доктора. Гоголь никого не слушается, не принимает никаких лекарств и никакой пищи, и я пришел просить И. В., которого Гоголь очень любит и уважает, захватить к нему еще раз и уговорить его послушаться приказаний медиков. Не знаю, удастся ли нам?..»

Не удалось. Гоголь по-прежнему отказывался есть и только пил разбавленную красным вином воду.

Все лучшие московские врачи ежедневно посещали его, но он отказывался принять их помощь. Он «объявил решительно, что мучить себя не позволит, что бы там ни случилось» «Случится то, что вы умрете!» — сказал Овер. «Ну, что ж! — отвечал Гоголь. — Я готов... я уже слышал голоса...» (Н. В. Берг).

Почувствовав приближение смерти, Гоголь позвал к себе графа Толстого и просил его принять на сохранение рукопись второго тома «Мертвых душ», а по смерти его отвезти ее к московскому митрополиту Филарету и просить его совета, что напечатать, а что оставить в рукописи. «Пусть он наложит свою руку; что ему покажется ненужным, пусть зачеркивает немилосердно». Граф отказался принять бумаги, чтоб не показать больному, что считает его положение безнадежным, и эта его дружеская деликатность имела последствия самые непредвиденные.

Вот что известно по рассказу слуги Гоголя.

В три часа ночи он разбудил своего Семена, надел теплый плащ, взял свечу и велел Семену следовать за собой в кабинет. Там, отобрав из портфеля некоторые бумаги, велел свернуть их в трубку, связать тесемкою и положить в камин. Семен бросился перед ним на колени и убеждал его не жечь, чтоб не жалеть, когда выздоровеет.

— Не твое дело, — отвечал Гоголь и сам зажег бумаги.

Гоголь ворочал листы, крестясь и тихо творя молитву до тех пор, пока они не превратились в пепел.

Семен плакал и говорил:

— Что это вы сделали!

— Тебе жаль меня? — сказал Гоголь, обняв его, поцеловал и сам заплакал.

Потом он воротился в спальню, крестясь по-прежнему в каждой комнате, лег на постель и заплакал еще сильнее.

На другой день он объявил, что сделал, графу Толстому с раскаянием, жалел о содеянном и приписывал сожжение рукописи влиянию нечистого духа.

Александр Петрович отвечал, что его раскаяние — хороший признак. Он напомнил ему: «И прежде вы сжигали все, а потом выходило еще лучше». Гоголь при этих словах стал как бы оживляться. Граф продолжал: «Ведь вы можете все припомнить?» — «Да, — отвечал Гоголь, положив руку на лоб, — могу, могу: у меня все это в голове».

Однако это был минутный всплеск. С этой ночи он стал еще более слабеть. Напрасно граф пытался развлечь его разговорами о близких ему предметах: о письмах общих дру-

зей или об образке матери, который затерялся было, но нашелся вновь. Гоголь отвечал с недоумением: «Что вы говорите! Можно ли рассуждать о подобных вещах, когда я готовлюсь к такой страшной минуте!»

Подавленный случившимся, он впал в полную апатию и в 8 часов утра 21 февраля скончался.

Когда на следующий день родственник Толстых Д. А. Оболенский, только что узнавший о кончине, вошел в комнату Гоголя, среди которой стояла кафельная печь, еще полная пепла от сгоревшей рукописи, перед аналоем дьячок протяжно читал псалмы. Он в этот момент произнес: «И бых яко человек не слышай и не имый во устех своих обличения».

Тело Гоголя было перенесено для отпевания в университетскую церковь. Среди тех, кто нес его гроб, был великий русский драматург А. Н. Островский.

«Огромная университетская церковь не вмещала народу... Даже ночью приходил народ, чтобы поклониться ему. Можно сказать, что вся Москва перебивалась у гроба».

Из церкви вплоть до Даниловского кладбища гроб несли на руках. У Никитских ворот его взяли студенты. «За гробом семь верст до кладбища пешком шло несметное число лиц всех сословий... Нить погребения была так велика, что нельзя было видеть конца поезда».

Гоголя положили недалеко от Языкова. На могильном камне написано изречение Ефрема Сирина: «Горьким смехом моим посмеюся...»

В сожженной рукописи Гоголь хотел дать светлую сторону, положительные примеры. Н. А. Добролюбов: «Он захотел представить идеалы, которых нигде не мог пайти». Из разоблачительного его произведение должно было стать панегирическим. Положительными героями в николаевскую эпоху могли быть только декабристы, петрашевцы, революционные демократы и с ними все те, кто подрывали существующие устои, а не призывали к смирению и ура-патриотизму. Художник в Гоголе восставал против благочестивого мыслителя, и в этом была причина душевных мук великого писателя и сожжения им своего труда.

Благочестие Гоголя было еще осложнено болезнью. «Нет выше звания, чем монашеское, — пишет он в письме к графу А. П. Толстому. — И да сподобит нас бог когда-нибудь надеть простую рясу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость».

Вскоре после похорон Гоголя все его бумаги, в том числе сохранившиеся черновые варианты «Мертвых душ», были переданы графом А. П. Толстым другому близкому другу Гоголя — С. П. Шевыреву.

Сразу после его смерти Толстых постигли еще новые удары. В Петербурге скончался брат Александра Петровича — Иван, тоже потомок Вахтанга VI. Он погребен в Александроневской лавре. А 15 мая 1852 года в своем поместье Лысково под Нижним Новгородом на 90-м году жизни умер отец Анны Георгиевны Георгий Александрович Грузинский, последний прямой наследник Вахтанга VI, человек, с которым связана целая эпоха в жизни Нижнего Новгорода.

На его похороны, помимо Трубецких, Голицыных, Бахметевых, Меншиковых, Багратионов, Цициановых, Татишевых и других родственников, съехались также многие нижегородские дворяне, которыми он предводительствовал двадцать с лишним лет. Ушел человек, знавший Екатерину, Павла, Александра I, Николая I, Пушкина, Карамзина, Гоголя и многих других деятелей XVIII и XIX столетия.

Похоронен он в Лыскове в Спасо-Преображенском соборе рядом с матерью, сыном, женой и сестрой.

Для Анны Георгиевны это были тяжелые дни. С отцом были связаны детство, юность, много пережитого, прожитого. Теперь это уходило навсегда. Огромный растреллиевский дворец и парк будили слишком много воспоминаний. Уезжая, она окинула последним взором раздольные волжские берега, парадные церкви Нижнего Новгорода. Ей казалось, что жизнь ее кончается.

Годы с 1856 по 1862 Толстые провели в Петербурге, где граф был обер-прокурором синода, то есть министром по делам церкви.

Раньше, несмотря даже на уговоры Гоголя, А. П. Толстой не хотел «взять себе административную должность». В частности, из «Выбранных мест» видно, что ему предлагали губернаторскую должность на Кавказе, но он отказался, вполне, по-видимому, понимая, какую политику ему придется проводить там. Теперь же он согласился занять государственный пост из-за смерти Николая и возбужденных его наследником надежд на обновление.

Разочаровавшись в них, он вновь оставил государственную службу.

Скончался Александр Петрович в 1873 году в Женеве, о

чем историк М. А. Погодин сообщил в «Московских ведомостях».

Там же были траурные сообщения вдовы и сестры покойного, Анны Георгиевны и Анны Петровны Бахметевой. Они оповещали, что церковные службы будут совершаться в домашней церкви Толстых при их доме на Садово-Кудринской улице. Тело по прибытии из Женевы поставлено в церкви Покрова в Кудрине, о чем тоже сообщалось в газете. Похоронила его Анна Георгиевна в Донском монастыре рядом с его родителями — прославленным русским генералом и внучкой царевича Георгия.

Дом на Никитском она продала и переселилась в свой прежний на Садово-Кудринской.

Анна Георгиевна осталась совсем одинокой. Нет, была, конечно, многочисленная родня, но из близких никого уже не оставалось.

Еще в 1844 году Н. В. Гоголь из Франкфурта писал А. М. Вьельгорской в Париж об Анне Георгиевне, что «она множество набрала материалоз к себе в душу и держит их точно под замком, не применяя их к делу». Обращаясь к Вьельгорской, он пишет: «Если бы вы ее могли заставить войти в положение какого-нибудь несчастливца, которому нужна помощь, и заинтересовать ее им».

Такими «несчастливцами» Анна Георгиевна всегда занималась, о чем Гоголь в то время, очевидно, не знал. В мемуарной литературе она как раз и известна «своей благотворительностью». Теперь попечительство становится ее основным занятием. Она жертвует крупные суммы в Донской монастырь (2000 рублей), в Зосимовскую пустынь (6000 рублей) и в другие монастыри и церкви, оказывает помощь различным обществам, участвует в благотворительных предприятиях. В. П. Мещерский пишет в воспоминаниях о графине Толстой, «славившейся в Москве беспредельною добротой к горьким нуждам жизни».

Она пережила Александра Петровича на 15 лет и умерла в 1889 году на 92-м году жизни.

Все свое имущество, в том числе лысковское, как и само Лысковое, она завещала некоему Стогову, побочному сыну старого князя, вещи же, связанные с Александром Петровичем, в том числе принадлежавшие раньше Н. В. Гоголю, передала семье брата А. П. Толстого, проживавшей в Калужской губернии. Часть этих вещей, в том числе перо Гоголя, экспонируются теперь в Калужском историко-краеведческом музее. Еще раньше она распространилась со Всесвятским, продав его в

частные руки. Свой обширный дом с церковью, флигелями и садом на Садово-Кудринской, стоимостью более 100.000 рублей, Анна Георгиевна отказала в пользу московского духовенства. В доме, согласно ее воле, был устроен приют для сорока престарелых священнослужителей с наименованием его «Александровским» в честь Александра Петровича. Большие суммы также были предусмотрены ею на содержание и отопление и на первоначальное обустройство. В церкви при приюте она оставила все свои драгоценные иконы, всю утварь и ризницу, за исключением лишь ковчега с мощами грузинских святых, который должен был быть передан согласно завещанию в один из грузинских женских монастырей.

Главный дом, флигель и церковь входят ныне в комплекс зданий Филатовской детской больницы на Садово-Кудринской улице.

Незадолго до ее смерти в 1887 году в «Русском архиве» был приведен небольшой список лиц, еще живых, лично знавших Пушкина. Это были барон А. И. Дельвиг, журналист А. А. Красовский, графиня А. Г. Толстая и декабрист А. С. Гангеблов, сын русского генерала Симона Гангеблидзе. В то время не знали еще, что жива Вера Александровна Нащокина, жена друга Пушкина — Павла Воиновича, что обнаружилось в 1899 году, к столетнему юбилею со дня рождения А. С. Пушкина. Жила В. А. Нащокина во Всесвятском.

Похоронена Анна Георгиевна также в Донском монастыре, рядом с мужем. Могилы их не сохранились, хотя место их известно.

В «Мемориальных комнатах Н. В. Гоголя» на Суворовском бульваре лежит под стеклом альбом пьес Мендельсона, принадлежавший Анне Георгиевне. У входа на стенке можно прочесть краткую историю дома с упоминанием Александра Петровича и Анны Георгиевны. Есть немного о них и в литературных источниках, но история их жизни в целом не известна пожалуй никому. Я попытался по возможности восполнить этот пробел.

ЕКАТЕРИНА II И ГРУЗИНСКИЕ ДЕЛА

I

В ноябре 1768 года, за пятнадцать лет до подписания Георгиевского трактата с Грузией, Екатерина II послала в Коллегию иностранных дел запрос:

«1) По какой причине приезжал сюда отец Ираклия?»

2) Нет ли в Коллегии карты исправнее печатной и вернее, и как грузинские владения лежат и к каким соседние?»

3) Имеют ли грузинские владельцы морские порты на Каспийском или Черном море?»

4) Тифлис стоит на одних картах на Черном, а на других на Каспийском море, а в иных и среди земли!»

О всем сем, в Коллегии справясь, прислать ко мне.

5) Несколько времени тому назад, как был слух, что Ираклий принял католицкий закон; имеется ли о сем подлинное известие?»

Не правда ли, какая любопытная записка? В обе стороны ездят купцы и дипломаты. В Тбилиси побывало уже полтора десятка посольств. Только с 1492 по 1650 годы через Кавказский хребет проследовала 31 русская и грузинская миссии. Были в Тбилиси и путешественники, которые оставили подробные описания древнего города. Наконец сам он не на Камчатке, не в какой-нибудь географической глуши, а на дороге в Персию, с которой русские государи всегда стремились торговать. Западный берег Каспийского моря, на котором будто бы предположительно стоит Тбилиси, завоеван уже однажды Петром I, хотя и возвращен после его смерти Персии. Если б даже не было карт, составленных русскими послами или купцами, то мы знаем, что существовала карта Арчила II, которую он передал канцлеру Ф. А. Головину еще до 1713 года. Наконец, ведь есть подробные карты Грузии, составленные Вахушти! Они опубликованы даже в Париже, а в Петербурге и Москве известны еще с 1737 года. И вообще трудно поверить, что императрица, такая просвещенная, переписывающаяся с Вольтером и Дидро, не знает, где находится Тифлис.

Ведь это главный город Закавказья, стоящий на пересечении торговых путей, один из древнейших городов мира.

И откуда вообще могли взяться карты, на которых Тбилиси будто бы помещен то на Черном, то на Каспийском море? И кто смел подать императрице такие несуразные карты?

Обращает на себя внимание недовольный тон, каким написана записка. Кажется, что Екатерина писала ее в сильнейшем раздражении.

Оглянемся на предшествующие события.

12 октября императрице привили оспу, для чего из Англии был выписан искусный доктор Димсдаль, у которого из 6000 привившихся умер только один ребенок. Екатерина считала, что должна сама показать пример подданным. В письме к Фридриху II, своему старому другу, она писала, что не так давно, во время эпидемии, пережила сильный страх, в течение шести месяцев «перебегая от оспы с места на место», и хочет покончить с этим унижительным чувством. Пережитый ею страх и решение избавиться от него раз и навсегда, хотя бы и с риском, она тут же использует для своего прославления. Вместе с ней привили оспу и наследнику Павлу Петровичу. Их примеру последовала знать, а 22 ноября весь двор и чиновничество собрались в Казанский собор на обедню, после которой был зачитан указ Сената, в котором этот день на все будущие годы объявлялся торжественным в память «великодушного, знаменитого и беспримерного подвига» императрицы. После оглашения указа все присутствующие отправились во дворец поздравлять Екатерину.

Но сама она среди этих торжеств была озабочена, впрочем, умело это скрывая, турецкой войной, начавшейся совершенно неожиданно. Россия к ней не была готова. В эти дни Екатерина пишет в Москву генерал-губернатору графу П. С. Салтыкову: «Возвратясь 1 числа ноября из Царского Села, где я имела оспу, во время которой запрещено было производить дела, нашла я здесь полученное известие о заарестовании моего резидента Обрезкова в Царьграде, какой поступок не иначе мог принят быть, как объявление войны... На начинающего бог! Всякий видит, что не я начала; не в первый раз России побеждать врагов».

Разрыв с Турцией был вызван польскими делами. В связи с разгоревшейся в Польше гражданской войной между оппозиционерами, ориентировавшимися на Россию, и католиками, в Польшу были введены русские войска.

Противоборство России и Польши, имевшее место и в прежние бурные годы, времена Лже-Дмитриев и польских на-

шествий, историк С. М. Соловьев объясняет так: «Россия и Польша получили каждая свою историческую задачу соответственно своему положению. Польша должна сдерживать напор немцев с запада, Россия — напор варварских орд с востока. Польша не выполнила своей задачи, отступила перед напором, отдала свои области — Силезию, Померанию и Пруссию на онемечение; но, отступивши на Западе, она ринулась на восток, воспользовавшись ослаблением Руси от погрома татарского; она захватила Галич и посредством Литвы западные русские земли. Справившись с варварскими ордами, Россия начала двигаться на запад и нашла в западных русских областях наезд незваных гостей, которые ополячивали русский народ посредством католицизма... Россия двигалась на запад, Польша навстречу ей на восток; местом встречи, местом столкновения была западная Россия. Вопрос стоял так: или-или»¹.

«Перед Россией во второй половине XVIII века, добавляет он, стояли две основные внешнеполитические задачи, которые необходимо было решить: во-первых, задача обеспечения южных границ и выхода к Черному морю, связанная главным образом с отношениями России и Турции, и, во-вторых, задача воссоединения украинских и белорусских земель, затрагивающая прежде всего отношения с Польшей».

Королем Польши был избран ставленник Екатерины Станислав Понятовский, который, внешне изъявляя покорность, тайно содействовал противникам России. Борьба была долгой и упорной. Австрия и Франция прилагали все усилия к тому, чтобы побудить Турцию выступить против России. Польские события интересовали Турцию уже хотя бы потому, что она, выступая под маской защиты польской независимости, стремилась присоединить к себе польскую Подолию. В начале сентября 1768 года русский посол в Константинополе Обрезков доносил, что нынешний главный визирь смнен по причине его слабости и вялости и на место его назначен кутаисский паша, человек, по слухам, наглый и грубый. С этого момента события стали разворачиваться стремительно: придравшись к незначительному пограничному инциденту в Балте, Турция потребовала вывода русских войск из Польши. Ответа у посла потребовали немедленно. Отказ А. М. Обрезкова дать какие-либо гарантии без ведома Петербурга повел к аресту посла и заключению его, что было равносильно объявлению войны.

¹ С. Соловьев. История России с древнейших времен. М., 1965, т. 25—26, стр. 435.

Таким образом, вернувшись из Царского Села, где она «имела оспу», Екатерина получила пренеприятнейшее известие о заточении Обрезкова и о начале первой русско-турецкой войны, которая поставила перед правительством целый ряд сложившихся проблем. Разрыв с Турцией отодвинул на некоторое время все остальные дела на задний план.

Представим себе этот день, кабинет Екатерины с его светлыми окнами, в котором, как она сама сообщала Вольтеру и мадам Жоффрен, матери короля Станислава-Августа, работала каждое утро с 6 до 8, рассылая записки, запросы и распоряжения. «Я встаю в 6 утра постоянно, читаю и пишу до восьми». То в капоте, то в свободном легком платье «молдаван» собственного кроя она отдавалась здесь течению своих мыслей. «Я желаю только доброго стране, куда бог меня привел. Слава страны составляет мою собственную. Вот мой принцип: была бы я очень счастлива, если б мои идеи могли этому способствовать» (из письма к Жоффрен).

Вот некоторые из этих идей: «Российская империя столь обширна, что, кроме самодержавного государя, всякая другая форма правления вредна ей, ибо все прочее медлительнее в исполнениях и многое множество страстей разных в себе имеет, которые все к раздроблению силы и власти влекут...»

Это отсюда она пишет письма к европейским просветителям, в которых предстает хранительницей свободы: «Противно христианской религии и правосудию обращаться в рабство людям, которые все рождаются свободными». Это в России-то! «Свобода — душа всех вещей! Без тебя все мертво! Я хочу, чтоб повиновались законам, а не рабов. Хочу общей цели — сделать счастливыми... Власть без доверия народного ничего не значит...»

Это для европейцев, а для своих у нее другие убеждения: «Рабы и слуги существуют от сотворения мира», и это «богу отнюдь не противно»; рабы должны своих господ, не только добрых, «но и не нравящихся, любить и почитать» повиноваться им «от всего сердца», все их приказания «охотно, верно и в надлежащее время исполнять».

Я. Л. Барсков, по мнению Н. Я. Эйдельмана, один из лучших знатоков екатерининского правления, отмечает, что «ложь была главным орудием царицы; всю жизнь, с раннего детства и до глубокой старости, она пользовалась этим орудием, владея им, как виртуоз, и обманывала родителей, гувернантку, мужа, любовников, подданных, иностранцев, современников и потомков».

В то время, как крестьянство стонет от невыносимых побороз, она здесь, в светлом кабинете, пишет умильным тоном: «Гонение человеческие умы раздражает, а дозволение верить по своему закону умягчает и самые жестоковыйные сердца». «Законы и в том должны иметь попечение, чтоб рабы и в старости, и в болезнях не были оставлены».

И как апофеоз лицемерия, беззастенчивое письмо Вольтеру: «Наши подати вообще так умеренны, что в России нет крестьянина, который бы не ел курицы, когда захочет, и что с некоторых пор он предпочитает индеек».

В кабинете ее посещают не только фантазии, но и благие мысли: «Не будет ли больше опасности позволить молодым людям заграничные путешествия (часто боятся, чтоб они не ушли совсем), когда сделают им отечество любезным; я заключаю великий смысл в этом слове. Государство не много теряет, если лишится двух или трех пустых голов, и если отечество будет таково, каким я желаю его видеть, то мы будем иметь больше новобранцев, чем беглецов». «Снисхождение, примирительный дух государя сделают более, чем миллионы законов, и политическая свобода даст душу всему».

Это здесь она писала знаменитый «Наказ» — руководство для составления нового Уложения, — в котором настойчиво проводила свои главные идеи, доказывая, что деспотизм вызван пространствами России, а не классовыми причинами: «Государь есть самодержавный, ибо никакая другая, как только соединенная в его особе власть, не может действовать сходно с пространством толь великого государства. Всякое другое правление не только было бы России вредно, но и вконец разорительно... Европейские государства отличаются от азиатских свободою в отношениях подданных к правительствам... Надобно в уме ясно и точно представить: что есть вольность? Вольность есть право все то делать, что законы дозволяют, и, ежели бы где какой гражданин мог делать законами запрещаемое, там бы уже вольности не было. В государстве вольность не может состоять ни в чем ином, как в возможности делать то, чего хотеть не должно».

«Государственная вольность, — продолжает Екатерина свое рассуждение, о котором не знаешь, что и сказать, — в гражданине есть спокойствие духа, происходящее от мнения, что всяк из них собственной наслаждается безопасностью, и, чтоб люди имели сию вольность, надлежит быть закону такову, чтоб один гражданин не мог бояться другого, а боялись бы все одних законов. Равенство всех граждан состоит в том, чтобы все подвержены были тем же законам».

Речь здесь идет, разумеется, лишь о равенстве дворян между собой, и то реально никогда не существовавшем.

Это здесь она, немка, писала об Артемии Волинском, анализируя его опыт борьбы с немецким засильем: «Всегда государь виноват, если подданные против него огорчены; изволь мериться на сей аршин; а если кто из вас, мои дражайшие потомки, сии наставления прочтет с уничтожением (т. е. пренебрежет ими, не придаст им значения. — Б. А.), так ему более в свете, и особливо в российском, счастья желать, нежели пророчествовать можно».

Сейчас не до писания: момент слишком острый. В кабинете, кроме нее, наверняка напряженный, всегда серьезный и собранный Н. И. Панин, ведающий внешней политикой, может быть, граф Г. Орлов и еще кто-нибудь из ближайших придворных. Обсуждается ситуация, намечается план войны, назначения генералов П. А. Румянцева и П. И. Панина командующими армиями. Обычно ясный ум Екатерины взволнован, возбужден. Это и понятно: не прошел еще первый момент ошеломления, вызванный беспрецедентным поступком турок, чувства пока в смятении, не приведены в спокойствие. Она понимает всю сложность войны с Турцией при еще неумиротворенной Польше. К тому же это первая война в ее царствование. Очевидно, здесь впервые возникает идея «диверсии» со стороны Грузии: «Императрица желает, чтобы Порта была занята в другом месте», то есть чтобы силы ее были отвлечены еще и на другой фронт. Но Кавказ для нее в тумане, он существует лишь как прилежащее к Турции пространство, через которое можно сделать под нее подкоп. Тут, очевидно, и пишется злополучная записка, в которой Екатерина обнаруживает раздражение, что с ней бывало редко. Заинтересоваться картами Грузии заставляет необходимость, и недовольство ее проистекает из того, что приходится заниматься проблемами Грузинского царства как бы насильно, вопреки желанию и даже убеждению... Здесь же Екатерина намечает еще одно важное долгосрочное мероприятие и сама диктует фамилии.

На следующий день, 4 ноября, «в десять часов поутру по особливому ее величества повелению собрались ко двору» назначенные накануне лица: граф Разумовский, Н. И. Панин, З. Г. Чернышев, П. И. Панин, М. Н. Волконский, А. М. Голицын (вице-канцлер), Г. Г. Орлов, М. М. Вяземский.

Это было первое заседание Совета, на котором под председательством Екатерины решались главные вопросы войны.

На третьем заседании 12 ноября положили: направить в

Морею, к далматам, в Грузию и «ко всем народам нашего закона», то есть веры, сообщенные о войне.

Идея отвлечения на другой фронт турецких сил с помощью Грузии зрела. Как раз в это время в Петербург прибыл посол имперетинского царя Соломона I, кутаисский митрополит Максим с архимандритом и двумя монахами. В грамоте, поданной императрице через Н. И. Панина, Соломон просил: 1. «Приобщить к империи». 2. «Если сие несонзволено будет, то подкрепить нас средствами и необходимыми боевым материалом... ибо мы в военных надобностях имеем великий недостаток». 3. В случае невозможности дальнейшего сопротивления, принять «нас в империю, как и другие цари приняты были».

Случай сам шел в руки. Архимандрит, находившийся в его свите, вместе с поручиком Грузинского гусарского полка Хвабуловым тут же пустился в обратную дорогу. Он вез предложение Екатерины к царям Соломону и Ираклию выступить на стороне России в войне против Турции. Хвабулову же было поручено способствовать миссии архимандрита и приложить все усилия, чтобы обеспечить вступление Восточной и Западной Грузии в войну.

Предложение Екатерины было встречено в Грузии положительно, даже с радостью.

Ираклий надеялся с помощью России возратить Южную Грузию, отторгнутую Турцией, укротить лезгин и, кроме того, и в дальнейшем оградить Грузию от посягательств Турции и Ирана. Соломону же русская армия нужна была для внутриполитического укрепления страны, изгнания турок из Западной Грузии. И Соломон также рассчитывал вернуть захваченные турками грузинские земли.

С ответными посланиями поехали А. Андроникашвили — посол Ираклия II, и Давид Квинихидзе — от Соломона I. Предварительным условием участия в войне Ираклий и Соломон ставили получение помощи войсками и деньгами.

Поскольку участие Грузии в войне с турками было желательно и даже необходимо для России, на Совете решено было послать в Закавказье русский корпус. При этом Екатерина писала европейским просветителям, что цель ее «поддержать от превозмогающего мусульманства православное царство Грузинское». Но на самом деле, как мы знаем, цель ее была другой.

Такие же энергичные усилия поднять против турок разные народы и раздробить турецкие силы предпринимались и на Балканах. В Средиземное море был послан русский флот.

Вот как — несколько картинно и поверхностно — описывает эти события С. М. Соловьев: «Соломона враждебные ему князья — он запретил работорговлю — свергли с трона, возведя на него его двоюродного брата Теймураза. Соломон удалился в горы, а в Петербург с просьбой о помощи отправил кутаисского митрополита Максима. Но еще прежде получения ответа Соломон сверг Теймураза с престола и воссел на него сам. Екатерина решила отправить к Соломону небольшой воинский отряд, «могший показать имеретинцам все преимущества порядочного войска», четыре пушки, два единого рога и 50.000 денег. Затем Панин написал Соломону, чтобы он постарался уговорить Ираклия тоже принять участие в действиях против турок. Соломон отправился к Ираклию в Тифлис, и оба царя направили к Екатерине послов с изъявлением своей готовности выступить против турок. Екатерина назначила в Грузию графа Тотлебена, который умолил императрицу принять его снова в русскую службу».

Как видим, в этом описании событий все затушевано и завуалировано. Ираклий и Соломон не «изъявили желание», а пытались воспользоваться представившимся случаем освободить захваченные турками грузинские земли, то есть решали историческую задачу Грузии. С тех пор, как Византия захватила земли Баграта Куропалата — Южную Грузию, Тао-Кларджети, — то есть еще со времен Василия Болгаробойцы и Георгия I (II век) Грузия пыталась вернуть эти земли, населенные и поныне грузинами, которыми владела сначала Византия в целях ослабления Грузии, а затем Турция, захватившая вообще все Византийское государство. Теперь представился случай возвратить их с помощью России.

В «Истории СССР»¹ отмечается, что «военные действия проходили на Дунае, в Крыму и в Закавказье, куда царские войска вступили по просьбе Грузии». Царские войска вступили туда с согласия, даже благожелательного согласия Грузии, но инициатива в постановке вопроса, как мы видим, принадлежала России.

На Совете, как уже сказано, было решено направить в Грузию русский корпус. Встал вопрос о военачальнике. Екатерина решает назначить Тотлебена.

Обратимся к личности этого человека, само назначение которого лучше всего характеризует истинное отношение Екатерины к грузинским делам.

О Тотлебене имеется довольно богатая печатная литерату-

¹ «История СССР». Учебное пособие, ч. I, «Мысль», М., 1973, стр. 100.

ра на французском, голландском, немецком и русском языках. Одна из работ о нем озаглавлена — «Граф Тотлебен, один из авантюристов XVIII века».

Тотлебен ранее уже был выслан Екатериной из России? но потом прощен.

Он родился в Тюрингии. По обвинению во взяточничестве и других злоупотреблениях по службе бежал из Дрездена в Голландию. Вскоре перевелся в Берлин, но «за дерзкие выходы против одного важного лица» должен был покинуть и Берлин. К тому времени он уже дважды был разведен по просьбам жен, жаловавшихся на дурное обращение и расточительство, — в обоих случаях он был женат на богатых. После этого отправился в Петербург, где и получил корпус. Елизавета Петровна «милостиво» приняла его.

В Семилетнюю войну участвовал в нескольких сражениях, кстати именно в его корпусе находился Грузинский гусарский полк. По его донесению фельдмаршал П. С. Салтыков после победоносной Кунерсдорфской битвы указывал «на храбрость и неустрашимость Грузинского гусарского полка под командованием Амилахвари». Характер Тотлебена обозначился уже там: никаких рапортов о своих действиях командованием он не присылал. Находясь на родной, немецкой земле, он беззастенчиво грабил. Его счета в банках Европы росли, а в Любек шли ящики с награбленным. В одном из сражений был ранен, а в 1760 году после незначительного сопротивления взял Берлин. Но вскоре обнаружилось «его двуличное и вероломное поведение», выразившееся в тайных сношениях с неприятелем, то есть в измене, за что он был арестован своими же адъютантами. Под стражей доставлен в Петербург и заключен в крепость.

Писатель В. Пикуль отзывается о нем еще хлеще: «Тотлебен был не просто негодяй, не просто шпион. Это был оборотень. Он может служить классическим примером той степени падения, на которую только способен человек в своей гнусности. Ведь он умудрился через предательство продвигать себя по службе не только в Потсдаме (резиденция Фридриха II), но и в Петербурге».

Известно, что Петр III был большим поклонником Фридриха II. Сразу после вступления на престол, он не только прекратил войну с прусским королем, но и вернул ему все завоеванные русскими войсками крепости и земли, хотя уже был подписан договор, по которому вся Восточная Пруссия «на вечные времена переходила к России». Валентин же Пикуль в свой исторический роман «Пером и шпагой» поместил мате-

риалы, свидетельствующие о том, что не только Петр III, тогда еще наследник, но и супруга его, будущая Екатерина II, так же, как и Тотлебен, состояли во время Семилетней войны в тайной переписке с Фридрихом. (Фридрих и устроил брак Екатерины с наследником русского престола.) В. Пикуль приводит их подлинные письма, в которых они раскрывали замыслы русского командования.

Фридрих сдал Берлин Тотлебену, а не русскому офицеру, именно потому, что был уверен, что тот или вскоре же вернет ему столицу, или, во всяком случае, будет действовать там не во вред ему. Однако Тотлебен был разоблачен и очутился в крепости.

По смерти Елизаветы в 1761 году на престол вступил Петр III, который вскоре за пренебрежение русскими интересами был свергнут гвардией, за которой стояла Екатерина.

На коронационные торжества Екатерина поехала в Москву, где двор оставался последние три месяца 1762 года и первую половину 1763. Но еще до отъезда в Москву, то есть в числе самых важных, самых неотложных дел, когда Екатерина была занята упрочением своего положения, мы вновь встречаем имя Тотлебена. Теплов, государственный деятель, ближайший помощник Н. И. Панина, пишет ему: «...Потом я о Тотлебене доложил, и ее величество очень сожалеть изволили, что запамятавали о нем, надобно-де дело его до отъезда кончить; и когда я доложил, что в прежних делах сентенция оригинальная об Тотлебене находится, то ее величество повелеть мне изволила оную прислать, с чем я и отошел».

После того, как Тотлебен был доставлен в Петербург и заключен в крепость, над ним состоялся военный суд, который приговорил: за сношение с прусским королем Фридрихом II и принцем Генрихом Тотлебена, как изменника, казнить. В виду последовавшей кончины императора Петра III — а скорее всего как раз благодаря тому, что и Петр III и Тотлебен были прусские «патриоты», — приговор не был приведен в исполнение, хотя Тотлебена и продолжали держать в заключении. Разобрав «оригинальную сентенцию», то есть приговор, «императрица, принимая во внимание, что злой его умысел никаких вредных следствий для государства еще не имел и преступник около трех лет сидел под арестом, приказала выгнать его за границу под крепким караулом, отняв все чины и ордена». Согласно указу Екатерины, Тотлебен был выдворен из России в 1763 году.

Но в 1769 году он вновь стал проситься на русскую службу, «умолял» императрицу о помиловании и был прощен.

И вот этого человека, авантюриста и изменника, назначили командовать корпусом, на который Ираклий и Соломон возлагали такие большие надежды.

Одновременно с царями Ираклием и Соломоном, и владетельный князь Мингрелии Кация Даднани изъявил готовность принять участие в войне против Турции.

Корпус Тотлебена численностью в 3767 человек двинулся в дальний путь в Грузию. Интересно, что Грузинский гусарский полк, уже испытанная в боях воинская часть, не был включен в состав корпуса, а вошел в сформированный в связи с русско-турецкой войной в 1769-71 годах Московский легион.

В инструкциях Тотлебену недвусмысленно указывалось: «Старатца, дабы здешние руки были, а душа наша».

Посылая Тотлебена, Н. И. Панин писал, конечно, повторяя мысли Екатерины: «Отдаленность Грузии и трудность проездов — два обстоятельства, которые присвоение сей земли непрочным делают».

Естественно, что, имея инструкцию подвигнуть на войну грузин, а самому топтаться возле них, командуя ими и направляя в нужную сторону, Тотлебен и не мог, если б даже желал, проникнуться уважением и состраданием к народу, к которому шел на помощь. Инструкция прямо предлагала рассматривать грузин как пушечное мясо, необходимое, чтоб «Порта была занята в другом месте».

Знали ли, понимали ли это Ираклий и Соломон? Этот вопрос требует отдельного рассмотрения, мы же заняты сейчас восстановлением мотивов политики царского правительства на Кавказе. Скажем только то, что на Россию смотрели с надеждой и ожиданием. Это была единственная реальная сила, которая могла оказать помощь окруженной врагами Грузии.

Пока корпус Тотлебена медленно и тяжело, как глетчер, двигался к Грузии, Первая и Вторая русские армии уже начали бои: 29 августа турки были разбиты П. А. Румянцевым у Каменец-Подольского, 6 сентября — новая победа и взятие Хотина, затем Ясс. Были заняты оба дунайских княжества — Молдавия и Валахия — с их главными городами. Население восторженно приветствовало русские войска, оказывало им поддержку. Одновременно части Второй армии под командованием П. И. Панина заняли Азов. Подвластные крымскому хану ногаи стали переходить на сторону России. Екатерина восторженно пишет Бибикову: «Новая молдавская княгиня вам кланяется. Вся Молдавия учинила нам присягу и скота всем досыта».

Европа с удивлением и страхом смотрит на потрясение оттоманского могущества, до этого, казалось, незыблемого. В Черногории князь Долгоруков поднимает население против турок. Морская эскадра из Петербурга идет в Средиземное море, где в Ливорно ждет ее граф А. Г. Орлов. Екатерина сообщает П. А. Румянцеву в конце этих новостей: «Грузинцы выступят: Гераклий с 30, Соломон с 20 000-ми. Итак, если все сие удастся и бог нас благословит, то великие дела увидим в нашем веке и турецкая громада подвержена будет некоторому потрясению».

В кампанию 70-го года русские войска под командованием П. А. Румянцева разгромили турок в сражениях при Ларге и Кагуле, заняли ряд крепостей на Дунае и закрепились в Молдавии и Валахии. Вторая армия взяла Бендеры. Русский флот под водительством А. Г. Орлова и Г. А. Спиридова уничтожил в Чесменской битве многочисленную турецкую эскадру.

На очереди стоял Крым.

Между прочим, после взятия Азова Екатерина пишет Синявину, занятому «устройством Азовской флотилии»: «Посылаю вам гостинцы — три чертежа, которые до тамошних мест принадлежат: 1) Разные виды берегов Черного моря, даже до Царьграда; 2) Азовское море; 3) Корабль, на Воронеже деланный и на воду там же спущенный... Если же грузинцы овладеют краем того же Черного моря, то нашим судам в случае противной погоды одно важное прибежище прибавится».

Здесь, как мы видим, уже и речи нет о том, что Тбилиси расположен на Черном море.

Тем временем корпус Тотлебена прошел Дарьялом и прибыл в Грузию.

С Тотлебеном ехал поверенный в делах России в Грузии надворный советник князь Антон Михайлович Моуравов. Сопровождал Тотлебена и Моуравова князь Ратиев — майор Грузинского гусарского полка.

Отец А. М. Моуравова выехал из Грузии с Вахтангом VI, убит в чине капитана русской службы в сражении под Хотинцом. А сам он был определен в кадетский корпус, выпущен подпоручиком в Грузинский гусарский полк. В 1760 году уже капитан. В Семилетнюю войну участвовал в сражениях при Егерсдорфе, Цорндорфе, Палцихе и Франкфурте, также при осаде и взятии города Кольберга. В 1764 году перешел на статскую службу товарищем воеводы в г. Опочка. Всего до 1769 года и поездки в Грузию поверенным в делах в военной и статской службе находился уже 23 года. В Кизляре к Моуравову был приставлен вахмистр Грузинского гусарского

полка Бежан Ягутов, который хорошо знал русский, грузинский, армянский и турецкий языки.

Ираклий выехал навстречу корпусу. Это произошло «при деревне Хода».

Гостей, то есть Тотлебена, Моуравова, Ратнева и некоторых офицеров, встретил сначала зять Ираклия, маршал двора Давид Орбеллиани с десятью князьями и дворянами. Затем, не доходя царской палатки, им «поклонились» шесть придворных. У самой палатки в шеренгу стояли 12 «пажов», которые тоже «ниско все вдруг поклонились». С Ираклием в палатке были католикос Антоний и царевичи Георгий и Леван.

Когда Тотлебен объявил, для чего он прибыл в Грузию, Ираклий очень обрадовался и ответил, что не только Соломону поможет, но не пощадит и саму жизнь свою. Моуравов передал Ираклию грамоту.

«Что ж принадлежит до собственной персоны царя Ираклия, — пишет в рапорте Н. И. Панину князь Моуравов, — которому от роду сорок восьмой год... наружный вид его доказывает величественную важность, соединенную с геройством, и все его разговоры, которые я с ним имел, не иначе как полны разума, набожности и несусеверного почтения к закону».

Грузин, конечно, удивляло, что во главе русского войска стоит немец. Причем Тотлебен был настолько немецом, что не знал даже русского языка, хотя и был на русской службе два раза и просидел три года в русской крепости. Чтобы довести до него смысл сказанного, требовался двойной перевод: с грузинского на русский и затем с русского на немецкий.

Направив корпус Тотлебена, русское правительство и канцлер Панин мечтали малыми силами осуществить крупную военную программу. Однако для выполнения столь важной военно-политической миссии, как справедливо указывается в «Очерках истории СССР», у Тотлебена не оказалось ни политических, ни военных способностей.

В марте 1770 года совместное русско-грузинское войско двинулось к Ахалцыху. Екатерина пишет Вольтеру: «Грузины действительно подняли оружие против турок... Ираклий, могущественнейший из их владетелей,—человек с головою и храбрый. Прежде он содействовал, при знаменитом шахе Надире, завоеванию Индии. Мои войска перешли Кавказ прошлой осенью и соединились с грузинами».

Во время похода, близ Квишхети, Ираклий получил орден Андрея Первозванного, что, по мнению русских, должно было подхлестнуть его усилия и сделать более преданным. В начале апреля осадили крепость Ацкури. Но в самый разгар

военных действий Тотлебен неожиданно ушел со своими войсками обратно в Картли.

Перед уходом Тотлебена из Ацкури к нему вошел царевич Георгий: «Генерал, стыдно изменять в такое время царю». «Нет у меня приказа от императрицы сразиться с такими малыми силами с врагом», — ответил Тотлебен. «Своим действием, генерал, ты срамишь русскую армию и унижаешь имя великой России».

Историк Платон Иоселиани писал: «Доложили царю Ираклию о разговоре царевича с генералом. Не понравилось ему это, ибо, будучи опытным в военных делах, остерегался обидеть Россию, все-таки остающуюся надежной, как христианская держава».

Отношения между Ираклием и Тотлебенем были уже напряжены. Тотлебен ни во что не ставил грузинскую сторону, самозвольничал и решал все вопросы, как и в Семилетнюю войну, по-своему. Ираклий все-таки победил при Ацкури, но затем решил, не доверяя Тотлебену, вернуться в Картли через Джавахетию и поэтому пошел к Аспиндзе. Здесь его настигли турки. В двух битвах при Аспиндзе 20 апреля 1770 года Ираклий разгромил турок и взял большие трофеи. В бою он собственноручно убил лезгинского предводителя Малачилу, сына которого отослал в Россию. С ним же отправил 25 знамен, булаву и оружие.

Аспиндзский бой один из самых героических в истории грузинского народа. Но он не дал того политического результата, которого можно было бы ожидать, если бы русские и грузинские войска взяли Ахалцыхскую крепость и вторглись в Карский пашалык.

Тотлебен тем временем засел в Ананури, якобы дожидаясь подкреплений из России, но на самом деле лелея свои планы. На военном совете экспедиционного корпуса он поставил вопрос о захвате Картли. Поддержку ему должны были оказать картлийские князья, противники царя и вообще централизованной власти. Получив одобрение совета, Тотлебен начал захватывать грузинские города-крепости и приводить население к присяге на верность русской царице.

Энергичные ответные меры, принятые Ираклием, вынудили Тотлебена уйти в Имеретию.

С. М. Соловьев сообщает об этом так: «Поход Тотлебена с царем Ираклием к Ахалцыху не достиг цели, возвратились назад в Тифлис, потому что грузины по донесению Тотлебена нисколько не помогали, стояли спокойно во время битвы с турками и только грабили».

Тотлебен просил об отозвании из его армии всех офицеров

грузинского происхождения, потому что их сообщения и виды отнюдь не соответствуют должной верности».

Однако Тотлебен с турками не только не сражался, но вообще ушел от Ацкури, сражались одни грузины.

Добавочную путаницу в сложную ситуацию внес подполковник Наум Чоглоков. Он был сыном графини Гендриковой, двоюродной сестры Елизаветы Петровны. Ехал в Грузию с тайным намерением стать там царем. Прибыв к Тотлебену, устроил против него заговор, в котором ему помогал подполковник Ременников. В голове Чоглокова ронились безумные планы похода на Персию и ее сокрушения. Высланный в Россию под конвоем, дорогой он бежал, вернулся в Тифлис и был снова отправлен Ираклием в Моздок. Вместе с майором Ратиевым и другими был подвергнут суду в Казани и приговорен к ссылке в Сибирь. Впоследствии, при Павле, возвращен.

Перевалив через Сурамский хребет, Тотлебен осадил кутаисскую цитадель, заняв город. Соломон к этому времени изгнал турок из Цуцхватской и Шорапанской крепостей. Затем Тотлебен выбил турок из Багдадской крепости, но Потти взять так и не смог. Между ним и Соломоном тоже начались трения.

О поведении Тотлебена в Картли Ираклий написал Екатерине представление. Моуравов со своей стороны тоже доносил: «Дела грузинские приходят в замешательство».

То же самое доносил Чоглоков еще до своего ареста: «Тотлебен или с ума сошел, или какую-нибудь измену замышляет, поступая во всем против интересов русского двора: грузинских царей между собой ссорил, с князьями обходился дурно, многих из них бил, других в окопах держал, деревни разорял, безденежно брал скот и хлеб, вступал в переговоры с ахалцыхским пашой. Назначил для отсылки в Россию 12 лучших офицеров, не оставляя никого, кроме немцев и самых негодных по поведению русских».

Тотлебен со своей стороны тоже писал к императрице, жалуясь на Ираклия, Чоглокова, Соломона, своих офицеров и представляя все события в извращенном виде.

Прочтя донесение Тотлебена, Екатерина писала Панину: «Я, пробежав только Тотлебеновы письма, из них усмотрела непослушание к нему Чоглокова и вранье сего необузданного и безмозглого молодца; да при том не хвалю же и неслыханные подозрительности Тотлебеновы. Я думаю, что он способнее в Грузии дела наши испортить, нежели оные привести в полезное состояние, надлежит определить кого другого».

Для точного разузнания дела и прекращения взаимных неудовольствий отправлен был в Грузию гвардейский капитан

Языков с инструкцией разузнать все доподлинно и составить как можно более подробные записки о положении Картл-Кახетинского и Имеретинского царств.

Языков все исполнил.

Благодаря его обзорениям мы имеем некоторые любопытные сведения о Грузии того времени: «Лаской из здешнего народа все сделаешь, а грубость и суровость их отгоняют... Из Грузии может быть хорошая пехота и егери, ибо стрелять мастера, ходить легки, пищи более не требуют, как один хлеб».

Об Ираклии пишет в хвалебных выражениях. «При отце тоже фактически правил... Может выставить 15 т. войска при 4 пушках... Все приказы, будь то в город или деревню, подписывает сам и ставит печать. Но даже и при виде печати повеления его иногда не исполняют в надежде, что когда дойдет до наказания, успеют куда-нибудь спрятаться...

По многим развалинам видно, что Грузия была богатое и сильное государство... В Тифлисе церковей греческого закона 13, католического 1, армянских семь».

Языков откровенно пишет о неисполнении приказов, о бедности, о набегах лезгин, о продаже в рабство людей в Персию и Турцию. Имеретинские «князья и дворяне продавали и меняли туркам мужиков и девок не только на лошадь или саблю, но и на паясную икру и на все то, что кому было нужно. А как Соломон встал в правление, то продажу и мену оную запретил, отчего сделался им явным неприятелем, а у своих почти у всех князей нелюбимым, ибо они через то лишены стали своих доходов».

Языков оставил нам портрет Соломона I: «Владелец Соломон, которому от роду тридцать пять лет, росту среднего, лицом пригож, в усах, бороду бреет, платье носит из серого сукна и вид представляет самого отважного и храброго воина, и заряженное ружье и один пистолет, саблю и кинжал всегда при себе имеет, как и все прочие имеретинцы. В обращении с простыми имеретинцами никакого различия не имеет, и кто его персонально не знает, то и отличить от подлых не может».

«Князья и дворяне носят платье из серого сукна, а подлый народ — своевольной, гордой и непослушной, и большая часть босые, оружия и сабель многие имеют; довольствуют же себя лесными плодами и своего просяного хлеба (гоми), называют, и чрез всю зиму местами довольно овощей в лесах находят».

Есть тут строки и горькие для нас. Но... истинное положение нужно знать, чтобы понимать последующие события.

«Имеретинцы к своим друзьям и родственникам никакого доверия не имеют и всякий час ожидают внезапного нападения и смертоубийства, что между ими часто и случается, ибо и Соломонов дед Георгий и предки его, также и другие знатные здешние, будучи зазваны в гости, от здешних же князей побиты. Мужики у своих же соседей детей крадут, отвозят их в город Кутаис и там продают туркам, и для того всегда вооружены ходят». «Соломон услугу и пользу всероссийскому императорскому престолу показать не в состоянии — он как дикой, не имея никакого воспитания, и при том самого бедного состояния человек, в малом своем владении никакого порядка не имеет, да и учредить не может, и окружен неприятелями, и двести человек, которых он для нужных случаев всегда при себе имел, за неимением денег содержать не в состоянии».

Эта характеристика, конечно, односторонняя и неполная. По-видимому, Языков видел Соломона в первый раз или вообще только в боевой или походной обстановке. Его, привыкшего к сложному этикету петербургского двора и гвардии, вероятно сбивала с толку простота обращения Соломона с подданными. Но главное он все-таки передал — мы тут видим царя-воина, смелого и непритязательного, борца с внешними и внутренними врагами — турками и непокорными тавадами.

Соломону одновременно с Ираклием пожалован орден Андрея Первозванного. Канцлер Н. И. Панин пишет при этом в сопроводительном письме: «При чем посылаю сего ордена крест для полевого вашего употребления, и три звезды, и лент кусок».

Узнав о не стихающей в Имеретии междоусобице, Екатерина разразилась раздраженной поучающей грамотой: «Всякое превосходит удизление смущающий ныне Имеретию разврат! (То есть беспорядок, хаос, безобразие.) Клятвенный христианства неприятель идет из всех мест истребить совершенно евангельское познание и расхитить природных жителей, а владельцы тамошние, вместо того, чтобы совокупными силами стараться о предварении столь вредных последствий, пекутся токмо о взаимном искоренении, оставляя бедствию свободное течение к явной пагубе своего отечества. Весьма болезненно слышать о таких между христианами происшествиях».

Екатерина словно забыла, что война здесь ведется в интересах России и по ее просьбе, что присланный с корпусом авантюрист, ею же назначенный, совсем запутал грузинские дела, делая ставку на противников Ираклия и Соломона и

этим вызвав распри, наконец, что грузинские цари — не подданные ее.

При русском дворе пришли, наконец, к выводу, что в Грузии «граф Тотлебен более стыда, нежели похвалы, в здешнем краю нашей нации сделал». На место Тотлебена был назначен Сухотин.

В инструкции Сухотину, преемнику Тотлебена, императрица подтверждает прежнюю позицию: «Не ищется присовокупить Грузинских земель, как отдаленных и совсем не подручных к нашей империи... Приведение грузинцов к присяге в верности нам... совсем излишним почитается, не проча мы, как выше сказано, Грузию в непосредственную собственность империи нашей».

Но Сухотин оказался не лучше Тотлебена. Он не слушался ничьих советов, начал осаду Поти в самое жаркое время, чем и вызвал в русских войсках малярию и другие болезни. Восемьсот человек солдат умерло. Сухотин вынужден был снять осаду.

Об Ираклии и Соломоне он поначалу отзывался в донесениях хорошо, но затем тоже стал жаловаться. Неудачную попытку овладеть Поти объяснял болезнями и в заключение сам попросился ехать лечиться на воды. Совет признал, особенно в виду громких побед на Дунае, бесполезным держать войско за Кавказом. Рассерженная императрица велела, прежде чем уволить Сухотина от службы, рассмотреть его поведение во время начальствования экспедиционным корпусом. Соломону оставили порох и ядра, но пушки не оставили (С. М. Соловьев).

Ираклий II писал Екатерине и Н. И. Панину, что отзывание русского корпуса угрожает Грузии ввиду участия ее в русско-турецкой войне полным уничтожением христианской веры. Но корпус все же был отозван.

В тот момент Екатерина ничего так не желала, как заключения с Турцией мира. Этим жестом — отзыванием войск из Грузии — она давала туркам понять, что оставляет Грузию в прежней их «протекции».

И все же это событие, которое вначале рассматривалось лишь как отвлекающий маневр, имело историческое значение: впервые русские войска прошли Дарьялом, впервые они действовали вместе с грузинами на территории Грузии. Для грузинских царств это событие имело большое политическое значение. Оно показало Турции и Персии, пусть и не очень наглядным образом, что у Грузии появился могущественный союзник.

И Тотлебен, и Сухотин ушли из Грузии, наделав много ошибок. Но дело не в их личной неспособности. И сам выбор командиров, и инструкции им исходили из одного и того же источника: из пренебрежения к подлинным нуждам народа.

Любопытно также полное непонимание необходимости Кавказа для России. Через полвека после смерти Петра и всего за десять лет до заключения Георгиевского трактата великая Екатерина, сидя на рассвете за своим столом с гнутыми ножками, пишет, что естественными границами России на юге являются Кавказские горы, то есть Северный Кавказ, а что там, за ними, Россию не интересует.

Вглядываясь в портреты Ираклия II, мудрого государственного деятеля и воина, мы можем сказать: он знал, что логика исторического развития рано или поздно приведет Грузию и Россию к заключению прочного союза. Интересы России на Черном море и на Каспии сделают его неизбежным уже в ближайшее время.

Поэтому так сдержанны его послания в Петербург, так терпим он с Тотлебеном и Сухотиным.

Он видел в русском народе молодую нацию с нетронутой творческой энергией, быстро продвигающуюся по пути своего развития. Стремление турок к Каспию угрожало русско-персидской торговле, а действия их в Черном море тоже тормозили и стесняли ее. Поэтому Кавказ между этими морями и Грузия в центре его должны были приобретать все большее значение в русской политике.

В начале января 1772 года, еще до ухода русского корпуса, Ираклий послал в Петербург проект договора о покровительстве России, который отвезли католикос Антоний I и царевич Леван.

Антоний был просвещенным человеком, отличавшимся широким кругозором, бескорыстием и глубиной патриотического сознания. В его лице Ираклий имел друга, которого очень уважал. Антоний писал о себе: «Хотя я и был монахом, но не таким, который живет всегда в монастыре». Будучи современником французских и немецких просветителей, он верил во всемогущество науки, верил, что с помощью просвещения можно вывести грузинский народ из морального застоя, являвшегося результатом длительного политического рабства. Главными он считал для народа школы и книги. Он основал в Тбилиси философскую семинарию во главе с Филиппом Каитмазашвили.

Ценили его и русские. В период 1757—62 годов он возглавлял Владимирскую епархию. Там составил несколько

учебников, перевел на грузинский философа и математика Вольфа, а также «Логикку», «Этику» и «Метафизикку» Баумейстера.

Другой монах, Гайоз, который сопровождал Антония и Левана, остался в Москве, окончил там духовную семинарию, изучил русский, латинский и греческий языки и под именем «преосвященного Гая» стал крупным деятелем русской церкви. Он перевел на грузинский Марка Аврелия, несколько книг по истории Востока, «Регламент Петра I» и др.

К этому периоду относится и основание в Тбилиси грузинского театра, который был создан молодежью, получившей образование в России.

Это говорит о том, что русско-грузинские связи, ширясь и захватывая все новые области, приобретают уже качественно новый характер. Это уже не связи, а общение, постоянное и многоканальное, всегда, впрочем, свойственное интеллигенции.

В основе проекта Ираклия лежала идея о единой совместной внешней политике России и Грузии и об автономии грузинского царя в прозедении политики внутренней.

В Петербурге в тот момент постановку этого вопроса нашли несвоевременной; русско-турецкая война еще не закончилась, а на Волге шло крестьянское восстание во главе с Пугачевым.

Это была, в общем-то, отговорка: просто за 10 лет до подписания Георгиевского трактата русское правительство не вело никакой политики на Кавказе, не имело по отношению к нему никакой ясной программы.

Антоний и Леван вернулись в Грузию, награжденные российскими орденами, что в общем для них было не главным.

На что могла рассчитывать Грузия в случае положительного решения поставленного ею вопроса?

Все же, несмотря на победы, в России положение было тяжелое: свирепствовала чума, занесенная из Турции и дошедшая до Москвы, где вспыхнул Чумной бунт. (Вспомним, что во время него был убит в Донском монастыре архиепископ Амвросий и у ворот Кремля пострадал обер-комендант Москвы, генерал-лейтенант царевич Афанасий Багратион. К тому же началась Крестьянская война под руководством Пугачева.

В этих условиях летом 1774 года в болгарской деревне Кучук-Кайнарджи был подписан мир между Россией и Турцией. По этому миру крымские, кубанские и другие татары становились независимыми от Турции. Россия получила Керчь и Еникале в Крыму, часть Приазовья, а также Кабарду на

Кавказе и земли между Южным Бугом и Днестром с крепостью Кинбурн на берегу Днепровского лимана.

Кроме того, русские торговые суда получили право свободного прохода через Босфор и Дарданеллы. Султанское правительство уплатило 4,5 млн. руб. контрибуции. Молдавию и Валахию Россия брала под свое покровительство. Турция обязалась соблюдать их автономию. Россия превратилась в черноморскую державу, усилив свои позиции на Балканах и на Кавказе.

Крымское ханство было объявлено независимым, то есть независимым от Турции, поскольку в Еникале и Керчи были русские войска.

А что же Грузия, союзник в единой борьбе? В Кучук-Кайнарджийский трактат был внесен параграф 23-й, посвященный Грузии. Турция обязывалась не преследовать грузин, участвовавших в войне, и отказалась от «податей» с Имеретинскими юношами и девушками. Даже крепости Кутаиси, Шорапани и Багдади, взятые русско-грузинскими войсками, оставлены были за турками.

Хотя параграф 23 так будто бы делал Грузию неприкосновенной, однако ясно было, что турки будут ждать только случая, чтобы возобновить там свое влияние.

В это время Екатерину уже стали называть Великою за «внутри блестящий законодательный труд и преодоление всех враждебных движений, извне — успех в Польше и Турции, которые подняли славу русской императрицы».

Ираклий же в это время, не потерпев ни одного поражения и, наоборот, одержав над турками победы при Ацкури и Аспиндзе, должен был думать о сохранении своего трона.

II

После ухода русских войск из Грузии Соломон пишет Екатерине II и Н. И. Панину, что мира с Турцией у него не может быть, и посему просит «присовокупить» царство Имеретинское к Российской империи. Действительно, какой может быть мир, если Имеретия, находясь в «протекции» у Турции, воевала с ней, а на территории ее находятся турецкие гарнизоны. В ответной грамоте императрица пространно объясняет, что присовокупление это — «по отдаленности Имеретии от пределов империи нашей и по образу жизни жителей ее не могло несоединено быть с великими затруднительствами... Сим милостиво уведомляем вашу светлость: поведение ваше относительно к турецкой стороне таким образом расположить,

чтоб все причины неудовольствия предупреждены были... Сею, толь свойственной и толь необходимою царскому вашему зганию осторожностью вы не меньше окажете услуги вашему отечеству, как и военными вашими подвигами, подъятыми для защищения оного».

Кроме того, писала императрица, он, видно, не получил еще грамоту о заключении между Россией и Турцией «вечного мира», где в 23-м артикуле выговорены некоторые «выгоды» для Имеретии. (Грамота эта была вручена посланнику Соломона Д. Квинихидзе, но он еще не успел доставить ее.) Выгоды эти заключались в отмене дани девицами и юношами и амнистии за участие в войне.

Забегая вперед, скажем, что в 1781-82 годах Соломон вновь обращался за заступничеством: турки начали возводить на Черном море новые укрепления, брать христиан в плен, совращать их в свою веру и т. д., то есть не соблюдать Кучук-Кайнарджийского мира.

Императрица приказала русскому посланнику в Константинополе Булгакову поддержать протест царя Соломона перед турками: «23-м артикулом Кайнарджийского трактата выговорены были в пользу грузинцев разные выгоды и, именно, чтоб Порта оставила их в покое». Екатерина приказала Булгакову энергично поддерживать во всех случаях «представления» (демарши) Соломона и Ираклия, «чинить сильное заступление». Писала Соломону, чтоб был осторожнее. В январе 1775 г. Екатерина отправилась в Москву на празднование Кучук-Кайнарджийского мира, куда прибыла после казни Пугачева. Тысячи мастеровых день и ночь сооружали временный дворец (вместо сгоревшего во время чумы Головинского) для торжеств по случаю мира с Турцией.

Празднование мира было пышным, сопровождалось пущенной пальбой, благодарственными молебнами и щедрыми наградами. Румянцев получил титул «Задунайского», Долгоруков — «Крымского», Алексей Орлов — «Чесменского». Всем им при жизни были поставлены памятники. Даже мать и сын Румянцевы были награждены орденами. Сам Румянцев уклонялся от почестей. Его характер отличала, по выражению французского посла Сегюра, «скромность, смешанная с гордостью, — верный признак истинного достоинства».

В Грузии в это время положение было очень тяжелым. Конечно, это никак не было связано с приходом или уходом русских войск. Их пребывание только подчеркивало или даже обнажило застарелые болезни. Страну разъедали и изживший себя феодальный строй, терзали набеги лезгин.

Повсюду бродили шайки грабителей. Внутренние дела расстроены. В Тбилиси царили недовольство, возбуждение умов. Цифры войск Ираклия — 3 тысячи, полторы, 7 тысяч. Последняя цифра даже кажется преувеличенной. При этом ружья имели лишь 38% грузинских воинов. Лезгин Омархан разграбил и ушел безнаказанно. Полковник Бурнашев, командир русских войск в 80-х годах, отмечает в журнале военных действий, что не только нельзя было заставить грузин нести сторожевую службу, но они ни за что не соглашались принимать участие в передовых отрядах. Своеволие князей, дезертирство, мародерство были обычным явлением и уже перестали удивлять. Церкви и монастыри опустошены и в крайнем небрежении.

Горцы грабили грузинскую землю «часто и воровски», то есть небольшими разбойничьими партиями, «рассыпавшись по лесам и ущельям, от чего сделались оным грузинам не приступны, дороги не проходимы, селения опустошены и хлебопашцам на полях не было безопасности... К ним присоединяются и грузинские князья, кои, озлобясь на царя за собственные же против него измены, убежали в Дагестан и оттуда, собрав бродяг, терзали собственное свое отечество. Царевич Леван умалил наглость хищников, но разбой существует и поныне».

Имеретия настолько была разорена в XVII и XVIII столетиях, что ей почти нечего было вывозить. Только коконы, мед и дешевое сырье. Импортировала же она из Турции и Западной Европы драгоценные ткани, оружие, посуду, предметы роскоши. Поэтому имеретинские феодалы торговали в крупных масштабах людьми. Соломон I при восшествии на престол первым делом запретил торговлю невольниками, чем и вызвал гнев князей и породил междоусобицы.

Население Картл-Кахети сократилось настолько, что Ираклий предлагал владельцам Большой и Малой Кабарды переселиться в Картли. Но русские власти не пропустили послов Ираклия в Моздок. Ираклий поселил в Авлабаре в Тбилиси, а также в Сигнахе и Гори значительное количество армян. По свидетельству Гюльденштедта, приехавшего по просьбе Ираклия для исследования природных богатств Грузии, на ближних к Телави пастбищах паслись стада туркменских пастухов.

С другой стороны, имеются свидетельства, которые как будто противоречат этим сведениям. Б. Эсадзе, составитель «Летописи Грузии», указывает, что «Персия была отброшена за Аракс, к прежним своим границам. В 1771—80 годах власть

Ираклия перешла и на правую сторону Аракса: ханства Тавризское, Марагское и пашалык Баязетский признавали его своим верховным царём и покровителем и платили установленную дань и богатые дары. Одно Эриванское ханство выплачивало ежегодно Грузии, помимо разных товаров и шелку, 200.000 туманов деньгами». «В этот период Грузия была сильна политически. Могуществу Ираклия дивились соседние государства, питая скрытую злобу».

Г. Кикодзе тоже говорит об «оживленной торговле в Тбилиси в XVIII веке не только с народами, живущими по соседству, но и с Россией, Ираном и далекой Индией». В Тбилиси доставлялись караванным путем дорогие индийские и персидские шерстяные и шелковые ткани, а также фарфоровая посуда. В свою очередь Тбилиси вывозил за границу медную посуду, конскую упряжь, оружие, хлопчатобумажные ткани и кожаные изделия». Действительно, Тбилиси был центром выделки оружия на Кавказе. Оно было очень распространено еще и в XIX веке, когда был утерян секрет производства булатной стали. «Тифлисское оружие дорого ценится на всем Востоке», — пишет А. С. Пушкин в 1829 году. Русский металлург П. П. Аносов отмечает: «Сварочные булаты, отличающиеся внутренним достоинством, приготавливаются преимущественно в Индии, Турции и Грузии». Что касается хлопчатобумажных тканей и медной посуды, то и их мы находим в списке товаров из Грузии на Макарьевской ярмарке на Волге.

Артемий Арабатский, автор XVIII века, тоже отмечает «весьма хорошее состояние города и жителей, показавшееся мне благоденственным... В Тифлисе была такая во всем дешевизна, какой, как говорили тамошние обыватели, никогда не бывало».

Бурнашев, командир русских войск, отмечает, что «хлеба достаточно, особенно в Казахе и Шамшадиллах, отменной доброты и свойства; пшеница сорочинского изобильно; также проса, ячменя и кукурузы; ржи и овса вовсе нет, хлопчатой бумаги достаточно; льна не много, шелку весьма много, только посредственной доброты. Руд золотых и серебряных довольно, особенно много медных, железо покупают в России; оное в пять раз дороже из-за трудностей доставки его через Кавказские горы». Он же отмечает, что «Соломон и Ираклий имели всегда между собой сильную фамильную вражду», но «осетинцы и кабардинцы всегда были дружны с Грузией и служили ей на войне за деньги. Со стороны Персии Ибрагим-хан Шущинский 26 лет имел с царем неразрывную дружбу, разделяя с Ираклием ежегодную дань с Гянджи. Нухийский хан

то малости владения своего не был никогда для Грузии важен, но иногда он бывает с лезгинами и горцами против царя, иногда дружит. Эриванский хан Гуссейн находится в зависимости и подданстве Ираклия. Прочие ханы имели с царем всегда согласие из-за уважения к его личным подвигам». Лишь только «ахалцихский паша, наследственно всегда из рода грузинских князей, владетелей Самцхе-Саатабаго, питает к Грузии ненависть, ибо грузинские цари пишут себя владетелями Самцхе и мнят вернуть эти земли Грузии».

Здесь нет противоречия. Внешнее положение действительно было стабильным, что определялось уже выявившейся слабостью Персии и наметившимся упадком турок, а без них окрестные ханы вынуждены были вести себя мирно. Но внутреннее положение, а главное — бесперспективность развития, «стагнация», застои, вызванные отсталым феодальным строем и фактической беззащитностью страны в виду отсутствия постоянного войска перед мелкими набегами, требовали каких-то энергичных мер, кардинального решения. Иными словами, потребности развития страны толкали ее вперед, а существующий строй мешал этому, сдерживал движение. Не было роста, государственной цели, стремления к чему-либо.

Ни набеги лезгин, ни своеволие феодалов, ни крестьянские волнения и побегі, ни разбои на дорогах, ни шаткость общего положения, не говоря уж о защите границ, не могли быть устранены без постоянного или, как тогда выражались, регулярного войска — прочной опоры центрального правительства. Вспомним, что Петр I в России, Фридрих II в Германии начали свои коренные преобразования с создания армии. Указывают на стремление Ираклия к «европеизации» страны. Создание постоянного войска и должно было стать первым и решающим шагом на пути к ней. Посмотрим, что показал опыт создания такого войска в Грузии сразу после ухода из нее русского корпуса.

Само оно, несмотря на ничтожных своих командиров, Тотлебена и Сухотина, вызывало у грузин восхищение. До них долетал гром побед русской армии и в Семилетнюю войну, когда непобедимому Фридриху II под командованием фельдмаршалов П. А. Апраксина и П. С. Салтыкова был нанесен ряд тяжелейших поражений, и совсем недавно с берегов Дуная, где действовали Румянцев и Суворов. Известно, что тогда русская армия и ее вооружение, в особенности артиллерия, считались одними из лучших в мире. «Вызывает восхищение войска русского уклад, — писал Д. Гурамишвили, — удивительно искусство их подкопов и осад». Бесики, который видел

русские полки и в Грузии, и на Украине, где он был у Потемкина с царевичем Мирианом, тоже посвящает им хвалебные строки: «Русские в зелено-красном и лазурном красовались. Ранцы медные сверкали, роем звезд переливались. Гром оружия, ружей грохот гулом в небе отзывались».

Познакомившись в ходе русско-турецкой войны с русской военной организацией, в которой самым впечатляющим, помимо артиллерии, была жесткая дисциплина, пронизывающая всех военнотружущих, начиная от генерала и кончая солдатом, многие в Грузии наконец воочию убедились в отсталости своего феодального ополчения, которое собиралось только на случай похода и не было пригодно ни для гарнизонной, ни для патрульной службы. Однако для создания армии, подобной русской и вообще европейской, не было ни средств, ни соответствующей промышленности. Начиная с Теймураза I, все цари просили у России или через послов денег для организации армии. Но царское правительство давало все что угодно, в частности соболей и ордена, только не деньги на создание армии.

Спротивлялись ее созданию также и тавады, которые понимали, что направлена она будет на укрепление государства, а следовательно против них.

В этих условиях был принят компромиссный вариант: все способные носить оружие мужчины, за исключением грузин-горцев, обязаны были один месяц в году отбывать военную службу. Таким образом, одна двенадцатая мужского населения страны постоянно находилась в войсках в распоряжении царя. Воин шел на службу за свой счет и со своим вооружением, но зато он освобождался от продовольственного налога. Главным начальником этого войска был царевич Леван, сын Ираклия.

Как ни компромиссно было такое войско, результаты сказались незамедлительно. Нападения лезгин почти прекратились, в запущенные селения вернулись жители, которые вновь стали сеять и пахать, страна зажила, казалось, нормальной жизнью.

Но даже такое войско не устраивало тавадов. Их воины в войске подчинялись не им, а царю. И сам тавад не мог иметь там при себе своих азнауроз. Но самое главное было в том, что войско «мориге» содействовало политическому укреплению центральной власти. Вот почему они повели против него борьбу. Им удалось постепенно обессилить его и в конце концов ликвидировать. Это явилось большой победой тавадской реакции.

«Войско Мурыга, — как пишет Бурнашев, — было в 4.000 ратников. С сею Мурыгою покойный царевич Леван очистил почти всю землю от наглых граблений горцев, но теперь Мурыги уже нет. Артиллерия возится на волах. У царя сейчас 12 орудиев».

Таким образом, организация даже такого половинчатого войска, которая могла стать шагом вперед на путях развития страны, была сорвана. Кроме того, тавады поддерживали и выдвигали все новых и новых претендентов на престол из числа потомков Иесе или Багратионов, родившихся в России. В лице тавадоз Ираклий имел упорных и непримиримых врагов, которые действовали в основном коварством. Не осмеливаясь на открытое столкновение, они плели интриги и срывали все мероприятия по укреплению центральной власти.

Ираклия поддерживал цвет государственных деятелей, которые хотели образовать сплоченный и сильный государственный организм. Именно такова, по мнению некоторых ученых, была политическая причина стремления Ираклия к России, то есть носила антифеодальный характер.

Выпущенная по повелению Екатерины книга «О должностях человека и гражданина» поучала: первой обязанностью «сына отечества» является «повиновение». Всякого рода «роптания, худые рассуждения, поносительные и дерзкие слова против государственных учреждений и правления суть преступления...»

Любопытно, что Ираклий тоже считает «роптания» преступными и предусматривает против них меры. В «Обозрении» действующих законов царя Ираклия есть две статьи, посвященные этому вопросу: «515. Князьям и дворянам всех состояний дарована совершенная свобода вступать в службу, равно и оставлять оную. Но если кто из них, не желая оставить места своего, будет роптать на службу, дворяне и князья подвергаются аресту, нижние чины наказываются телесно. 516. Равному же наказанию подвергаются и те, кои их советами своими побуждают к роптанию».

Это забавное совпадение взглядов Екатерины и Ираклия на вольномыслие, одинаковое даже в терминологии — «роптания», — объясняется их абсолютистскими взглядами. «Но, — по справедливому замечанию Г. Кикодзе, — политика абсолютизма и централизации, которую проводил царь Ираклий, не имела твердой экономической опоры, из-за отсталости промышленности и торговли». Кроме монетного двора, в Тбилиси были солеварни и металлургические заводы, но отсталые в техническом отношении. Не хватало специалистов, рабочих рук, дорого

обходилась сама руда. Сюда же нужно отнести ограниченность кредита, отсталый цеховой ремесленный строй, консервативный по своему существу, и негодная, неумелая и своекорыстная гражданская администрация. Вообще опустошенность и техническая отсталость царства в не меньшей степени, чем сопротивление феодалов, мешали Ираклию в проведении его прогрессивных мероприятий и обусловили его стремление к союзу с Россией.

Когда в 1775 году генерал-поручик Медем вновь вступил в Дербент, Ираклий предложил ему план движения в Закавказье. После занятия Новой Шемахи суда из Сальян по Куре могут добраться за сто верст до границ Кахетин, причем берега всюду хорошие, ровные. Он предлагал при содействии русского войска освободить христиан (айсоров, греков, армян), находящихся под господством персов, о чем они умоляют. Однако на это предприятие Медем не получил разрешения Екатерины. Ираклий писал и Н. И. Панину, но с тем же успехом. Русские войска в 1776 году возвратились на Кавказскую линию.

Екатерина и Панин ссылались на отдаленность грузинских царств, неудобства путей, нередко же и совершенное прекращение в горах сообщений, дороговизну содержания и передвижения войск, о чем они не раз писали Ираклию. Но все это были отговорки. Не менее сложными для передвижения были гористый Крым и Молдавия и Валахия, уж не говоря о задунайских территориях, причем в Крыму было враждебно настроенное население. Но Екатерину интересовали лишь дунайские победы и европейская слава.

Был и еще один фактор, который все время направлял славолюбивую Екатерину к Дунаю и Балканам. На него указывают разновременные свидетельства исследователей и современников. Фельдмаршал Миних, уже находившийся в преклонном возрасте, утверждал, что «Петр Великий с 1693 года (когда он осаждал Азов) до самой кончины своей не выпускал из вида любимого своего намерения завоевать Константинополь, выгнать турок и татар из Европы и восстановить греческую монархию». А. Вейдемейер, автор двухтомного исследования «Двор и замечательные люди в России во второй половине XVIII столетия», указывает, что Екатерина «обращала свои виды на Турцию, желая возвести на престол константинопольский, по изгнании турок из Европы, великого князя Константина Павловича, почему он и обучался греческому языку...» В «Записках кн. Ф. Н. Голицына» читаем: «Родился великий князь Константин. Это имя уже заранее ему было

назначено, и кормилица гречанка приготовлена. Государыня имела в виду для будущих времен восстановить греческую восточную империю, и его возвестить на престол великого Константина». «Суворову назначалось идти через горы и Адрианополь к турецкой столице, для осаждения которой готовился флот». Как раз в это время (1780) возник так называемый «греческий проект»; основные положения которого содержатся в переписке Екатерины с австрийским императором Иосифом II и в докладной записке А. А. Безбородко. (Очерки истории СССР, XVIII век.) Проект предусматривал восстановление греческой империи во главе с Константином. Молдавия, Валахия и Бессарабия должны были составить зависимое от России государство Дакию. Россия и Австрия получали по нему за счет Турции ряд территорий в Северном Причерноморье и на Балканах. Египет предполагалось отдать Франции. Однако этому плану воспротивились Англия, Испания и Нидерланды. «Греческий проект» не был осуществлен, но и забыт он не был. В. Ф. Ростопчин — графу Воронцову в Лондон (письмо 1796 года — год смерти Екатерины) сообщает: «Все еще помышляют овладеть Константинополем: таковы устремления нашей императрицы, которая на закате дней преобразилась в завоевателя». При ней были присоединены Крым, Молдавия, Валахия, Кабарда, Кубань, прикаспийские провинции, Финляндия, Курляндия, возвращены украинские и белорусские земли, взятые у Польши, вследствие чего население империи увеличилось вдвое, так что ни о каком «преобразовании» ее «на закате» не может быть и речи. Она считала себя наследницей и последовательницей Петра. «Во время занятий делами перед ней всегда находился портрет Петра. Сверх того, она носила всегда табакерку с его портретом». Екатерина поставила также известный памятник Петру, который и сейчас украшает Ленинград, с многозначительной надписью «Петру Первому — Екатерина Вторая». Однако гораздо важнее, что на деле следовала его заветам, относительно которых Ф. Энгельс сказал, что Петр I «наметил и начал осуществлять основные линии русской политики... по отношению к Швеции, Турции, Персии, Польше...», он начертал своим преемникам «всевозможные направления для завоеваний». Ее целью было завоевание Константинополя, и следовательно, Дуная и Балкан, в чем ей, однако, препятствовали европейские державы, уже тогда боявшиеся усиления России. В соответствии с этим Екатерина, не забывая других направлений, например польского и шведского, главной своей целью имела завоевание Балкан.

Указывают на две мечты Ираклия: освободить юго-запад-

ные грузинские земли в верховьях Куры и Чороха и зазести армию, постоянное войско, которое и нужно было для освобождения земель, что в свою очередь должно было стать первым шагом на пути возрождения былого могущества Грузии. Однако сформировать армию не удалось. Невозможно было изменить сложившийся веками обычай по набору и содержанию войск. Нужны были литейщики, мастера, инженеры, о присылке которых царь Ираклий неоднократно и безрезультатно просил Петербург.

Тогда он обратил свои взоры к Европе. В 1781 и 1782 годах он отправил грамоты Римскому императору Иосифу II и другим властителям через католических миссионеров патеров Доминика и Мавроса. «Хотя наш народ не в великом числе, но, имея по-европейски регулярное войско, с помощью божьей помощи бы мы в состоянии побеждать неприятелей, хотя бы их и было превосходное число против нас, и они не осмелились бы, наконец, воспротивиться нам». Он просил в этом деле помощи, «дабы европейским государям был я в состоянии с областями моими оказать услуги по возможности», — так заключает Ираклий свою грамоту. Нет сомнения, что он хотел это войско против персов и турок, преувеличивая значение и возможность регулярной армии.

Копии своих грамот Ираклий прислал в Петербург.

Это очень интересный момент. Император Иосиф II в 1780 году побывал в России инкогнито под именем графа Фалькенштейна. (Кстати, многие государи, очевидно, в подражание Петру I, принялись ездить под псевдонимами. В 1781 году наследник Павел отправился в Европу под именем графа Северного. В июне 1783 года Екатерина прибыла в Фридрихсгам, куда на встречу с ней под именем графа Готландского приехал король Швеции. Король Густав IV под именем графа Гаги и регент под именем графа Вазы прибыли в Петербург.) Свидание Иосифа II с Екатериной состоялось сначала в Шклове, но затем он приехал в Петербург, где жил в трактире, специально для него приготовленном (переделали для него новую баню, намалевали вывеску, наняли специальных людей, которые должны были изображать трактирщика и слуг). Он пробыл в этом мнимом трактире пять дней в восторге от того, что ведет такой простонародный образ жизни. Это был секрет полишинеля, о котором знали все. Ираклий тоже должен был получить об этом сведения, во всяком случае о том, что союз между русским и венским дворами все более скреплялся. Сближение между Россией и Австрией завершило

обмен письмами между Екатериной и Иосифом в апреле-мае 1781 года.

Очевидно, что адресата своего послания Ираклий выбрал не случайно. Он хотел, чтобы оно обязательно стало известно русской императрице. Но так как полной уверенности, что Иосиф сообщит о нем союзнице не было, Ираклий решил подстраховаться и еще представил копии.

Результат не замедлил сказаться. Императрица указала А. А. Безбородко и Г. А. Потемкину «заключить с грузинскими царями союзный трактат». Текст договора был написан А. А. Безбородко на основании проекта Ираклия.

Насколько русское правительство встревожило обращение Ираклия к римскому императору и прусскому королю, видно из письма А. А. Безбородко к Г. А. Потемкину в декабре 1782 года (письмо называется: «Высочайше указанные основания для заключения русско-грузинского договора»):

«1. Мнение ее и. в. было, чтоб через вашу светлость заключить с грузинскими царями союзный трактат, не именуя их подданными, но союзниками, от императрицы всероссийской покровительствуемыми.

2. Поборов денежных не принять никаких, ниже (в том числе, также) половины с металлов и минералов, а оставить все то в пользу царей грузинских, а принять только ежегодную присылку шелку, вина и лошадей.

3. По благорассуждению вашему назначить им субсидии денежные по числу войск во время войны, а на первое время сумму некоторую, буде изволите найти надобным».

И наконец четвертый пункт, самый главный:

«4. Отклонить всякое их знакомство с императором Римским и с другими христианскими державами, сказав, что оне не имеют условия вмешиваться в дела, до азиатских наших соседей касающиеся, да и писем к императору не посылать».

5 и 6 пункты касаются русских войск в Грузии и мира между Ираклием и Соломоном. При заключении трактата «не худо было бы» «привязать сей народ к России», а для этого грузинскую церковь подчинить синоду, знати дать права русского дворянства. Вино можно у грузин не брать, а покупать «за известную цену»; поставить в Грузии два батальона с пушками, сменяя их «погодно». И тут опять самый волнующий императрицу вопрос: «Когда по духовенству привязаны будут к синоду, то по сему примеру и римское духовенство (в Грузии) от России же получать будут, а сим кончатся отношения с императором (Римским), которых причиною миссионеры».

Екатерина и Безбородко считали виновниками сношений

Ираклия с европейскими державами католических миссионеров, живших в Грузии. Но скорее всего мысль об этом дипломатическом ходе преподнес Ираклию доктор Яков Рейнеггс, которого П. С. Потемкин потом назвал «ветренным», и его спутник граф Когари. Они приехали в Тбилиси летом 1778 года. Рейнеггс был принят Ираклием на службу. Он врачевал, обучал мастеровых на монетном дворе, отливал пушки, устроил «пороховую мельницу» и приготавливал порох по европейскому образцу, построил машины для выделки железа и стали, заведовал типографией, для которой выписал из Венеции станки. Он постоянно вращался в обществе капуцинов, которых в то время в Тбилиси было 6 человек. В июле 1781 года был вызван П. С. Потемкиным на Кавказскую линию. В следующем году вернулся в Грузию с дипломатической миссией, связанной с Георгиевским трактатом.

Своим дипломатическим ходом, своей настойчивостью Ираклий поставил Екатерину перед необходимостью решать вопрос с Грузией, не отлагая: предоставить ли ее своей судьбе или решиться на заключение союза. Все прежние отговорки — и отдаленность Грузии, и сложность передвижения по ней — отступили перед стремлением Екатерины — не дать европейскому влиянию опередить ее.

И вот свершилось то, чего добивался Ираклий. Хотела того Екатерина или нет, союз был подписан. Россия ступила за Кавказ. Но до полного осуществления целей Ираклия было еще далеко.

«20 числа в 9 часов поутру собралась знать и множество народу в церкви Успения богородицы. Затем царь в сопровождении царевичей и придворных вошел в церковь, и началась литургия. Митрополит Герман провозгласил освященное имя ее императорского величества. Проповедь сказал Гайоз. Молебен отправлял католикос с митрополитом. По окончании была пушечная пальба. Царь, вышед из церкви, ехал верхом до дворца в сопровождении знатных, тоже верхами, и народа».

Сколько надежд, сколько радости!

«Пред обедом подана была кофе, а в два часа и обеденное кушанье», за которым при тосте за императрицу тоже «была пушечная пальба, во время стола была персидская музыка. Царский дом был иллюминирован, в рядах все лавки открыты, завешаны парчами и разными шелковыми материями, освещенными изнутри фонарями из разноцветной бумаги и множеством свечей. Пред каждой почти лавкой была азиатическая музыка, песни арабские и плясания. Это продолжалось всю ночь... 21 тоже иллюминация и фейерверк, составленный из

ракет и фонтанов. Народный маскарад ходил по улицам при биении в бубны. Сие веселие продолжалось до света».

Таким образом, Картл-Кахети, обретшая после многих лет иноземного господства независимость, вновь, на сей раз добровольно, теряет ее. Она это делает исходя из собственных интересов, так как связывает себя со страной, которая в экономическом и политическом отношении была на более высоком уровне, чем Персия и Турция, и к тому же не грозила грузинам физическим уничтожением.

Ираклий добровольно пошел на ограничение своих прав, на признание такого верховенства русского монарха, которое оставляло за Картл-Кахети только внутривластную автономию, лишая ее качества суверенного государства и переводя в разряд привилегированной провинции. По существу Грузия вступила в число стран, подвластных Русской империи, но власть эта строго обусловлена договором. Очевидно, что Картл-Кахети перестает быть полностью суверенным государством.

Но политические и династические задачи, стоявшие перед Ираклием, с его точки зрения, стоили этой жертвы. Ираклий глубоко надеялся, что с помощью великой России ему удастся вернуть утраченные грузинские земли: Тао-Кларджети, Самцхе-Саатабаго и Лазистан.

Не вина его, что восторжествовала другая сторона медали, которую, правда, можно было предвидеть — усиление могущества России рано или поздно должно было положить конец всякой, даже внутренней, независимости, о чем свидетельствовали примеры Украины, Курляндии и Крыма. Требовать или даже ждать от русской политики особой щепетильности в адрес Грузии смешно, так как альтруизм и абсолютизм — понятия несовместимые. Они никогда не шли рядом и друг друга не знали.

Но акт был взаимовыгодным, отнюдь не односторонним: России давалась возможность «ступить за Кавказ» и утвердить там свое влияние. Именно так оценили это событие Европа и Турция. Екатерина насмешливо писала Г. А. Потемкину: «На зависть Европы я весьма спокойно смотрю — пусть балагурят, а мы дело делаем».

Русская политическая активность на Кавказе объясняется слабостью Турции и Персии и удачной конъюнктурой в Европе, а также тем, что «здесь царизм мог принять позу освободителя» (К. Маркс, Ф. Энгельс).

Грузия не была беспомощна и слаба, если даже коренные персидские области, о которых мы уже упоминали — ханства

Тавризское, Марагское и пашалык Баязетский, — признавали его суверенитет над собой. Считается, что обычно народ или государство добровольно отдаются под покровительство другого тогда, когда у него нет другого выхода. Что же тогда толкало Грузию на сближение с Россией? «Горячее желание Ираклия стать среди государей Азии первым повелителем, а грузинскую нацию возвеличить». Георгиевский трактат был вызван не безвыходным положением Грузии, а «желанием Ираклия прекратить мучения своего утомленного народа беспрестанными призывами под знамена и дать ему возможность культурной жизни».

Однако в результате заключения Георгиевского трактата набег горцев усилились, а Турция и Персия грозили опустошением и разорением. После подписания трактата все окрестные ханы «взбаламутились». Они опасались завоеваний Ираклия и стали подстрекать шахов. Особенно вредил Ибраимхан Шушинский, недавний друг. «Эриванский Гуссейн хоть и поплатился жизнью, но молодой его наследник стоит на последней черте отпадения от Грузии. Татарские народы, оставя тучные земли свои в Казахе, Шамшадилах и Шамхоре, ушли к шушинскому хану и теперь служат у него против царя. Порта подговорила аварского Ума-хана (Омара) идти на Ираклия, обнадеживая помощью со стороны ахалцихского паши».

Ираклий знал, что карталинцы его не любят, почему и примут Александра Бакаровича. Князья хоть и приняли трактат единогласно, но... Они «все мечтали себе, что золото и серебро изльется им без всяких их заслуг», и теперь недовольны.

В Грузию, наконец, прибывают русские войска — всего два батальона, — но еще до них их командир и «комиссионер» П. С. Потемкина при Ираклии и Соломоне начинает составлять «Картины Грузии», в которых отмечает, что в «Кахетии, Карталинии, в городах Кавказа и в зависимых от Ираклия Эривани и Ганже с их землями грузин, армян, греков, магометан, разных горских народов и курдов в 1783 году считалось 42.000 дворов».

Ираклий единовластен. «Ему одному повинуются с подобострастием, прочим чинам весьма худо». Министры: иностранных дел, государственных доходов, военных распоряжений «всегда из армян, ибо грузинские княжеские фамилии почитают по гордости своей не совместным учить детей своих и простому счету».

«Ираклий, невзирая на 70-летнюю свою старость, удивил

тельно деятелен, бдит всю ночь до утра, отправляя дела своего государства, спит мало, днем дает аудиенции послам от персов и горских владетелей. 3 раза молится. Производит сам суд даже при мелких распрях; ни к чему так не стремится, как преобразовать свой народ по-европейски».

Интересно, что идея европеизации жизни страны владела не только Ираклием. Передовые деятели и других народов приходили к ней. В Крыму, который был присоединен к России в этом же, 1783 году, шла борьба за власть между братьями хана. Один из них — Сахиб, или Шахин-Гирей, вел в 1775 году в Петербурге переговоры о будущем статуте Крыма, о чем мы рассказывали выше. Став ханом, он задумал европеизацию Крыма, но феодальная реакция оказалась сильнее и он в 1778 году был свергнут.

Эта историческая аналогия подтверждает мысль о том, что решение Ираклия о покровительстве России, принятое после взвешенных колебаний, было во многом продиктовано его антифеодальной позицией.

Бурнашеву также поручено составить карту Грузии, «особливо с Турецкой стороны».

Бурнашев командирован «для осмотра их земель и приведения оных в безопасность потребными укреплениями». «Нет надобности заводить больших крепостей, но прожектировать малые укрепления, достаточные для защиты от соседей», — писал ему в Ордере Г. А. Потемкин.

Пробыв в Грузии почти четыре года — с мая 1783 по октябрь 1787 — и не сделав ничего существенного, Бурнашев с батальонами внезапно был отозван во время военных действий под Гянджей и 26 октября уже прибыл во Владикавказ.

Этому было несколько причин: «В плане тогдашней войны с турками не было предположено действовать против неприятеля со стороны Закавказья; затем, со времени вступления русских войск Ираклий потерял многих своих союзников и русское правительство полагало, что с удалением русских войск царю Ираклию удобнее будет в течение нашей войны с Турцией обезопасить себя через возобновление прежних союзов, и, наконец, причина еще состояла в том, что наши войска, даже в таком незначительном числе, как 2 батальона, терпели в Грузии большой голод».

Вторая русско-турецкая война была вызвана следующими обстоятельствами. Хотя в начале 1784 года Турция и «признала формальным актом Крым, остров Тамань и всю Кубанскую сторону под Российской империей», но она все же не

смогла смириться с потерей этих областей и сознательно провоцировала Россию на войну. Рейс-эфенди предъявил Я. И. Булгакову ультиматум, потребовав признать верховные права Порты над Грузией, допустить турецких консулов в Крым и выдать господаря Молдавии Маврокордато. Россия же стремилась к окончательному разрешению крымского вопроса, где феодалы, поддерживаемые Турцией, вели упорную борьбу за восстановление турецкого владычества. Борьба за Крым была в сущности борьбой за Черное море, от чего зависело «утверждение в Северном Причерноморье, свободное плавание в черноморском бассейне, укрепление позиций на Кавказе» (Очерки истории СССР).

Почему же в таком случае выводились войска из Грузии? Ведь, казалось, предоставляется удобный момент для того, чтобы исполнить один из пунктов трактата и вернуть хотя бы часть грузинских земель.

Тем более, что непосредственным поводом к войне явился конфликт, который возник между Турцией и Россией в связи с вопросом о статуте Дунайских княжеств — Молдавии и Валахии, и о русском протекторате над Грузией. Что касается Грузии, то в служебной записке канцлера Безбородко, которую тот считал на Совете, он пишет:

«В 1783 году заключен между нами и царем Карталинским и Кахетинским торжественный трактат, в коем сей владетель, отрехийшийся от всякой посторонней зависимости, отдал себя с его владениями под покровительство и верховную власть нашу и преемников наших. Принятие его под державу нашу не было противно обязательствам нашим с Портою, ибо царь Карталинский не зависел от империи Турецкой. Порта, известна будучи о нашем трактате, не делала ни малейшего оспаривания, да и не имела права вмешиваться в дело для нее постороннее; но обратила коварные свои действия в ту сторону, подкрепляя посредством паши Ахалцихского лезгин нападать на области царя Карталинского, разорять оные и пленять христиан. Напоминания наши не подействовали и на требования решительного наказания паши ахалцихского, ответствовала она упорством исполнить требование наше, предьяв тут мнимое ее право на царя Карталинского».

Обширная записка оканчивалась словами:

«Свет беспристрастный увидит, когда все сии происшествия ему предъявлены будут, что когда с нашей стороны предшествовали искренность, умеренность и миролюбие, напротив того с Турцкой коварство и наглость сопровождали все сей державы поступки».

По окончании чтения записки государыня заявила, «что она, конечно, весьма любит мир», но в настоящем случае «не может уже внимать никаким предложениям».

Совет по решению императрицы постановил потребовать от Турции удовлетворения, особенно потому, что число войск «весьма достаточно к надлежащему начатию военных действий».

Однако, вместо удовлетворения, турки в 1787 году опять, как и при начале прошлой войны 1769—1774 годов, заточили в Семибашенный замок посланника Булгакова, который, находясь там всю войну, перевел на русский язык огромное, в 27 томов, сочинение аббата де ла Порты. (Того самого, который восторгался красотой грузинских женщин. — Б. А.).

Именно для того, чтобы не включать требование Грузии о возврате ей Турцией Тао и Ахалцихского края в условия последующего победоносного мира, ее исключили из участия в войне. При той торговле землями и «выгодами», которая неизбежно сопровождает заключение мира в которой участвуют и другие державы, Россия хотела иметь руки свободными и выговаривать «выгоды» себе, а не Грузии. Более того, «желая оттянуть войну, русское правительство сочло возможным не настаивать более на признании протектората России над Грузией» (Очерки истории СССР). То есть фактически, не ставя об этом в известность Грузию, разорвало в одностороннем порядке Георгиевский трактат.

Теперь понятно, почему были выведены войска.

Отдавая приказ об их отозвании, П. С. Потемкин пишет Бурнашеву: «Под рукой же (то есть по секрету) объявите его высочеству, чтобы поладил с ахалцихским пашой». Еще в прошлом году Ираклий с ведома России заключил с этим пашой мирный договор, по которому Ираклий мог держать у себя не более трех тысяч русских войск, а паша Сулейман не держать у себя лезгин. Совет «поладить» с пашой в этих условиях мог означать только одно — предупреждение о начале войны.

Тем более Ираклий не хочет отпускать русские войска. Для него их вывод — как гром с ясного неба. Еще утром Ираклий из своей ставки пишет Бурнашеву о том, что Омар-хан прибыл в Белаканы и просит помощи «для защиты от врагов присоединенного к России царства». Получив ошеломляющее известие, Ираклий в тот же день, 4 октября, пишет еще одно письмо. Он только что узнал, что Бурнашеву приказано вывести войска из Грузии. «От его светлости (Г. А. Потемкина) не

дано нам знать, что батальоны выводятся из Грузии... Находясь уже в крайности, мы тем более печалимся, что неизвестно нам, по каким причинам нас постигает такое чувствительное несчастье». «Вы оставляете Грузию к крайнему отчаянию наших подданных в то самое время, когда Омар-хан угрожает нападением на наши земли».

Действительно, это решение русского правительства можно расценить только лишь как предательство. Войска находятся в Грузии согласно договору, который не денонсировала ни одна из сторон, и выводятся тогда, когда союзнику противостоит сильный противник. Чем это не поступок Тотлебена под Ацкури? Одинаковость их, манера, стиль, повадка, изменническая сущность достаточно полно характеризуют так называемый просвещенный екатерининский век.

Войска вывели, но грузины надеялись, что будет выполнено по крайней мере другая часть трактата. Не может же быть, чтобы русские наплевали на все пункты подряд.

В мае 1778 года С. Туманов, заменявший тогда Г. Чавчавадзе во время его отпуска, «представил русскому правительству, чтобы в будущем мирном договоре с Портой Россия выговорила в пользу Грузии Ахалцихскую провинцию, а в пользу Имеретии — Аджарию, как издревле оным принадлежащие». Но ничего этого Россия не «выговаривает». В виду угрозы Ага-Магомет-хана Туманов просит также «удвоить количество батальонов, состоящее до сего в Грузии (то сеть дать уже четыре), а если это невозможно, то ввести немедленно хотя бы то же количество». Вернувшийся на свой пост Г. Чавчавадзе тоже требует, чтобы в силу трактата были присланы в Грузию 2 батальона, которые постоянно должны находиться при Ираклии. «Мы были в надежде, что к упомянутым батальонам в подкрепление и другие войска присланы будут, но последовало тому противное — находившийся там министр (Бурнашев) выехал и батальоны из Грузии вышли в самое нужное время, мы же остались против наших врагов одни», — сетует он.

Послы слышат в ответ невнятные рассуждения насчет «провианта» и сами вынуждены отвечать, «что провиант им (батальонам) будет доставляем по справочной (т. е. по рыночной) цене до того времени, пока народ, разоренный нападениями, не оправится и тогда уменьшится цена провианту».

При этом между каждым представлением и ответом проходит много времени. В столице заняты другим. Секретари благоговейно сообщают друг другу, что Екатерина написала очередную пьесу, которая «играна была в ее и. в. покоях». При

дворе бесконечные турниры, карусели, катания с гор. «Повозка, в которой находилась Екатерина, стала клониться. Григорий Орлов, обладавший большой силой, спас ее от падения». Пьесы, переодевания. Однажды «во время сих увеселений вышли из внутренних покоев императрицы семь дам: это были в женском платье Григорий Орлов, Н. А. Головин, П. Б. Пассек, Л. А. Нарышкин, М. Е. Баскаков и А. М. Белосельский. На всех были кофты, юбки и чепчики. Князь Белосельский был одет похуже других, представляя маму, а прочие барышни были под его смотрением. Их посадили за круглый стол, поставили закуски и поднесли пунш. Потом вставши плясали и много шалили».

Несмотря на «почти повсеместный голод 1787 года» и нищету народа, «одних сливок во дворце расходовалось на 250 тысяч рублей».

При вечерних увеселениях в Эрмитаже в наказание за произнесенное иностранное слово полагалось выпить стакан холодной воды и прочесть сто стихов из «Телемахиды» Тредиаковского, поэта «известного по совершенному отсутствию вкуса и поэтического дара».

Вот еще их игры. Долго на них «не появлялся Александр Сергеевич Строганов. Екатерина дала тайное приказание Плутону Зубову, фавориту, атаковать его дачу и привести во дворец пленным. Граф узнал об этом, разломал мост на Черной речке, укрепил дачу батареями и стал ждать. Зубов прибыл с егерями в лодках, но не только не смог овладеть дачею, но и сам вынужден был сдаться на капитуляцию. Он попросил графа на берег посмотреть свои трофеи. Граф не только вышел на берег, но и взошел на катер». Здесь они поменялись ролями, Зубов превратил его в пленного и доставил к императрице.

Еще более занимали чиновников и знать фавориты Екатерины, о которых говорили, что они «в случае». Мемуары сановников и послов пестрят следующими выражениями: «Граф Александр Матвеевич Мамонов, находившийся тогда в случае... Ее сын от Орлова граф Бобринский... В продолжении случая кн. Потемкина... Я не так часто хаживал к случайным людям и не искал их благорасположения. Любимца надо себе представить, что он как в чаду и окружен по большей части льстецами». «В случае» были Зорич, Корсак, ставший Корсаковым, Ланской, Страхов.

А. И. Герцен писал: «С каждым днем пудра и блески, румяна и мишура, Вольтер, «Наказ» и прочие драпри, покры-

вавшие матушку-императрицу, падают все больше и больше, и седая развратница является в своем дворце «вольного обращения» в истинном виде. Между «фонариком» и Эрмитажем разыгрываются тогда сцены, достойные Шекспира, Тацита и Баркова. Двор — Россия жила тогда двором — был постоянно разделен на партии, без мысли, без государственных людей во главе, без плана. У каждой вместо знамени гвардейский гладнатор, которого седые министры, сенаторы и полководцы толкают в опозоренную постель, прикрытую порфирой Мономаха. Потемкин, Орловы, Панин — каждый имеет запас кандидатов, за ними посылают в случае надобности курьеров в действующую армию. Особая статс-дама испытывает их. Удостоенного водворяют во дворце (в комнатах предшественника, которому дают отступной тысяч в пять крестьян), покрывают бриллиантами, звездами, лентами, и сама императрица везет его на показ в оперу, где публика ломится в театр, чтобы посмотреть нового наложника».

Голод 1787 года и затем революция во Франции надломли одряхлевшую Екатерину. Доклады к ней месяцами лежали нетронутыми. Наблюдательный современник, предшественник Козьмы Пруtkова, замечает: «Солнце на закате не тот свет имеет, который действует при восходе и во время полдня». Начинает стремительно возвышаться Платон Зубов, «ничтожный фаворит, своей фигурой особенно рельефно подчеркнувший вредоносное влияние фаворитизма. Он не достиг «еще и 22-летнего возраста, когда не желающее стареть сердце шестидесятилетней императрицы пропеклось нежной страстью к этому молодому человеку». Современник со слов камердинера императрицы Захара заносит в дневник важное событие: караульный секунд-ротмистр П. А. Зубов «начал по вечерам ходить через верх». Две недели спустя он был произведен в полковники и флигель-адъютанты и поселился в тех покоях, которые раньше занимал Дмитриев-Мамонов и которые соединялись с комнатой Екатерины потайной винтовой лестницей.

Отзывы о нем все сплошь малоприятные. В делах прилежен, но бездарен. «Дурацкие» проекты. Суворов считал его «негодяем» и «болваном». РаSTOPчин тоже называл его бездарностью и указывал, что только память «взрослого верзилы» заменяют ему здравомыслие. Он уподоблял его мальчишке, осмеливающемуся представлять из себя Нерона. Храповицкий называл его, шепотом, разумеется, «дуралеюшка Зубов». Трошинский считал его «бельмом».

При дворе все тайно ненавидели Зубова. Могущество его возрастает. Он «слывет за главного деятеля во всех делах и

дает чувствовать свое всемогущество самым возмутительным образом». «Все ползало у ног Зубова», — отмечает посол Массон. «У него не было ни гения, ни честолюбия Орлова и Потемкина, хотя он совместил в своей особе более власти и значения, нежели эти два знаменитых любимца». «По мере утраты государыней ее силы, он приобретал могущество, богатства». Даже Кутузов приходил к Зубову за час до его пробуждения и особенным образом варил для него кофе, который потом и относил фавориту на виду у множества посетителей, которые завидовали ему. «Его лакеи тычками разгоняли генералов и офицеров, коих толпа, теснясь у дверей, мешала их запереть».

Лето императрица проводила в Царском Селе и лишь осенью перебиралась в Зимний. В большой моде были маскарады. Императрица иногда посещала их в чужой карете, стараясь, чтоб ее не узнали. «Гостеприимство было чрезвычайное. Тогда не было теперешней роскоши, но радушие и истинная веселость оживляли общество».

Эта веселость никак не сочеталась с тревожным положением в Грузии, говоря без преувеличения, буквально брошенной на произвол судьбы. Мы еще вернемся к вопросу о том, для чего и почему это было сделано.

Вторая русско-турецкая война 1787—1791 годов не коснулась Грузии. Ираклий «поладил с ахалцихским пашой», а также с эрзерумским и с самим султаном. Не тревожил и Ага-Магомет-хан, занятый переговорами с русскими и внутренними делами. По Ясскому договору выговорены были в пользу Грузии некоторые «выгодности»: чтоб ахалцихский паша не держал у себя лезгинские полчища и не допускал их нападать на Грузию и что грузины, уведенные в плен в Крым и Турцию, возвращены были на родину.

Надежды Ираклия на возвращение грузинских земель, ради которых он подписал договор, не оправдались. Лишь через сто лет были отвоеваны Аджария и Ахалцих, но Южная Грузия так и осталась в руках Турции. Зато сама Грузия лишилась независимости.

Уполномоченными России при Ясском мире были: А. А. Безбородко, генерал-поручик Самойлов, контр-адмирал де Рибас и Лашкарев. Безбородко из Ясс писал Воронцову: «Земля (молдавская) столь разорена, что без жалости ни на что взглянуть нельзя. Веселость здешнего народа превратилась в уныние, нет уже ни малейшей привязанности, которою они отличались к России».

Вести переговоры должен был Г. А. Потемкин, который всю войну жил в Яссах «с пышностью и блеском. Он окружил себя гаремом красавиц и устраивал оргии». После одной из них он и умер и на смену ему приехал Безбородко. Потемкин был человеком железной воли и блестящего ума. Его внезапную кончину объясняли пронсками нового фаворита Зубова и даже самой императрицы. Но Екатерина упала в обморок, получив известие о его кончине. «Ах, что это за умница! Как заместить такого человека?» — повторяла она своему секретарю Храповицкому.

Когда заключался Ясский мир, то Яссами, как и всем Молдавским княжеством, управлял С. Л. Лашкарев-Бибилури (Лашкарашвили) из грузинской фамилии, выехавшей еще с Вахтангом VI. Он был дипломат и государственный деятель. Сюда же явился из Вены Иона Мровели, где он был после путешествия по святым местам Палестины и Ближнего Востока. В описании своего путешествия он рассказывает о неожиданной встрече в Яссах с архиепископом Гайозом: «Пришел Гайоз, и, увидев друг друга, мы обнялись. Гайоз плакал, и я спросил: «Почему ты плачешь, отец и брат?» Он ответил: «Где мы встречаемся!» Много мы вздыхали вместе». В Яссах были в это время также царевич Мириан, Бесики и Сулхан Туманишвили, дипломат. Они собрались сюда по делам службы, но также в надежде, что при мирных переговорах Грузии выпадет какая-нибудь часть ее земель. Смерть Потемкина была для них ударом. Он был человеком твердым, самостоятельным и, кроме того, давно занимался делами Грузии, под его эгидой и руководством был заключен Георгиевский трактат. Одно время он даже ходил в зятях Грузии. После ухода Бурнашева Ираклий запрашивал Гарсевана Чавчавадзе, чем можно привлечь Россию, растопить ее ледяное сердце. Г. Чавчавадзе отвечал: «Сделать Потемкина вассалом Грузии, отдав ему земли между Анагуром и Дарьялом». Другим средством он считал брак царевны Анастасии с тем же Потемкиным. Идея этого брака одно время, кажется, рассматривалась.

Из Ясских переговоров, несмотря на участие в них Лашкарева, ничего существенного для Грузии не вышло. Разъезжались разочарованными. Только Иона Мровели получил в управление монастырь св. Панкратия недалеко от Ясс. (Этот неугомонный монах был потом в Киеве, потом в Чудовом монастыре в Кремле. Во время нашествия Наполеона жил в Лыскове у Георгия Грузинского, потомка Вахтанга VI.)

В 80-х годах стал быстро возвышаться Ага-Магомет-хан, мечтавший вернуть Ирану блеск и величие времен Шах-Аб-

баса. Он угрожал и Грузии, и торговым интересам России. Первое его активное явление на международной арене было показательным.

15 декабря 1781 года персы заманили на угощение командующего русской эскадрой, стоявшей в Астрабадском заливе, Воиновича со всеми офицерами и 50 матросами, арестовали их и заковали в кандалы. Освободили их лишь 2 января 1782 года по приказу Ага-Магомет-хана с тем, чтобы они собственноручно срыли все построенные ими с ноября 1781 года укрепления с 18 пушками, пристань и другие здания, которые они построили без согласия персов. Отныне им позволено было лишь только торговать, строго придерживаясь Гянджинского и Рештского трактатов.

Разметав всех своих противников, Ага-Магомет-хан стал утверждаться на троне. Это было злобное, неукротимое существо. В прошлом он был внук Надира, который его и изуродовал.

«Желтое, морщинистое и безбородое лицо свидетельствовало о том противоестественном уродстве, которое, будучи некогда совершено над ребенком, сделало из него в зрелом возрасте ненавистника всего рода человеческого. Изуродованный телесно, шах стал извергом нравственным. Останки шаха Надира, виновника своего увечья, он сложил под плиты коридора, ведущего в сераль, чтобы иметь возможность ежедневно попирать прах, ему ненавистный; точно так же желал бы он уложить в одну гробницу весь род человеческий, чтобы презрительно попирать его ногой».

Тщетно присылал он послов в Россию, требуя признания его шахом, но русские соглашались на это лишь при условии, если он оставит в покое Грузию, не будет претендовать на прикаспийские провинции и на Азербайджан, то есть согласится на исправление русско-персидских границ. Каспийские провинции, занятые Петром, уже давно вернули Персии на основе трактатов 1732 и 1735 годов. Требование не претендовать на них означало нечто иное, как непризнание этих трактатов, притязание на персидские провинции и отказ от границы по Тереку (Койса). Ага-Магомет, естественно, добровольно отдать их не мог. В сущности, это требование создавало долговременный фактор напряженности между двумя государствами.

Оттеснив Турцию, Россия обратилась к Персии. Ей нужен был повод для войны, и она спровоцировала Иран. Необузданность Ага-Магомет-хана, как мы видим, прекрасно использовалась русской дипломатией. Грузия должна была стать приманкой для Ага-Магомета. Это была вторая причина ухода

войск Бурнашева (2 батальона). Учитывалось и то, что окружающие Грузию ханы «взбаламутились», и злоба самого шаха к России, распространяющей свое влияние на Кавказ, и к Грузии, проводнице этого влияния, и неистовство самого Ага-Магомета, ущемленного и ненавидящего все и вся.

Еще в мае 1788 года посланник С. Туманишвили заявлял Безбородко, что «Ага-Магомет-хан приблизился с многочисленными войсками к границам Грузии, чтобы учинить на нее нападение», и просил артиллерию, но...

С марта 1793 по июль 1797 года главным предметом переписки между правительствами русским и грузинским стал Ага-Магомет-хан.

Угроза его нашествия растет, и Ираклий встревожен. Он пишет также царевичу Мириану, находящемуся в Петербурге, и тот наивно ходатайствует перед императрицей за своего отца и отечество.

Ираклий просит, чтобы во исполнение трактата в Грузию были присланы войска, но русское правительство отмалчивается. Ссылаются на дороговизну и трудность содержания войска. Гудовичу (начальник Кавказской линии), впрочем, посланы указания, дабы он в случае, если Ага-Магомет действительно вознамерится напасть на Грузию, «обнадежил бы» Ираклия «высочайшим ее величества покровительством и учинил надлежащее внушение оному хану», что он, Гудович, «на такое предприятие не может взирать равнодушно... и подал бы царю деятельное пособие поколику возможно, не заходя в большие издержки и хлопоты».

Поскольку из этого послания ничего понять было нельзя, Гудович 7 мая запросил с солдатской прямоотой, чтоб ему ответили определенно: «Если действительно Ага-Магомет-хан Исфаганский покунется сделать нападение на Грузию или будет предпринята враждебная акция против русских купцов, — то каким образом поступить мне в таковых случаях?»

В то же время Г. Чавчавадзе в ноте указывает: в силу договора 1783 года в Грузию были присланы два батальона русского вспомогательного войска. «Когда же Оттоманская Порта объявила высочайшему русскому двору неправедно войну, тогда мы были в надежде, что к упомянутым 2-м батальонам в подкрепление и другие войска присланы будут... но последовало тому противное — находящийся там министр (Бурнашев) выехал и батальоны из Грузии вышли в самое нужное время. мы же остались противу наших врагов одни». Он настойчиво добивается от русского правительства помощи, обусловленной Георгиевским трактатом: «Вам не безызвестно, нас-

колько царю моему нужна скорая помощь». Он также хочет знать «точное свое положение», то есть будет эта помощь или нет? В июле Чавчавадзе опять запрашивает Безбородко: «Все-нижайше прошу вас уведомить меня в точности: соизволит ли высочайший русский двор в силу своих обязательств по трактату подать нам помощь и защиту или нет?»

Царица Дареджан от 6 июля слезно умоляет императрицу «сжалиться на толикое число христиан» и приказать, согласно обещанию в трактате, «о подании нам помощи непобедимую конницей».

29 августа Ираклий уведомляет своего посланника в Петербурге об угрожающих действиях Ага-Магомет-хана и его требованиях и опять просит прислать 3 тысячи человек на помощь. Он сообщает, что Ага-Магомет занял Эриванское ханство, которое уже 45-й год принадлежит Грузии и все это признают, в том числе и персы, а теперь вместе с Грузией находится под покровительством России. Фирман и другие документы Аги, перехваченные Ираклием, не оставляют сомнений в скором приближении персиян к границам Грузии, а Омар-хана — к Кахетии. Им, Ираклием, послана к Гудовичу просьба о присылке как можно скорее 3 тысячи войск на помощь.

Уловивший, очевидно, что замедленность в ответах и решениях канцлера и императрицы не случайна, Гудович 13 сентября невозмутимо пишет: «Я царю Ираклию писал, как и прежде:—предстоит еще довольно Ага-Магомет-хану препон к произведению в действо предприятий против Грузии».

Между тем Тбилиси взят уже два дня назад, 11 сентября!

Гудович указывает также в рапорте, что внушил посланцам Ага-Магомет-хана, которые у него были, что «Грузия находится под покровительством вашего императорского величества и что Ага-Магомет-хан не должен осмелиться делать на оную нападений». После этого посланцы «поспешно» выехали в Персию. Они так торопились потому, чтобы поскорее сообщить Ага-Магомету «ни одна рота солдат не была еще послана из России в Грузию».

К четырем часам иранцы заняли майдан и тотчас приступили к грабежам и резне населения. Народ укрылся в церквях и шиитской мечети, но это никого не спасло. Мужчин, стариков и детей убивали, а молодых девушек и юношей уводили в соганлугский лагерь. Там их было до 3-х тысяч. В основном пострадали немущие, но погибло также много знатных горожан. В анчисхатском квартале ворвались в дом Гарсезана Амилахвари, посланного царем к графу Гудовичу, и напали

на его жену. Молодая женщина своей рукой убила двух насильников, но и сама была ранена кинжалом. Ее отправили в соганлугский лагерь и продали какому-то дербентцу.

Ага-Магомет вступил в Тбилиси 13 сентября и тут же приступил к разрушению, начав с мраморных бань. Затем были разрушены арсенал, монетный двор, семинария, типография, правительственные здания, дворцы царевичей и князей, Авлабарский мост, церковь капуцинов с ее школой и библиотекой. Сровняли с землей царский дворец, уничтожив фонтаны и бассейны. Разгромили богатое царское книгохранилище. Золотая посуда, ковры, корона и скипетр были захвачены пьяными от крови кизилбашами. Грузинских и армянских священников топили в Куре.

Артемий Араратский, автор XVIII века, очевидец событий, приехал в Тбилиси на второй или третий день после занятия его персами. «В деревне Мерткопе, которой жители все разбежались, остановились мы провести ночь и на другой день дошли до деревни Лило; но и здесь не нашли ни одной живой души, кроме мертвых тел, ибо персияне доходили и до сего места. Чем далее мы шли к Тифлису, тем более видели повсюду убитых... К вечеру третьего дня вошли в предместье Авлабар, которое персиянами все было выжжено. По всему предместью нашли только один дом, уцелевший от обычного пожара. Тифлис почти во всех местах дымился. Пришед в Тифлис через Тапитагские ворота, я еще более ужаснулся, увидев даже женщин и младенцев, посеченных мечом неприятеля повсеместно, не говоря уже о мужчинах, коих в одной башне нашел я на глазомер около тысячи трупов. Бродя по городу, даже до Гянджинских ворот, я не встретился ни с одним живым человеком, кроме некоторых измученных стариков, коих неприятели, допрашивая, где есть у них богатства или деньги, делали над ними различные тиранства. Город почти весь был выжжен — и еще дымился, а воздух от гниющих тел, по жаркому времени, совершенно несносен».

«Дома в Цхете также все выжжены, и повсюду валялось множество убитых жителей».

Это массовое убийство грузинского населения — одно из самых страшных преступлений царизма.

13 сентября — день самой беспощадной резни в Тбилиси. Гудович пишет фавориту графу Зубову: «При беспрестанных требованиях царя Ираклия о посылке войск, ежели и действительно Ага-Магомет вступит в Грузию, к чему он близок, каким образом мне поступить?».

Уже 14 числа Ираклий известил Гудовича о взятии Тбилиси: «Мы уведомяли, что Ага-Магомет-хан хочет идти на Грузию и о том, в каких местах имел он свое пребывание. Мы полагали надежду на всемилостивейший трактат и день ото дня ожидали от вас помощи, но однако не получили».

Однако Гудович бессилён: «Я до ныне не мог и не могу послать в Грузию войска за неполучением высочайшего императорского повеления на всеподданейшие мои донесения о стесненных обстоятельствах Грузии».

Только 4 сентября ему было, наконец, послано распоряжение направить в Грузию «против сего беспокойного человека» (Ага-Магомет-хана) 2 батальона с артиллерией «с присовокуплением по необходимости еще двух батальонов, остерегаясь только, чтобы оные не были напрасною жертвою в отдаленности».

Но это распоряжение получено Гудовичем лишь 1 октября, когда все уже давно было кончено!

Согласно Георгиевскому трактату, русские войска в количестве 2-х батальонов должны были находиться в Грузии постоянно. В 1787 году их неожиданно вывели под предлогом необходимости примирения Ираклия с окружающими ханами, а также, чтоб не втягивать Грузию в русско-турецкую войну. Но война кончилась в 1791 году, и с тех пор уже без всякого предлога трактат не исполнялся.

8 января 1796 года Ираклий пишет Екатерине: «По трактату надеялись мы получить скорую помощь победоносными вашего величества войсками, но оные не подошли, и нас победили».

За то русское правительство получило долгожданный предлог. Разрушение Тбилиси послужило поводом для давно замышляемой войны с Персией. Теперь оно могло всенародно «принять позу освободителя», в особенности перед иностранцами, перед которыми русские государи и в особенности Екатерина всегда считали себя духовно ответственными. Теперь царское правительство могло принять вид оскорбленной добродетели и мстить за поругание «единоверного» народа.

В 1796 году Российская империя объявила войну Ирану. Главной причиной ее было то, что Ага-Магомет-хан чинил препятствия русской торговле на берегах Каспийского моря. Он арестовал в Энзели русские корабли и купцов, занял Шемаху и наложил контрибуцию на Баку. «Эти события еще вяшше убедили императрицу в том, что без военных мер невозможно было исторгнуть Персию из рук хищника, водворить там спокойствие, восстановить нашу торговлю и оградить

от оскорблений наших подданных». (А. М. Грибовский, секретарь Екатерины). Но в Манифесте Екатерина утверждала, что главной целью было освобождение Грузии, Дагестана, Ширвана и Карабаха от насилий Ирана. Бутков говорит: «Под предлогом наказания Магомет-хана за Грузию главнейше основать твердым образом с Персией нашу торговлю». Хотели превратить бакинский порт в главный торговый центр на Каспии и основать город у слияния Куры и Аракса.

Валериан Зубов, брат фаворита, назначенный командующим, «разсеял повсюду печатный на российский, персидском и армянском языках манифест от имени императрицы, в котором объяснено, что российские войска вступили в пределы персидские единственно для освобождения сего государства от хищника и для восстановления между обеими державами мира, доброго соседства и торговли». Однако это было еще не все. «Для учреждения торговли с Индией Зубову было поручено занять гарнизонами важные через Персию до Тибета места; потом обратиться к Анатолии, взять Анапу, пресечь все подвозы и сношения с Константинополем». План этот должен был быть приведен в исполнение в 1797 году. Генералы В. Зубова Корсаков, Бенигсен, Цицианов, Платов, заняв Дербент и Баку (как во времена Петра I), должны были направиться в Исфагань. Конечной целью похода был Константинополь. Придерживаясь в войне плана Петра, В. Зубов намеревался, укрепив Дербент и Баку, захватить всю армянскую торговлю шелком с Индией и Турцией.

В. Зубов успел взять Дербент и Баку, но тут Екатерина внезапно скончалась и Павел сразу отозвал войска. Ираклий просил оставить их, но Павел отнесся к его просьбе без внимания.

Как видим, у Екатерины были далеко идущие планы, в которых Грузия играла подчиненную роль, роль приманки. Она нужна была также для того, чтобы, осуществляя свои захватнические планы, царская Россия могла принять позу освободителя. Захватить «торговлю шелком», вот что ей нужно было. Судьба же Грузии ее интересовала постольку, поскольку.

Ираклий неоднократно просил у царского правительства артиллерию, зная, что это весьма действенное средство против персов. Но даже этот сравнительно простой вопрос не был решен. Между тем пушек у русских было много.

«При взятии Очакова трофеями достались 310 пушек и мортир» (у Ираклия в этот момент было всего 4). При взятии Измаила — 245 пушек и мортир. Даже на одном только швед-

ском корабле «Принц Карл», сдавшемся русским морякам в бою, было 64 пушки. Как видим, очень просто было поделиться с союзниками. Но царское правительство, замыслив войну с Персией, сознательно не хотело усиления Грузии. Она ей нужна была как приманка для Персии.

Вдохновителем всей этой захватнической политики была Екатерина. Сама она в ответ на восхваления и возвеличивания заметила: «Может быть, это и походит на правду, но все это надо рассмотреть основательно: графу Орлову (Алексею) одолжена я частью блеска моего царствования, ибо он присоветовал послать флот в архипелаг. Князю Потемкину обязана я приобретением Тавриды (Крыма) и рассеянием татарских орд, столько беспокоивших всегда пределы империи. Все, что можно сказать, состоит в том, что я была наставницею сих господ. Фельдмаршалу Румянцеву одолжена я победами; вот что только я ему сказала: «Господин фельдмаршал, дело доходит до драки; лучше побить, чем самому быть побитым». Михельсону я обязана поимкой Пугачева, который едва было не забрался в Москву, а может быть, и далее. Если несколько довольны мною, то это от того, что я постоянна и одинакова в моих правилах. Я предоставляю много власти людям, употребляемым от меня на службу».

Да, она была «наставницей сих господ», это отрицать нельзя.

После нашествия Ага-Магомет-хана Ираклий очень переживал. Преклонные лета, прежние раны отняли энергию. Всем заправляла Дареджан. Она делала, что хотела, по самым разным поводам конфликтуя с царевичами. Царство неминуемо шло к окончательному падению.

Царевичи, враждуя между собой, вышли из повиновения. Еще в 1784 году П. С. Потемкин писал Бурнашеву по поводу ссоры царевичей Георгия и Вахтанга (причиной ссоры была княжна, которую Георгий желал для сына, а Вахтанг для самого себя): «Потщись объяснить им, что нет в свете такой девицы, за которую с братьями можно было ссориться». Каждый из царевичей, относясь равнодушно к общественному благу, старался лишь о расширении своего удела. Георгий не выступил на помощь Ираклию при защите Тбилиси. Тот же Артемий Араратский, находившийся в Сигнахи, свидетельствует, что «царевич не один раз собирал просимое отцом его вспоможение и выпроваждал их из города, но подданные его возвращались кружными дорогами назад». Царь Ираклий ни во что не вмешивался. Георгия окружали клеветы, он сидел в Сигнахи.

Таким же безучастным был и царевич Вахтанг, проживавший в Душети. Он управлял Мтиулетией. Дареджан думала только о том, чтобы возвести на престол Юлона, для чего удалила от двора Александра, поселившегося в Борчало.

Несомненны две ошибки Екатерины: в момент вторжения шаха Ираклий был брошен на произвол судьбы и она не оценила в полной мере значения для России Георгиевского трактата.

Удивляет исключительная сила воли Ираклия, против которого было все: и жена, и дети, и министры, и недалёковидная, эгоистичная политика Екатерины.

Он удалился в Телави, где томился в одиночестве. Он не мог примириться с мыслью, что в то время, когда решалась судьба отчизны, он был оставлен всеми без помощи.

Неожиданная смерть Екатерины помешала ей довершить гигантские замыслы. Она беспрестанно помышляла об изгнании турок из Европы, об учреждении торгового сношения с Индией, «о собрании золота с Гангеса и о усмирении Китая». Она сказала однажды при Державине, что не желала бы умереть, не совершив сих предприятий. Но она так и не поняла огромной необходимости именно для них Грузии и Кавказа.

СОДЕРЖАНИЕ

Памятники прошлого	3
Время Вахтанга	34
Волжское село	91
«Известная графиня»	125
Екатерина II и грузинские дела	147

АНДРОНИКАШВИЛИ БОРИС БОРИСОВИЧ
СТРАНИЦЫ ПРОШЛОГО ЧИТАЯ...

Редактор издательства Л. Шахназарова
Художник К. Кипиани
Художественный редактор Т. Кохрендзе
Технический редактор А. Якимова
Корректоры И. Ахсахалян, В. Раев
OCR - Давид Титиевский, август 2017 г., Хайфа

ИБ — 3301

Сдано в набор 18.03.1986 г.

Подписано в печать 13.07.1987 г.

УЭ 10766

Формат 60×84^{1/16}

Бумага типографская № 2

Гарнитура литературная

Печать высокая

Усл. печ. л. 11,63

Учетно-изд. л. 12,24

Условн. кр. отт. 11,86

Тираж 15.000 экз.

Заказ № 376

Цена 80 коп.

Издательство «Мерани». 380008 Тбилиси, пр. Руставели, 42.
Типография № 1, Государственного комитета Грузинской ССР
по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Тбилиси, ул. Орджоникидзе, 50.